

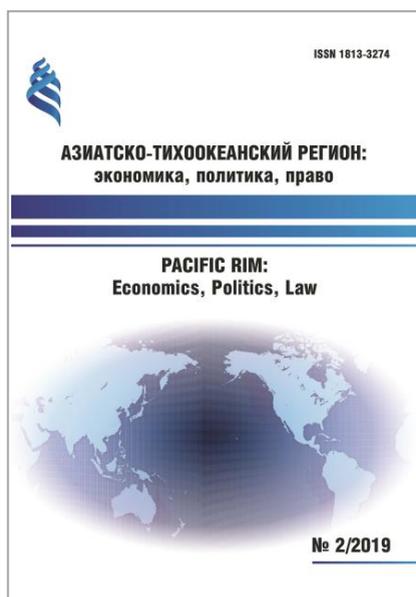
АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Научный
журнал

Основан в 1999 году

2019
№ 2

Учредитель

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274.
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

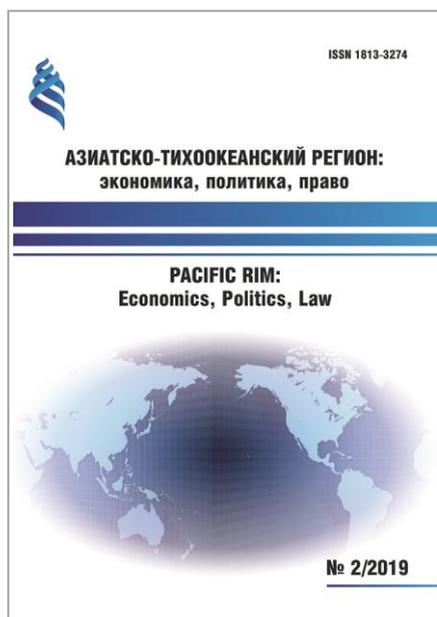
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2019
No 2

Founder

- Registration certificate ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016.
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274.
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- Materials of the Journal are included into the Russian Science Citation Index.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus

Building A (24), office A920–923

Far Eastern Federal University

Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**ЖАРИКОВ
Евгений
Прокофьевич** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ
Пётр
Яковлевич** академик Российской академии наук, директор Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН
Виктор
Григорьевич** советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ
Дэвид** директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН
Анатолий
Яковлевич** научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ
Алексей
Сергеевич** проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ
Владимир
Иванович** член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ
Сеун** председатель Совета Образовательного фонда ShinIL, Seoul Cyber University, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Дальневосточного федерального университета
- ПАК
Ноенг** профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- РОГОВ
Игорь
Иванович** заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

СНАЙДЕР Даниель	заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, Соединённые Штаты Америки
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Дмитриевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Evgeny P. Zharikov Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochoentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, Director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag	Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada
Anatoly Ya. Kapustin	Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
Alexey S. Koshel	Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Lee Se Ung	Chair of the Board, ShinIL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of Far Eastern Federal University
Park Nohyoung	Professor of Law, School of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
Daniel C. Sneider	Associate Director for Research, Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, United States of America
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey D. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА <i>Безбородов Ю. С.</i> Средства сближения правовых систем государств азиатского региона в международном праве	15
ЭКОНОМИКА РЕГИОНА <i>Бризицкая А. В.</i> Развитие торгово-экономического сотрудничества России и Китая в новых геополитических условиях	25
<i>Кравченко А. А., Заяц А. В.</i> Взаимосвязь экономического развития и экологических проблем в современном Китае	40
<i>Жариков Е. П.</i> Проблемы развития экономики российского Дальнего Востока в 2013–2018 гг.	51
<i>Лякин А. Н.</i> Ловушка среднего дохода и российская стагнация	60
<i>Лосев А. С.</i> Моделирование динамики численности занятых, безработных и обучающихся Приморского края	76
ПОЛИТИКА <i>Шебзухова Т. А., Понделков А. В., Мамычев А. Ю.</i> Профессиональные компетенции политических элит: традиционные и современные тренды	87
<i>Мамычев А. Ю., Мирошниченко О. И.</i> Цифровая трансформация общественно- политической организации: проблемы гармонизации ценностно-нормативных и инновационных доминант развития политической системы	101
ПРАВО <i>Захарова В. К.</i> Некоторые аспекты исторического развития уголовного процесса в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Основные направления совершенствования организации предварительного следствия в обеих странах	120
<i>Дремлюга Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю.</i> Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства	130
<i>Рабец А. П.</i> О некоторых аспектах правовой охраны географических указаний в качестве новых объектов интеллектуальных прав	140
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ <i>Кириллов Д. А., Сеченова Е. Г.</i> Обоснование гипотезы об имитационности русской юридической науки	152
<i>Гаврилов В. В., Нуримбетов Р. М.</i> Рецензия на учебник: Бекашев К. А. Международное публичное право. – М. : Проспект, 2019. – 1048 с.	164

Contents

To the Readers	11
LEGAL SYSTEMS CONVERGENCE ASIAN REGION	
<i>Bezborodov Yury S.</i> Ways of convergence of APR legal systems in international law	15
ECONOMY OF THE REGION	
<i>Brizitskaya Anna V.</i> Development of trade and economic cooperation between Russia and China in new geopolitical conditions	25
<i>Kravchenko Alla A., Zayats Alina V.</i> The relationship of economic development and environmental problems in modern China	40
<i>Zharikov Evgenie P.</i> Problems of the Russian Far East economic development in 2013–2018	51
<i>Lyakin Alexander N.</i> The middle-income trap and Russian stagnation	60
<i>Losev Alexander S.</i> Modeling the dynamics of the number of employed, unemployed and students of Primorsky Krai	76
POLICY	
<i>Shebzukhova Tatiana A., Ponedelkov Alexander V., Mamychev Alexey Yu.</i> Professional competencies of political elites: traditional and modern trends	87
<i>Mamychev Alexey Yu., Miroshnichenko Oleg. I.</i> Digital transformation of the sociopolitical organization: problems of harmonization of value-normative and innovative dominants of political system development	101
LAW	
<i>Zakharova Victoria K.</i> Some aspects of the historical development of the criminal process in the Russian Federation and the People's Republic of China. The main directions of improving the organization of the preliminary investigation in both countries	120
<i>Dremlyuga Roman I., Zotov Sergey S., Pavlinskaya Valeria Yu.</i> Critical information infrastructure as object of a criminal offence	130
<i>Rabets Anna P.</i> Some aspects of legal protection of geographical indications as new intellectual property objects	140
SCIENCE LIFE	
<i>Kirillov Dmitry A., Sechenova Ekaterina G.</i> Substantiation of the hypothesis about the imitativeness of the Russian legal science	152
<i>Gavrilov Vyacheslav V., Nurimbetov Rustambek M.</i> Textbook review: Bekyashev K.A. International public law. – M. : Prospect, 2019. – 1048 p.	164

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чревата замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы;

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках, E-mail для связи с читателями;

- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);

- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;

- Список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике;

- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716). E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references;

- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;

- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);

- links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";

- list of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source;

- margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690091, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716). E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

**КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ
АЗИАТСКОГО РЕГИОНА**

LEGAL SYSTEMS CONVERGENCE ASIAN REGION

УДК 341:340.15(5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/15-24

Ю. С. Безбородов¹

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: yury.bezborodov@gmail.com

ORCID 0000-0002-5782-417X

**СРЕДСТВА СБЛИЖЕНИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ
АЗИАТСКОГО РЕГИОНА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ**

Аннотация. Процессами сближения, в малой перспективе периодически перемежающимися явлениями дивергенционного характера, охвачено всё международное сообщество, все без исключения субъекты и все аспекты социальной действительности. Практически все государства мира стремятся объединиться для усиления своих позиций на международной арене. Однако характеристики подобных процессов в различных регионах планеты существенно отличаются. В последние десятилетия очевиден рост числа региональных объединений, и сейчас фактически каждое государство входит хотя бы в одно региональное объединение. В рамках настоящей работы анализу подверглась как раз международная организация как форма правовой конвергенции (сближения), поскольку именно эта форма сотрудничества подразумевает глубокую, конкретизированную нормотворческую работу и включает в себя и международный договор как форму конвергенции. Особенно это касается международных организаций, обладающих наднациональным характером юридической природы. Речь идёт прежде всего о международных организациях интегративного типа с правом издавать юридически обязательные акты и ограничивать суверенные права государств-членов, с согласия последних, с едиными наднациональными органами.

¹ Юрий Сергеевич Безбородов, кандидат юридических наук, доцент Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.

Для цитирования: Безбородов Ю. С. Средства сближения правовых систем государств азиатского региона в международном праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 15–24.

Ключевые слова: сближение, конвергенция, международное право, Азия, международный договор, региональные организации, АСЕАН, АТЭС, гармонизация, унификация.

Yury S. Bezborodov¹

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: yury.bezborodov@gmail.com

WAYS OF CONVERGENCE OF APR LEGAL SYSTEMS IN INTERNATIONAL LAW

Abstract. The processes of convergence, interspersed with divergence, encompass the entire international community, all subjects without exception and all aspects of social reality. Practically all states of the world are striving to pool their resources and efforts to strengthen their positions in the international arena. However, the characteristics of such processes in different regions of the planet differ significantly. The beginning of this century is marked by an increased scientific and public interest in the processes of regional cooperation taking place around the world. Researchers are thoroughly engaged in identifying their essence, determining the degree of their influence on various spheres of life of various states. In recent years, there has been a significant increase in the number of regional associations and now virtually every country belongs to at least one regional association. In the framework of this work, the international organization as a form of legal convergence (*rapprochement*) was subjected to the analysis, since it is the form of cooperation that implies a deep, specific rule-making work and includes the contract as a form of convergence. This is especially true of international organizations with the supranational nature of a legal character. Here we are talking about international organizations of the integrative type, which have special powers: to create uniform supranational bodies (including judicial) and uniform legislation; issue legally binding acts; limit some of the sovereign rights of member states with the consent of the latter.

Keywords: *rapprochement*, convergence, international law, Asia, international treaty, regional organizations, ASEAN, APEC, harmonization, unification.

Правовая конвергенция как международно-правовое явление [4] достигает своего апогея именно в рамках международных организаций интегративного типа – с созданием союзов государств и правопорядка с едиными регуляторами. Конверген-

¹ Yuri S. Bezborodov, PhD in Law, Associate Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. *For citing:* Bezborodov Yuri S. Ways of convergence of the Asian region's states in International law // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 15–24.

ция в рамках международных организаций с помощью интеграции – это верхушка процессов сближения в настоящее время с точки зрения международного права. Ближе всего целям конвергенции и эффективнее всего в рамках процессов сближения как раз метод интеграции и международная организация с наднациональным характером юридической природы (как форма сближения).

В территориальном аспекте все международные организации с наднациональными полномочиями являются региональными: европейские, африканские, южноамериканские, постсоветские и т.д. Некоторые авторы называют Всемирную торговую организацию единственной универсальной интеграционной организацией [9, с. 83]. В этой части с ними можно не согласиться, поскольку в правовом порядке ВТО сложно найти следы интеграции как метода сближения национальных правовых систем [3]. В большинстве своём речь идёт о гармонизации и унификации правовых регуляторов экономических отношений. Государства интегрируются в рамках международных организаций регионально. «В первую очередь интерес к взаимной интеграции возникает у государств, которые расположены поблизости друг от друга и уже связаны между собой прочными экономическими узами, общностью исторического развития, языка, религии, культуры» [9, с. 24]. Поэтому в международно-правовом аспекте организационные формы правового сближения, основанные на применении метода интеграции, целесообразнее рассматривать в региональном аспекте.

Интеграция – как элемент и метод конвергенции – явление, которое охватило в настоящее время практически все регионы планеты. Чаще всего интеграция в правовой сфере начинается со сближения экономик – такова социальная действительность. Большинство современных международных наднациональных организаций в предметном плане являются региональными организациями экономической компетенции. Например, в Северной Америке до недавнего времени активно развивалась Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА), в настоящее время переходящая в другую организационную форму. Однако признаки наличия более чем экономической интегрированности у данного объединения отсутствовали. И несмотря на то, что, в отличие от многих других объединений других регионов НАФТА достигла больших успехов в экономической интеграции, распространения интеграции на иные сферы общественных отношений в рамках данного региона не произошло, поскольку целью создания объединения изначально была лишь экономическая интеграция.

Интеграционные процессы наблюдаются также и в регионах Латинской Америки и Африки, где государства продолжают стремиться к полной независимости и преодолению экономической отсталости. Среди развивающихся стран именно страны Латинской Америки первыми вступили на путь экономической интеграции: идея создания общего рынка была сформулирована в 1949 г. на первой сессии Экономической комиссии ООН для Латинской Америки. Уже в конце 1960-х гг. здесь

возникли полноценные интеграционные организации: Карибская ассоциация свободной торговли, Договор Бразилиа, Андская группа [2]. В Африке в период деколонизации в 1963 г. государства с целью скорейшего преодоления хозяйственной отсталости и экономической зависимости создали Организацию африканского единства (ОАЕ). Между государствами африканского региона заключено самое большое число международных договоров, направленных на создание интеграционных блоков: ЭКОВАС, САДК, КОМЕСА, Африканский Союз и др. Нормы учредительных договоров таких объединений многообещающи и идеалистичны, а поставленные цели носят скорее декларативный характер: интеграционные цели провозглашены, но не достигаются.

Что касается азиатского региона, то интеграция в этом регионе в большинстве своём существует пока только в виде идей: на пути к ней можно отметить лишь отдельные шаги. Наиболее значимыми интеграционными объединениями региона, по мнению большинства исследователей, являются АСЕАН и АТЭС.

«Включение азиатского региона в мировые политические и экономические процессы произошло в середине XIX в.» [6, с. 32]. До этого многие азиатские государства находились в колониальной зависимости от западных стран, а некоторых (например, Бруней, Малайзия и т. д.) просто не существовало на политической карте мира. Однако после Второй мировой войны, распада колониальной системы и формирования новой системы международных отношений азиатский регион стал играть всё более значительную роль в международных отношениях.

В 1965 г. была предложена идея создания Тихоокеанской зоны свободной торговли с вхождением в неё США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Японии, которая, однако, так и не была реализована, но которая показала наличие тенденций к экономической интеграции в восточноазиатском регионе [5]. И уже в 1967 г. был создан Тихоокеанский экономический совет (далее – ТЭС), объединивший крупнейшие компании и корпорации государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Далее, в 1968 г. была создана Тихоокеанская конференция по торговле и развитию как серия академических конференций, организуемых «с целью продвижения вопросов исследования и обсуждения вопросов экономической политики, касающихся Тихоокеанского региона» [7].

В 1961 г. Филиппинами, Малайзией и Таиландом была предпринята не совсем удачная попытка создания Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Позже, в 1967 году, этим же государствам (плюс Индонезия и Сингапур) всё же удалось сформировать это объединение, основной целью которого было обозначено содействие региональному сотрудничеству. Но некоторые авторы отмечают, что главным побудительным мотивом функционирования АСЕАН был не экономический, а военно-политический фактор: «...формирование АСЕАН было вызвано необходимостью военно-политической стабилизации в Юго-Восточной Азии, а не стало

проявлением экономической логики – война в Индокитае, укрепление коммунистической идеологии на севере ЮВА, её экспансия на юг – всё это способствовало усилению нестабильности в регионе» [1, с. 90]. Однако со временем, когда негативная ситуация стала меняться, экономический вектор становился всё более заметным. И сегодня АСЕАН представляет собой успешное экономическое объединение с интеграционным потенциалом. В дальнейшем (к середине 70-х гг.) политический фактор содействовал интеграционному взаимодействию в экономической сфере, в отличие от ЕС, где экономическая интеграция стимулировала политическое сотрудничество [6].

В последующие десятилетия Ассоциация расширялась: в 1984 году за счёт Брунея, в 1995 году за счёт Вьетнама, в 1997 году за счёт Лаоса и Мьянмы, в 1999 году к АСЕАН присоединилась Камбоджа. Папуа – Новая Гвинея на данный момент имеет статус наблюдателя¹. Таким образом, в 2019 году членами АСЕАН являются десять вышеупомянутых государств, а высшим органом ассоциации являются саммиты глав государств и правительств стран – членов АСЕАН и партнёров по диалогу. Членство в Ассоциации открытое – в соответствии с Декларацией. Главное требование – желание государства «связать себя вместе в дружбе и сотрудничестве и, через совместные усилия и жертвы, безопасные для их народов и для будущих поколений, добиться мира, свободы и процветания» [13].

Во время проведения саммитов АСЕАН представители государств-членов помимо внутриорганизационной встречи проводят совместную конференцию в рамках Регионального Форума АСЕАН, а также встречу со странами-партнёрами по формуле «АСЕАН+3»: Китаем, Японией и Кореей. Кроме того отдельная встреча проходит между лидерами стран АСЕАН и Австралией и Новой Зеландией. А с 2002 г. отдельные встречи организуются по линии АСЕАН – Индия [13].

Повседневное руководство АСЕАН осуществляется постоянным комитетом в составе министра иностранных дел председательствующей страны и послов остальных стран-членов. Постоянный Секретариат расположен в Джакарте и возглавляется Генеральным секретарём. В структуру Ассоциации входят 29 комитетов и 122 рабочие группы, что «позволяет проводить ежегодно более 300 мероприятий в рамках АСЕАН» [12].

Что касается учредительной основы функционирования этого блока, то помимо Декларации согласия АСЕАН 1976 г. и Второй Декларации согласия АСЕАН 2003 г. в неё входит Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г., допускающий с 1987 г. возможность присоединения государств иных регионов. Этим правом в 2003 г. воспользовались Китай и Индия, в 2004 г. – Япония,

¹ Восточный Тимор подал заявку в 2002 г.

Пакистан, Российская Федерация и Республика Корея, в 2005 г. – Австралия, Новая Зеландия и Монголия.

Лишь спустя 40 лет после создания АСЕАН 20 ноября 2007 г. на 12-м саммите АСЕАН в Сингапуре был принят Устав этой организации, согласно ст. 3 которого «Ассоциация наделялась правосубъектностью международной организации» [14]. Ст. 1 Устава закрепила 15 целей АСЕАН, среди которых: поддержание и укрепление мира, безопасности и стабильности; укрепление региональной устойчивости путём содействия политическому, экономическому и социокультурному сотрудничеству; создание единой рыночной и производственной базы, отвечающей критериям стабильности, процветания, конкурентной способности; поддержание и защита прав человека и основных свобод; содействие устойчивому развитию с целью гарантировать защиту окружающей среды региона и т. д. Главной целью принятия Устава АСЕАН считается необходимость придания Ассоциации правовой основы, для чего в договоре закреплены нормы, направленные на создание чёткой структуры блока. Кроме того, важным положением Устава явилось закрепление механизма по решению спорных ситуаций [10, с. 294].

АСЕАН – триедина, подобно европейским сообществам: 1) Сообщество безопасности, основанное прежде всего Договором о дружбе и сотрудничестве 1976 г.; 2) Экономическое сообщество, созданное по подобию Европейского Экономического Сообщества (однако создание наднациональных органов, характерных для европейской интеграции, только планируется в будущем); 3) Социокультурное сообщество. «Отсутствие договорно-правовых механизмов, если не считать положений Устава о целях СКС, и значительный удельный вес политических решений (саммитов АСЕАН) и программных документов (Программа действий по созданию СКС 2004 г., план создания СКС 2007 г. и т.д.) повышают роль органов АСЕАН в решении конкретных проблем по реализации данного масштабного проекта» [8].

Два года назад АСЕАН исполнилось 50 лет. В государствах – членах Ассоциации проживает более 600 млн человек, совокупный объём ВВП – около трёх трлн долларов. По-восточному медленно, но верно Юго-Восточная Азия посредством АСЕАН выстраивает единое экономическое и социально-культурное пространство. Но АСЕАН – не единственный пример интенсивного сотрудничества государств в Восточной Азии. Ровно тридцать лет назад, во многом ориентируясь на интеграционные достижения ЕС, на 1-й конференции министров иностранных дел и экономики 12 стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Канберре был создан Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества – АТЭС, в который помимо государств – членов АСЕАН вошли Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Соединенные Штаты и Канада. В последнюю декаду XX в. к форуму присоединились Гонконг, КНР, Тайвань, Мексика, Папуа – Новая Гвинея и

Чили. В 1998 г. членами форума стали Россия, Вьетнам, Перу, и был десятилетний мораторий на дальнейшее расширение.

АТЭС изначально был образован как свободный консультативный форум без какой-либо жёсткой организационной структуры или крупного бюрократического аппарата, потому важнейшими формами деятельности АТЭС остаются саммиты глав государств и правительств, которые регулярно проводятся с 1993 г., а также встречи министров иностранных дел, торговли и экономики, профильные встречи министров и совещания старших должностных лиц экономик – участниц Форума.

На первой встрече в Канберре были определены цели и основополагающие принципы работы форума. Его участники договорились о том, что: во-первых, АТЭС должен поддерживать режим свободной открытой торговли и не превращаться в закрытый торговый блок; во-вторых, АТЭС – экономический форум, который только обсуждает проблемы регионального экономического сотрудничества и связанные с ними другие вопросы с целью дальнейшей либерализации торговли; в-третьих, региональное экономическое сотрудничество должно осуществляться постепенно, путём переговоров на равноправной основе. Важной вехой в развитии АТЭС стало принятие в 1994 г. Богорской декларации. В данной декларации была сформулирована стратегическая цель АТЭС – создание системы свободной торговли и инвестиций в регионе. Развитые экономики должны были реализовать эту цель к 2010 г., к 2020 году [15].

В 2007 г. в Сиднее состоялся юбилейный, 15-й саммит глав государств – участников АТЭС. В итоговой декларации было отмечено, что к 2030 году страны-участницы сократят выброс парниковых газов на 25%, произойдёт либерализация экономик, а также будет усилено взаимодействие в борьбе с терроризмом. На саммите 2009 г. в Сингапуре было заявлено, что экономики АТЭС будут развиваться сбалансировано на основе комплексной долговременной стратегии роста. Была обозначена цель – создание в будущем Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли [11].

Региональные объединения создаются в силу разнообразных причин, с различными целями и при различных обстоятельствах. Они предполагают разную степень политической координации или экономической интеграции, а также находятся на разных стадиях эволюции. В этом смысле азиатский регион более-менее однороден. Необходимо также отметить, что переход от низших форм и методов сближения к более высоким и есть поэтапный процесс международной правовой конвергенции. Длительность этапов определяется комплексом многообразных факторов внутриэкономического, внешнеэкономического и политического характера. Однако практика показывает, что реальный процесс сближения с применением интеграции в силу своей внутренней противоречивости не может происходить столь прямолинейно и поступательно, как предполагает рассмотренная логическая схема. Опыт

азиатской региональной интеграции показывает значительные сложности в создании единого правового и экономического пространства и разную степень заинтересованности в глубине взаимодействия сторон.

Несмотря на то, что процессы правового сближения в азиатском регионе не так интенсивны, по сравнению с Европой или Южной Америкой, в обозначенном регионе также можно заметить признаки метаинтеграции – зарождающейся интеграции интеграций¹ (но не саму метаинтеграцию): АСЕАН, с одной стороны, и Австралия и Новая Зеландия (как ядро АТЭС), с другой, в 2009 г. подписали Соглашение об учреждении Зоны свободной торговли АСЕАН – Австралия – Новая Зеландия. В азиатском регионе наиболее активно применяемыми методами сближения национальных правовых систем остаются гармонизация и унификация.

Список литературы

1. Арунова, Л. В. Этапы интеграции стран АСЕАН в единое экономическое сообщество // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 15. – С. 90–105.
2. Безбородов, Ю. С. Интеграционные и метаинтеграционные процессы в американском регионе: особенности реализации // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 1. – С. 58–64.
3. Безбородов, Ю. С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // LexRussica. – 2017. – № 12 (133). – С. 124–132.
4. Безбородов, Ю. С. Конвергенция: правовой и международно-правовой подходы к определению // Universum Juris. – 2016. – № 2. – С. 1.
5. Костюнина, Г. М. Активизация интеграционных инициатив в Восточной Азии и интересы России // Внешнеэкономические связи. – 2008. – 28 февр. – URL: <https://mgimo.ru/library/publications/31251/> (дата обращения: 28.06.2019).
6. Костюнина, Г. М. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) // Международная экономическая интеграция : учебное пособие / под ред. Н. Н. Ливенцева. – Москва : Экономистъ, 2006. – С. 226–261.
7. Ланцова, И. С. Азиатско-Тихоокеанский регион в современной мировой политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2006. – Вып. 3. – С. 36–41.
8. Мелькин, М. С. Международно-правовой статус АСЕАН : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / М. С. Мелькин. – Москва, 2012. – 197 с.

¹ Метаинтеграционный процесс – объединяющий уже сформированные интеграционные образования. В рамках этого процесса происходит физическое укрупнение игроков, приводящее в конечном итоге к укрупнению компетентностному, примером чего является Европейский Союз.

9. Кашкин, С. Ю. Основы интеграционного права : учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. – Москва : Проспект, 2015. – 225 с.
10. Церерин, А. Н. Принятие Устава АСЕАН и его влияние на дальнейшую эволюцию Ассоциации // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 1. – С. 293–295.
11. 2009 Leaders' Declaration «Sustaining Growth, Connecting the Region». – URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/373> (дата обращения 14.10.2019).
12. Департамент информации и печати МИД РФ. – URL: https://ria.ru/organization_Departament_informacii_i_pechati_MID_RF/ (дата обращения: 28.06.2019).
13. Aseansec.com. – URL: <http://www.aseansec.org> (дата обращения: 28.06.2019).
14. Charter of the Association of Southeast Asian Nations. – URL: <http://asean.org/asean/asean-charter/charter-of-the-association-of-southeast-asian-nations> (дата обращения: 28.06.2019).
15. Asia Pacific Economic Cooperation // АПЕС. – URL: http://www.apec.org/apec/about_apec/history.html (дата обращения: 28.06.2019).

References

1. Arunova L.V. Etapy integracii stran ASEAN v edinoe ekonomicheskoe soobshchestvo [Stages of ASEAN countries integration into a single economic community]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problem razvitiya*, 2010, no. 15, pp. 90–105.
2. Bezborodov Yu.S. Integratsionnye i metaintegratsionnye protsessy v amerikanskom regione: osobennosti realizatsii [Integration and meta-integration processes in the American region: implementation features]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2019, no. 1, pp. 58–64.
3. Bezborodov Yu.S. Integratsiya kak mezhdunarodno-pravovoi metod pravovoi konvergentsii [Integration as an international legal method of legal convergence]. *Lex Russica*, 2017, no. 12 (133), pp. 124–132.
4. Bezborodov Yu.S. Konvergentsiya: pravovoi i mezhdunarodno-pravovoi podkhody k opredeleniyu [Convergence: legal and international legal approaches to definition]. *Universum Juris*, 2016, no. 2, p. 1.
5. Kostyunina G.M. Aktivizatsiya integratsionnykh initsiativ v Vostochnoi Azii i interesy Rossii [Activization of integration initiatives in East Asia and Russia's interests]. *Foreign Economic Relations*. Available at: <https://mgimo.ru/library/publications/31251/> (accessed 28 June 2019).
6. Kostyunina G.M. Assotsiatsiya stran Yugo-Vostochnoi Azii (ASEAN) [Association of Southeast Asian Nations (ASEAN)]. Liventsev N.N., ed. *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya: uchebnoe posobie* [International Economic Integration: a study guide]. Moscow: Economist Publ., 2006, pp. 226–261.
7. Lantsova I.S. Aziatsko-Tikhookeanskii region v sovremennoi mirovoi politike [Asia-Pacific region in modern world politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universi-*

teta. Ser. 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otноsheniya [Bulletin of the St. Petersburg University. Ser. 6: Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations], 2006, vol. 3, pp. 78–85.

8. Mel'kin M.S. *Mezhdunarodno-pravovoi status ASEAN* [ASEAN international legal status]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2012. 197 p.

9. Kashkin S.Yu, Chetverikov A.O. *Osnovy integratsionnogo prava: uchebnoe posobie* [Fundamentals of integration law: a study guide]. Moscow: Prospekt Publ., 2015. 225 p.

10. Tsererin A.N. Prinyatie Ustava ASEAN i ego vliyanie na dal'neishuyu evolyutsiyu Assotsiatsii [Acceptance of the ASEAN Charter and its impact on the further evolution of the Association]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 2012, no. 1, pp. 293–295.

11. *2009 Leaders' Declaration «Sustaining growth, connecting the region»*. Available at: <http://en.kremlin.ru/supplement/373> (accessed 14 October 2019).

12. *Information and Press Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Available at: https://ria.ru/organization_Departament_informacii_i_pechati_MID_RF/ (accessed 28 June 2019). (In Russian).

13. *Aseansec.com*. Available at: <http://www.aseansec.org> (accessed 28 June 2019).

14. *Charter of the Association of Southeast Asian Nations*. Available at: <http://asean.org/asean/asean-charter/charter-of-the-association-of-southeast-asian-nations> (accessed 28 June 2019).

15. *Asia Pacific Economic Cooperation*. Available at: http://www.apec.org/apec/about_apec/history.html (accessed 28 June 2019).

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА ECONOMY OF THE REGION

УДК 339(470+510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/25-39

А. В. Бризицкая¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: brizitskaya.av@dvfu.ru

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье проводится анализ торговых связей России и Китая в современный период, который характеризуется изменениями ситуации на мировой арене и во внутривосточной жизни стран. Исследуются динамика и товарная структура двусторонней торговли РФ и КНР, рассчитывается индекс комплементарности торговли, который показал, что китайский экспорт в большей степени дополняет структуру российского импорта, нежели наоборот. Акцент сделан на традиционной торговле товарами без учёта услуг и трансграничной электронной торговли. В работе определены два основных направления, в которых может идти развитие российского экспорта в Китай в условиях «торговой войны» КНР и США. Дается обоснование неадекватности политики наращивания только топливно-энергетического экспорта. Обозначены причины, сдерживающие развитие сырьевого экспорта России, прежде всего сельскохозяйственной продукции и продовольствия, в Китай.

Ключевые слова: внешняя торговля, Китай, Россия, торговые войны, индекс комплементарности торговли, сырьевой экспорт.

¹ Анна Валентиновна Бризицкая, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.
Для цитирования: Бризицкая А. В. Развитие торгово-экономического сотрудничества России и Китая в новых геополитических условиях // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 25–39.

Anna V. Brizitskaya¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: brizitskaya.av@dvfu.ru

DEVELOPMENT OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS

Abstract. The article analyzes the trade relations between Russia and China in the modern period characterized by changes in the situation on the world stage and in the domestic political life of countries. The dynamics and commodity structure of bilateral trade of Russia and China have been studied, the Index of trade complementarity has been calculated, which showed that Chinese exports are more complementary to the structure of Russian imports than vice versa. Emphasis is placed on traditional trade in goods, excluding services and cross-border e-Commerce. The paper identifies two main directions which the development of Russian exports to China can take in the conditions of the "trade war" of China and the United States. The short-sighted policy of increasing only fuel and energy exports is justified. The reasons hindering the development of non-resource exports of Russia, primarily agricultural products and food, to China have been identified.

Key words: foreign trade, China, Russia, trade wars, trade complementarity index, non-commodity exports.

Введение

Вторая половина 2017 г. – начало 2018 г. ознаменовались в России и Китае обновлением внутривнутриполитических приоритетов и началом следующего политического цикла. В Китае это было связано с проведением в октябре 2017 г. XIX Национального съезда Коммунистической партии (КПК) и в марте 2018 г. – первой сессии Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва.

Среди основных итогов съезда, которые имеют важное значение в контексте развития торгово-экономических российско-китайских отношений, можно отметить следующее:

- сохранение в Китае курса экономических реформ и политики открытости в трёх основных направлениях: торговле, инвестициях и валюте;

¹ Anna V. Brizitskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department «World economy», School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Brizitskaya, A.V. Development of trade and economic cooperation between China and Russia in new geopolitical conditions // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 25–39.

- учреждение в стране Государственного управления по развитию международного сотрудничества, которое займётся в частности вопросами предоставления помощи в целях развития, в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь»;

- подтверждение ключевой роли инициативы «Один пояс – один путь» в развитии внешней открытости Китая;

- получение новых постов в составе китайского руководства руководителями, которые длительное время принимали активное участие в развитии сотрудничества между Россией и Китаем [1].

В России в марте 2018 г. состоялись президентские выборы. Важно, что главы государств в обеих странах остались прежними, поэтому в дальнейшем курс, взятый в развитии двухсторонних отношений, вряд ли кардинально изменится. Кроме того, данный период характеризуется существенным ухудшением отношений России с Западом и ростом напряжённости во взаимодействии Китая и США. Конечно, российско-китайский формат отношений менее развит по сравнению с китайско-американским и китайско-европейским, однако он с каждым годом усиливается на региональном и глобальном уровнях международного политического взаимодействия. Оба государства находятся под возрастающим давлением США. Таким образом, можно сказать, что сотрудничество РФ и КНР осуществляется в новом национальном контексте. В этой связи российско-китайское торговое сотрудничество неизбежно сталкивается как с благоприятными тенденциями, так и с новыми вызовами, связанными с изменениями ситуации на мировой арене и во внутривнутриполитической жизни стран.

Цель исследования – выявить особенности развития двусторонних торговых отношений России и Китая в новых геополитических условиях.

Информационной базой исследования послужили статистические данные по внешней торговле, полученные с официальных сайтов Государственного таможенного управления Китая (ГТУ КНР), Федеральной таможенной службы России (ФТС РФ), материалы Центрального Банка России (ЦБ РФ) и Всемирного банка.

Анализ двусторонней торговли России и Китая

Анализ российско-китайских торговых отношений был проведён на основе статистических данных ФТС РФ и ГТУ КНР. Согласно обоим источникам, товарооборот Китая с Россией после спада в 2015 г. непрерывно растёт, причём ФТС даёт более значительные цифры, чем ГТУ. Так, по российским данным взаимный товарооборот стран в 2017 г. составил 87 млрд долл. США (+31,5% в годовом выражении) [2], а по китайской статистике – 84,1 млрд долл. США (+20,8% в годовом выражении) [3]. По итогам 2018 г. динамика российско-китайской торговли оказалась значительно выше темпов роста внешней торговли Китая в целом (27,1% против 12,6%). Двусторонний товарооборот за 2018 г., по данным обеих стран, в стоимост-

ном выражении впервые превысил 100 млрд долл. США, достигнув исторического максимума. А торговый баланс России с Китаем наконец-то сошелся с профицитом в 11,1 млрд долл. США (табл. 1). Тенденция роста продолжается и в 2019 г.

Таблица 1

Динамика взаимного товарооборота между Россией и Китаем

Период	Товарооборот		Экспорт России в КНР		Импорт России из КНР		Сальдо	
	млрд долл. США	Прирост (%)	млрд долл. США	Прирост (%)	млрд долл. США	Прирост (%)	млрд долл. США	Профицит/дефицит торгового баланса РФ (%)
2015	68,1	- 28,6	33,3	- 20	34,8	- 35,2	- 1,5	- 2,3
2016	69,6	+ 2,2	32,3	- 3,1	37,3	+ 7,3	- 5	- 7,3
2017	84,1	+ 20,8	41,2	+27,7	42,9	+ 14,8	- 1,7	- 2
2018	107,1	+ 27,1	59,1	+42,7	48	+ 12	+ 11,1	+ 10,4

Источник: рассчитано автором по данным [3].

Данный факт был отмечен практически всеми официальными источниками РФ как положительный момент в развитии российско-китайских отношений. Однако ими умалчивается, за счёт чего произошел такой стремительный рост. А если посмотреть на структуру российского экспорта в Китай, то можно увидеть, что 71,6% всего исходящего потока формируют минеральные продукты, в свою очередь, в структуре этого раздела 97% занимают нефть и нефтепродукты, а еще 3% – каменный уголь (рис. 1).

Россия на протяжении уже нескольких лет сохраняет первое место по поставкам нефти в Китай. Так же непрерывно растёт объём поставок угля из России в КНР железнодорожным транспортом. В дальнейшем эта тенденция только укрепитя – с 2018 г. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России снизила тариф для транспортировки нефти в Китай через Казахстан на 16,7% [11], а на китайских угледобывающих предприятиях проходят многочисленные экологические проверки, ведущие к их закрытию.

Вторым по значимости разделом экспорта России в Китай является древесина, на которую в товарной структуре приходится 7,9%, но это официальные данные. Если учитывать значительный теневой рынок нелегального и полунелегального экспорта леса и ценных пород древесины, который выпадает из поля зрения офици-

альной статистики, доля может составлять до 12–13%. Китай продолжает оставаться крупнейшим рынком сбыта необработанных лесоматериалов из России с долей в закупках российской круглой древесины почти 64%. На рост стоимостных объёмов экспорта повлияло упрощение процедуры оформления импортных грузов, введённое таможенной службой Маньчжурии в 2017 г.: более 85% леса ввезли в Китай по новой схеме с использованием электронных накладных, то есть без оформления бумажных документов. Экспорт данных видов продукции (прежде всего пиломатериалов и фанеры) сохраняет высокий потенциал роста и с учётом принятого правительством Китая решения об ограничении коммерческой вырубке лесных массивов с 2017 г. и её полном запрете с 2020 г. [1].

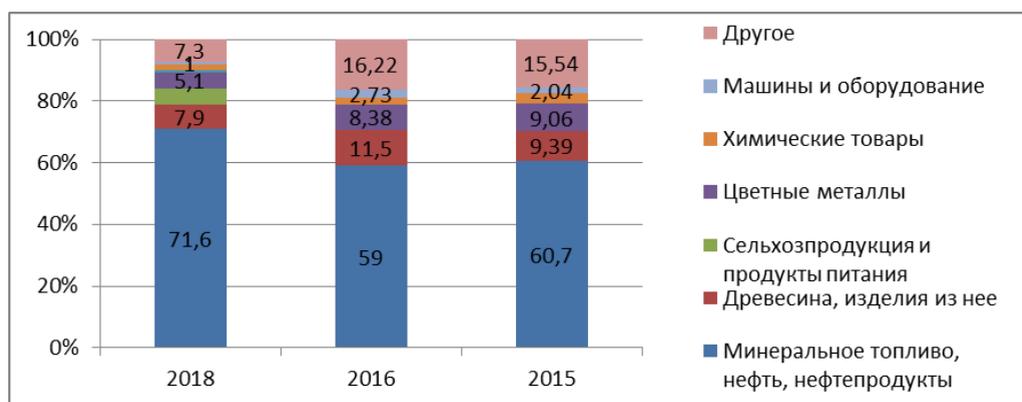

Рис. 1. Товарная структура экспорта России в Китай, %

Источник: рассчитано автором по данным [3].

Из России в Китай на экспорт ещё идут цветные металлы (в первую очередь редкоземельные), бумага, пластмасса, продукция химической промышленности (в основном удобрения). На долю машин и оборудования приходится очень незначительный процент российского экспорта в Китай (всего 1 % в 2018 г.). Это очень мало с учётом того, например, что в российском экспорте в Индию на долю оборудования и машин приходится 20%.

Стимулируют такую нерациональную структуру российского экспорта, в том числе, разнообразные торговые ограничения, с которыми сталкиваются российские производители при выходе на китайский рынок: квоты на поставки, обязательное лицензирование, фитосанитарные и ветеринарные ограничения. Так, например, в отношении продукции химической промышленности, а также пластмасс и изделий из них применяются антидемпинговые пошлины. Самые высокие барьеры (до 65%) установлены в отношении сельхозпродукции. Пошлины в размере 50% применяются на импорт удобрений. При этом нулевые ставки действуют только в отношении 8% товарных позиций: в их числе электрические машины и оборудование, древеси-

на и бумаги, нефть и нефтепродукты. Подобные барьеры поддерживают китайских национальных производителей, однако сдерживают процесс диверсификации российского товарного экспорта в Китай [4].

Что касается импорта, то здесь по-прежнему почти половина товаропотока из Китая представлена машинно-технической продукцией. Её доля в общем стоимостном объёме выросла до 46,2%. Высокими темпами прироста (+18,7%) отмечена вторая по объёму категория импортируемой продукции – химические товары, благодаря чему её удельный вес увеличился до 9%. Третье место по стоимости импорта заняли пушнина и меховые изделия с приростом на 15,5% и долей 6,9%. Большая доля в китайском импорте в Россию приходится на потребительские товары (одежду, обувь, игрушки, мебель и т.д.) (рис. 2).

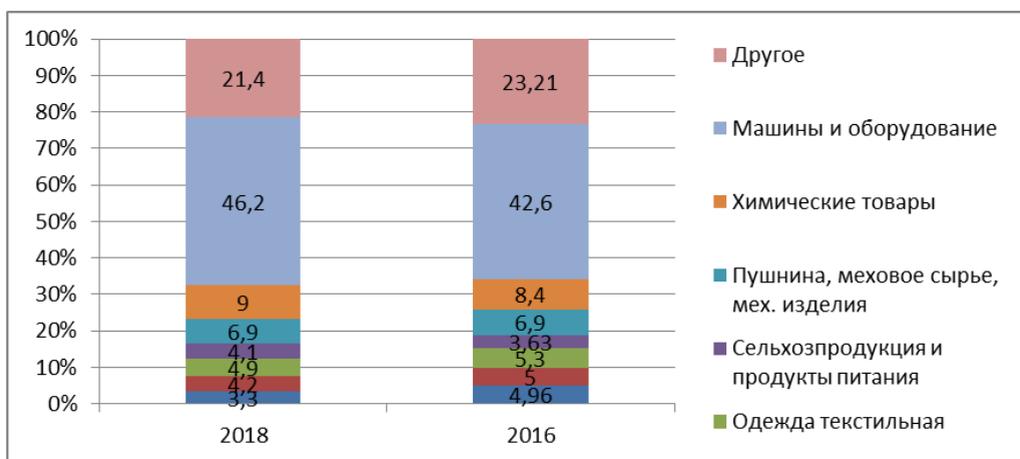

Рис. 2. Товарная структура импорта России из Китая, %

Источник: рассчитано автором по данным [3]

Основным фактором, способствовавшим в 2018 г. росту российского импорта из Китая, стал достаточно устойчивый курс российского рубля. Он обусловил благоприятную ценовую конъюнктуру для российских импортёров китайской продукции, а также её более высокую конкурентоспособность на российском рынке. Следует отметить, что объёмы реального импорта товаров под китайскими брендами могут превышать указанные данные ввиду того, что поставка товаров может осуществляться через третьи страны, где зарегистрированы дочерние предприятия китайских компаний.

Таким образом, рост российско-китайского товарооборота связан исключительно с ростом цен на энергоресурсы в течение прошлого года и укреплением российской валюты, при этом качественного изменения структуры товарооборота не произошло. Китай по-прежнему рассматривает Россию, прежде всего, в каче-

стве удобного сырьевого соседа и импортёра его потребительских товаров, который не входит даже в десятку его основных стран-партнёров. Для России же Китай на протяжении уже нескольких лет остаётся главным торговым партнёром. Хотя справедливости ради стоит заметить, что прогресс есть, если ещё в 2015 г. РФ занимала 16-е место среди торговых партнёров КНР, то в 2018 г. – уже 11-е место. Россия в намного большей степени зависит в своей внешней торговле от Китая, чем наоборот.

Для анализа оценки внешнеторгового сотрудничества Китая и России рассчитаем индекс комплементарности (взаимодополняемости) торговли (англ. – Trade-Complementary Index), т.е. ту степень, до которой страны являются естественными торговыми партнёрами.

Расчёт индекса производится следующим образом [5]:

$$TCI = 100 \cdot \left[1 - \sum_{k=1}^m \left| m_k^i - x_k^j \right| / 2 \right],$$

где x_k^j – удельный вес продукции k в совокупном экспорте страны j ;

m_k^i – удельный вес этой продукции в совокупном импорте страны i .

При этом $0 < TCI < 100$ (если индекс стремится к 100, то рассматриваемые страны – идеальные торговые партнёры, а если к нулю, то страны – идеальные конкуренты, и их внешняя торговля фактически совпадает). Использование данного индекса для анализа внешней торговли стран целесообразно, если расстояния между ними небольшие и во взаимной торговле транспортные расходы не высоки. Для России и Китая эти условия в большей степени выполняются.

Расчёты проводились на основе данных, взятых на сайте The World Integrated Trade Solution (WITS World Bank) – это торговое программное обеспечение, предоставляемое Всемирным банком для пользователей, которые могут запрашивать несколько баз данных международной торговли (ООН, ЮНКТАД и ВТО). В табл. 2 представлены результаты расчётов.

Согласно полученным данным, по итогам 2017 г. индекс взаимодополняемости для торговли России с КНР составил 48,67% (для сравнения в 2015 г. – 44,27%), а в паре «Китай – Россия» – 71,78% (в 2015 г. – 69,76%) (табл. 2). Таким образом, китайский экспорт в большей степени дополняет структуру российского импорта и в значительной степени покрывает российский спрос населения в иностранных товарах. В свою очередь, российский экспорт только частично пересекается с импортом товаров в КНР, что связано с более низким уровнем технологического развития российской экономики и невозможностью удовлетворить высокий спрос Китая на высокотехнологичную продукцию.

Исходные данные для расчёта индекса комплементарности торговли между Россией и Китаем в 2017 г.

Показатель	КНР	РФ	РФ	КНР	КНР – РФ	РФ – КНР
Product Group*	x_k^j (Export)	m_k^i (Import)	x_k^j (Export)	m_k^i (Import)	$ m_k^i - x_k^j /2$	$ m_k^i - x_k^j /2$
All Products	1	1	1	1	0	0
Animal	0,0075	0,0315	0,0108	0,0123	0,012	0,00075
Chemicals	0,0505	0,1214	0,0457	0,0711	0,03545	0,0127
Food Products	0,0136	0,0421	0,0138	0,0125	0,01425	0,00065
Footwear	0,027	0,0147	0,0006	0,0021	0,00615	0,00075
Fuels	0,0156	0,009	0,5903	0,1354	0,0033	0,22745
Hides and Skins	0,0146	0,0049	0,0008	0,0052	0,00485	0,0022
Mach and Elec	0,4334	0,3153	0,0358	0,3368	0,05905	0,1505
Metals	0,0729	0,0685	0,1037	0,0518	0,0022	0,02595
Minerals	0,0018	0,0107	0,0115	0,0721	0,00445	0,0303
Miscellaneous	0,1061	0,0591	0,0468	0,0701	0,0235	0,01165
Plastic or Rubber	0,0402	0,0543	0,0166	0,0477	0,00705	0,01555
Stone and Glass	0,0282	0,0132	0,0346	0,0408	0,0075	0,0031
Textiles and Clothing	0,1137	0,0447	0,0025	0,0169	0,0345	0,0072
Transportation	0,0463	0,1392	0,0195	0,0582	0,04645	0,01935
Vegetable	0,0114	0,0533	0,0332	0,0384	0,02095	0,0026
Wood	0,017	0,0181	0,0339	0,0286	0,00055	0,00265
Сумма					0,2822	0,51335
TCI					71,78	48,67

* Приведены названия разделов на английском языке, т.к. в данном случае перевод для расчёта не важен и может быть некорректен вследствие отсутствия в российской ТН ВЭД некоторых названий.

Источник: рассчитано автором по данным [6]

Рассчитанные индексы подтверждают, что Китай и Россия не являются идеальными партнёрами в настоящее время, т.е. интенсивность конкуренции между ними довольно высока. Вместе с тем постепенные качественные сдвиги в структуре внешней торговли двух стран могут способствовать изменению данной ситуации, а товарная и отраслевая дифференциация национальных производителей позволит организовать дополняющие друг друга технологические и производственные связи.

И здесь уже многое зависит от воли российского руководства. Внешние факторы сегодня благоприятны для развития и реструктуризации российско-китайских торговых отношений. В условиях разворачивающейся торговой войны с США Китай готов работать с другими контрагентами, и у России есть хорошая возможность заместить «выпавшие» американские товары на китайском рынке.

Возможности развития российско-китайской торговли в условиях «торговой войны» КНР и США

Вторая половина 2018 г. и 2019 г. ознаменовались взаимными повышениями таможенных пошлин между США и Китаем и разворачиванием так называемой «торговой войны». В этих условиях возникает очевидный вопрос: может ли Россия извлечь какую-либо выгоду из этих разногласий?

Вполне логично, что в результате противостояния между США и КНР сокращение двусторонней торговли этих стран произойдет и по экспорту, и по импорту. Так же логично, что эти рынки будут замещены товарами из Европы и стран начатой Китаем инициативы «Один пояс и один путь», в которую входят 120 государств. Наверняка найдётся место и российским товарам. Главный вопрос: каким?

Можно пойти по более проверенному и относительно лёгкому пути – увеличивать поставки энергоносителей. Россия уже стала крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай – только в 2018 г. импорт достиг 23,7 млрд долл. США. После вероятного сокращения поставок из США этот показатель заметно вырастет.

То же самое относится и к сжиженному природному газу (СПГ). Среди американских товаров, к которым будет применяться в Китае пошлина 25%, находится и сжиженный природный газ. «Торговая война» Вашингтона и Пекина уже привела к резкому сокращению поставок американского СПГ в Китай: за первые четыре месяца 2019 г. сюда, по данным Reuters, ушло только два судна с СПГ по сравнению с 14 за тот же период 2018 г. Россия может удовлетворить растущий спрос на газ в Китае – подтверждением тому служит первая партия СПГ, доставленная с Ямала СПГ в китайский порт Цзянсу в июле 2018 г. Национальное энергетическое управление Китая объявило, что начиная с 2019 г. будет получать с Ямала не менее 3 млн т СПГ ежегодно [8].

Но наиболее серьёзные перспективы связаны с трубопроводным газом. Первый экспортный газопровод в Китай – Сила Сибири-1 (восточный маршрут) будет запущен уже в декабре 2019 г. С 2014 г. обсуждаются западный (Сила Сибири-2) и дальневосточный (Сила Сибири-3) маршруты поставок газа. Серьёзность намерений Китая подтверждает тот факт, что, хотя рамочное соглашение на реализацию проекта магистрального газопровода Сила Сибири-2 Газпром и CNPC подписали ещё в ноябре 2014 г., лишь 11 сентября 2018 г. на переговорах глав государств в

рамках ВЭФ-2018 китайским руководством была поставлена задача в кратчайшие сроки заняться согласованием контракта по поставкам газа по Западному маршруту. В перспективе объём поставок российского газа в Китай может достичь 80 млрд куб. м в год газа (по всем маршрутам поставок, включая СПГ) [9].

Однако, по мнению автора, концентрировать все силы на рост поставок энергоносителей в Китай, особенно при помощи трубопроводного транспорта, со стороны России будет недальновидным решением. Это уже подтверждает опыт с Европой, где российские позиции на рынке природного газа ослабли вследствие того, что РФ вовремя не признала принципиальную важность сланцевой добычи газа и нефти, и поздно осознала значимость сжиженного газа как экспортного продукта. В результате, у европейских стран-соседей появились альтернативные варианты поставок природного газа, и Москва уже не может диктовать условия газовых контрактов, как это было прежде. Такая же ситуация возможна и с Китаем, который уже построил газопровод, соединивший страну с Центральной Азией; он импортирует газ из Мьянмы и импортирует сжиженный природный газ, плюс Китай пытается создать свою собственную сланцевую индустрию. Пока эта индустрия в зачаточном состоянии, но цель Китая – попытаться удовлетворить свой спрос за счёт внутреннего производства газа.

Таким образом, ориентация России только на увеличение поставок энергоресурсов в Китай неэффективна. В списке того, что уже попало под заградительные сборы КНР, помимо СПГ ещё находятся сельскохозяйственные продукты, автомобили, морепродукты, продукция химической промышленности, медицинское оборудование и другие товары. По ряду этих товарных групп у России есть что предложить.

В частности, большой интерес представляет рынок сельхозпродукции Китая. Активный рост экспортных поставок российской продукции АПК в КНР начался с 2015 г., в первую очередь благодаря расширению вывоза масла семян, началу крупных отгрузок переработанной сельхозпродукции (растительных масел, муки) и готовых продуктов (кондитерских изделий, напитков и т. д.), а также дальнейшему увеличению отгрузок рыбы и морепродуктов [7].

Существеннее всего выросли поставки в КНР российских кондитерских изделий (прежде всего шоколада), масличных агрокультур (сои и рапса), соевого и рапсового масел, ракообразных (табл. 3).

По ряду нишевых позиций Россия даже с небольшими объёмами отгрузок уже сегодня занимает на китайском рынке сильные позиции. Так, по мороженому в 2018 г. Россия заняла 6-е место (с объёмами поставок в 4,1 млн долл. США), а в 2017 г. была на 4-м месте (5,1 млн долл. США). По масличному льну российские экспортёры смогли за три года занять более 17% всего китайского импорта данной агрокультуры. А по соевому и подсолнечному маслу доля нашей страны в общем ввозе этих товаров в КНР превышает 30% [7].

Таблица 3

Динамика экспорта продовольствия из России в Китай

Показатели	2014		2018		Темп роста 2018/2014, %
	млн долл. США	% к итогу	млн долл. США	% к итогу	
Всего экспорт продовольствия, в т.ч.*	1100	100	2500	100	227,27
мороженая рыба	896,1	81,46	1214,3	48,57	135,51
соя	20,6	1,87	246,1	9,84	1194,66
ракообразные	3,7	0,34	230,6	9,22	6232,43
соевое масло	1,7	0,15	142	5,68	8352,94
шоколадные изделия	4,1	0,37	92,9	3,72	2265,85
рапсовое масло	4,7	0,43	65,4	2,62	1391,49
рапс	9,1	0,83	60,4	2,42	663,74
пшеничная мука	4	0,36	28,5	1,14	712,50
пиво	3,2	0,29	21	0,84	656,25
пшеница	0	0,00	13,9	0,56	139,00
другое	152,8	13,89	384,9	15,40	251,90

*В таблице указаны товарные позиции, по которым за исследуемый период произошёл самый существенный рост

Источник: рассчитано автором по данным [2]

Ключевым моментом, способствующим росту экспорта продовольствия в Китай, стало открытие рынков с подписанием соответствующих межправительственных соглашений:

- в конце 2015 г. был подписан протокол об условиях допуска на китайский рынок российской пшеницы и соглашение, допускающее импорт в КНР соевых бобов, предназначенных для переработки;

- с ноября 2017 г. к вывозу в Китай разрешены гречиха, овёс, подсолнечник и масличный лён, а также гречневая крупа и овсяные хлопья;

- в ноябре 2018 г. с Китаем был подписан протокол о взаимном открытии рынка птицеводческой продукции (к середине апреля 2019 г. право поставок в КНР мяса птицы имели 30 российских птицефабрик);

- в конце 2018 г. было подписано соглашение о допуске отдельных российских производителей молочной продукции (за исключением сухого молока) на китайский рынок (ГТУ КНР к импорту одобрены 22 категории товаров, в том числе све-

жее пастеризованное молоко разной жирности, йогурт, сгущённое молоко, разные виды сливочного масла, сыры, сливки и др.);

- в июле 2019 г. было подписано дополнительное соглашение к протоколу о фитосанитарных требованиях к поставляемым в Китай из РФ кукурузы, риса, сои и рапса, разрешён импорт сои в КНР из всех регионов России [3].

Несмотря на позитивную тенденцию роста экспорта сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в КНР, доля данного сегмента в общей структуре поставок России в Китай пока очень незначительна (чуть больше 5%). Работа на этом высококонкурентном рынке осложняется многими факторами. Основными препятствиями для увеличения поставок большинства продуктов питания являются большие расстояния, ограниченность портовой инфраструктуры, недешёвая логистика и сложные таможенные процедуры. Также есть сложности с адаптацией российского продовольствия под национальную специфику потребления Китая (например, для кондитерских изделий, подсолнечного масла).

Кроме того, высока конкуренция со стороны других стран, которые также стараются не упустить возможностей дополнительно заработать на китайском рынке. В частности, наши партнеры по Евразийскому экономическому союзу, Казахстан и Беларусь, успешно наращивают несырьевой экспорт и уже успешно вписались в глобальный китайский проект «Один пояс – один путь».

Беларусь в январе-августе 2018 г. нарастила поставки продуктов питания в Китай в 5 раз (молока – в 9 раз) и по итогам 2018 г. заняла 22-е место на китайском рынке сухого цельного молока с объёмами поставок в 22 млн долл. США. Кроме того, в Европе и среди стран СНГ белорусы единственные, кто прошёл весь путь сертификации в Китае по говядине и птице. В результате, структура белорусского экспорта в Китай постепенно меняется. Так, если в 2015 г. около 80% экспорта приходилось на калийные удобрения, то в 2018 г. их доля сократилась до 57%, а остальное составляют поставки продуктов питания [10].

Несмотря на существующие стоп-факторы, есть и позитивные моменты в развитии несырьевого российского экспорта в Китай. По текущему курсу стоимость рабочей силы в России ниже китайской на одну треть, и трудоёмкие отечественные товары, к которым также относится сельхозпродукция и продовольствие, имеют ценовое конкурентное преимущество, несмотря на более высокую себестоимость. Есть у РФ и небольшие преимущества из-за географического положения (общей границы с КНР), а поставки железной дорогой по России довольно дешевы. То есть логистика на нашей стороне, несмотря на то, что Китай предпочитает торговать с доставкой морем. Развивать сухопутное направление и транзит китайских товаров по нашей территории, бесспорно, имеет смысл и перспективы. Китай также начинает активно использовать Шёлковый путь для поставки товаров, минуя морские порты, которые контролируются американскими коллегами. В ре-

зультате становится актуальным путь, который идёт через территорию России и Северный морской путь. Таким образом, ослабление рубля, наряду с сокращением бюрократических барьеров и развитием логистики, выступает основной движущей силой несырьевого экспорта в Китай.

Выводы

Существенный рост российско-китайского товарооборота, который произошёл в 2018 г., связан исключительно с ростом цен на энергоресурсы (основную товарную позицию во взаимной торговле стран) и укреплением российской валюты. При этом качественного изменения структуры товарооборота не отмечается. В связи с этим, Россия продолжает закреплять за собой статус крупнейшего поставщика сырья в Китай и рынка сбыта его потребительской продукции. Необходимость изменения структуры двухсторонней торговли подтверждается и значениями индекса взаимодополняемости торговли, которые показали, что китайский экспорт в большей степени дополняет структуру российского импорта, чем наоборот.

Новые геополитические условия, связанные с обострением взаимных отношений КНР и США, могут стать существенным фактором, влияющим на развитие российско-китайской торговли. У России появился шанс наряду с традиционным экспортом топливно-энергетических товаров в Китай развивать несырьевой экспорт. Прежде всего, речь идет о высококонкурентном рынке сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Здесь у России есть определённые конкурентные преимущества, связанные с имеющейся сырьевой и производственной базой, курсом рубля и благоприятным географическим расположением. Но большие расстояния, ограниченность портовой инфраструктуры, недешёвая логистика и сложные таможенные процедуры являются пока существенными препятствиями для увеличения поставок на китайский рынок. Кроме того, готовность российских производителей в больших объёмах поставлять продукты переработки сельскохозяйственного сырья сталкивается с политикой китайцев, которые сами традиционно больше нацелены на приобретение сырья для дальнейшей самостоятельной переработки.

Список литературы

1. Российско-китайский диалог: модель 2018 : доклад № 39/2018 / [С. Г. Лузянин (рук.) [и др.] ; Х. Чжао (рук.) [и др.]]; [гл. ред. И. С. Иванов] ; Российский совет по международным делам (РСМД). – Москва : НП РСМД, 2018. – 243 с.
2. Справочные и аналитические материалы // Федеральная таможенная служба. – URL: <http://customs.ru/statistic> (дата обращения: 16.06.2019).
3. Торговое представительство Российской Федерации в Китайской Народной Республике. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/trade_ru_cn (дата обращения: 16.06.2019).

4. Обзор существующих ограничений в доступе российских товаров на зарубежные рынки // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. – URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp/ (дата обращения: 16.06.2019).

5. World Bank. Trade Indicators. URL: [https://wits.worldbank.org/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm](https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm) (дата обращения: 16.06.2019).

6. The World Integrated Trade Solution (WITS World Bank). URL: <https://wits.worldbank.org/countrystats.aspx?lang=en> (дата обращения: 16.06.2019).

7. Ганенко, И. Терра инкогнита для российского агроэкспорта. Каковы перспективы вывоза продовольствия в Китай // Агроинвестор. – 2019. – № 5. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/31685-terra-inkognita/> (дата обращения: 16.06.2019).

8. Газ с Ямал СПГ прибыл в Китай по Ледяному Шёлковому пути. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/199874-gaz-s-yamal-spg-pribyl-v-kitay-po-ledyanomu-shelkovomu-puti-na-severnom-morskom-puti-leto-foto/> (дата обращения: 16.06.2019).

9. Пошлины Китая на импорт СПГ из США могут ударить по энергетическим амбициям США. Но и Китай рискует. – URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/198412-poshliny-kitaya-na-import-spg-iz-ssha-mogut-udarit-po-energeticheskim-ambitsiyam-ssha-no-i-kitay-ris/> (дата обращения: 16.06.2019).

10. Поставки продуктов питания в Китай увеличились в 5 раз. – URL: <http://agriculture.by/news/beloruskij-rynok/postavki-produktov-pitanija-v-kitaj-velichilis-v-5-raz> (дата обращения: 16.06.2019).

References

1. Luzyanin S.G. et al. *Russian–Chinese Dialogue: The 2018 Model*: Report No. 39/2018. Moscow: NPMP RIAC Publ., 2018. 243 p.

2. *Customs statistics of the Federal customs service of the Russian Federation*. Available at: <http://customs.ru/statistic> (accessed 16 June 2019). (In Russian).

3. *Official website of the Trade mission of the Russian Federation in the people's Republic of China*. Available at: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/trade_ru_cn (accessed 16 June 2019). (In Russian).

4. Overview of existing restrictions on the access of Russian goods to foreign markets. *Foreign Economic Information Portal of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: http://www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp/ (accessed 16 June 2019). (In Russian).

5. World Bank. Trade Indicators. Available at: https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm (accessed 16 June 2019).

6. *The World Integrated Trade Solution (WITS World Bank)*. Available at: <https://wits.worldbank.org/countrystats.aspx?lang=en> (accessed 16.06.2019).

7. Ganenko I. Terra inkognita dlya rossiiskogo agroeksporta. Kakovy perspektivy vyvoza prodovol'stviya v Kitai [Terra Incognita for the Russian AgroExport. What are the prospects for the export of food to China]. *Agroinvestor*, 2019, no. 5. Available at: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/31685-terra-inkognita/> (accessed 16 June 2019).

8. *Gas from Yamal LNG arrived in China via the Ice Silk Road*. Available at: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/199874-gaz-s-yamal-spg-pribyl-v-kitay-po-ledyanomu-shelkovomu-puti-na-severnom-morskom-puti-letto-foto/> (accessed 16 June 2019). (In Russian).

9. *China's U.S. LNG import duties could hit U.S. energy ambitions. But China is at risk*. Available at: <https://neftegaz.ru/news/politics/198412-poshliny-kitaya-na-import-spg-iz-ssha-mogut-udarit-po-energeticheskim-ambitsiyam-ssha-no-i-kitay-ris/> (accessed 16 June 2019). (In Russian).

10. *Food supplies to China increased 5 times*. Available at: <http://agriculture.by/news/beloruskij-rynok/postavki-produktov-pitanija-v-kitaj-uvlechilis-v-5-raz> (accessed 16 June 2019). (In Russian).

УДК 338.1:504(510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/40-50

А. А. Кравченко¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

А. В. Заяц²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zayats.av29@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ*

Аннотация. За последние сорок лет Китай продемонстрировал быстрый и значительный экономический рост, пройдя путь от аграрной до индустриальной экономики: его ВВП увеличивался в среднем на 9,8% в год, что представляет собой динамический экономический рост, который в настоящее время делает Китай второй по величине экономикой в мире по номинальному ВВП после США. В силу специфики истории своего экономического развития Китай столкнулся с проблемой серьёзного разрушения и загрязнения жизнеобеспечивающих природных ресурсов. Деградация окружающей среды уже сейчас приходит в противоречие с задачами дальнейшего экономического роста, необходимого для удовлетворения потребностей растущего населения и повышения его жизненного уровня. Исходя из этого, изучение влияния экономического развития на экологические проблемы Китая в контексте современного развития представляется особо актуальным в теоретическом и практическом планах. Для проверки гипотезы о взаимосвязи экономического развития и экологических проблем в Китае был проведён корреляционно-регрессионный анализ, в результате которого мы выделили 22 пары показателей,

¹ Алла Анатольевна Кравченко, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, Владивосток, Россия.

² Алина Викторовна Заяц, магистрант направления «Экономика» Школы экономики и менеджмента ДВФУ, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кравченко А. А., Заяц А. В. Взаимосвязь экономического развития и экологических проблем в современном Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 40–50.

* Результаты были получены при выполнении научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-014-00001 «Модель мультивекторной социально-экономической политики взаимодействия российского Дальнего Востока и стран АТР – пути снижения неожиданных эффектов от наступления «больших вызовов».

имеющих умеренную и сильную связь. С помощью метода-критерия Ингла – Грэнджера мы проверили наличие истинной причинно-следственной связи между показателями и обнаружили, что исследуемые пары показателей не коинтегрируют, т.е. между показателями экономического развития и показателями окружающей среды отсутствует истинная причинно-следственная связь. Такой результат привёл нас к выводу о том, что существует значительная разница в темпах экономического развития и охраны окружающей среды. Результат оценки эффективности инвестиций в решение проблем загрязнения окружающей среды КНР показал, что инвестициям в контроль и борьбу с загрязнением воды и загрязнением промышленными отходами не уделяется должного внимания, т.е. государственные инвестиции в эти области для борьбы с загрязнением неэффективны.

Ключевые слова: экономический рост, экологические проблемы, экологическая безопасность, загрязнение окружающей среды, выбросы в атмосферу, твёрдые отходы, инвестиции в контроль загрязнения окружающей среды.

Alla A. Kravchenko¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

Alina V. Zayats²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zayats.av29@gmail.com

THE RELATIONSHIP OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN MODERN CHINA

Abstract. Over the past forty years, China has shown rapid and significant economic growth, going from agrarian to industrial economy: its GDP has been increasing by an average of 9.8% per year, which represents dynamic economic growth thus making China the second largest economy in the world after the USA in terms of nominal GDP. Due to the specific history of its economic development, China faces the problem of serious destruction and pollution of life-supporting natural resources. Environmental degradation is already in conflict with the challenges of further economic growth necessary to meet the

¹ Alla A. Kravchenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Alina V. Zayats, Undergraduate in Economics of School of Economics and Management Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kravchenko A. A., Zayats A. V. The relationship of economic development and environmental problems in modern China // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 40–50.

needs of the growing population and improve its standard of living. Based on this, the study of the influence of economic development on China's environmental problems in the context of modern development seems to be particularly relevant in theoretical and practical terms. To test the hypothesis of the relationship of economic development and environmental problems in China, a correlation-regression analysis has been conducted: we have identified 22 pairs of indicators with moderate and strong relationships. Using the Engle-Granger criterion method, we checked the presence of true causal relationship between the indicators and we found that the studied pairs of indicators do not cointegrate, i.e. there is no true causal relationship between the indicators of economic development and environmental indicators. This result led us to the conclusion that there is a significant difference in the rates of economic development and environmental protection. The result of evaluating the effectiveness of investments in solving the problems of environmental pollution in the PRC has shown that insufficient attention is paid to investments in the control and control of water pollution and pollution by industrial wastes. Government investments in these areas for pollution control are ineffective.

Keywords: economic growth, environmental problems, environmental safety, environmental pollution, air emissions, solid waste, investments in environmental pollution control.

Китайская Народная Республика является страной с одной из самых развитых и по-прежнему наиболее динамично развивающихся экономик мира. За сорок лет политики реформ и открытости стране удалось достичь значительных успехов. Бурный экономический рост Китая и масштабность производства КНР сделали страну одной из ведущих индустриальных держав в мире. Реализация пятилетних планов позволила выделить текущие тенденции развития экономики Китая: высокие темпы экономического роста, ведущая роль сельского хозяйства, активное развитие промышленной отрасли, первое место в мире по потреблению первичной энергии, в частности угля [4, 6].

Однако стремительный экономический и промышленный рост Китая несёт за собой тяжёлые последствия для окружающей среды – загрязнение атмосферы, городов и водоёмов превышает все среднемировые показатели. Такое состояние экологии КНР является не только проблемой данной страны – огромный ущерб наносит китайская промышленность окружающей среде, в том числе соседних стран и планеты в целом, что может стать причиной осложнения международных отношений [8].

Серьёзной научной проблемой является оценка экологического ущерба экономического развития и выявление закономерностей во взаимосвязи между экологическими и экономическими характеристиками происходящих процессов [3].

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что экономическое развитие в современном Китае оказывает существенное влияние на состояние экологии в стране. В ходе исследования была сформирована система статистических показателей для оценки взаимосвязи экономического развития и экологических проблем в современном Китае. Исследуются экологические показатели, описывающие состояние окружающей среды и влияние на неё экономического развития. Базу данных основных показателей мы разделили на два блока: показатели экономического развития и показатели состояния окружающей среды. Общая таблица статистических показателей для оценки влияния экономического развития на обеспечение экологической безопасности представлена в табл. 1.

Таблица 1

Система статистических показателей для оценки влияния экономического развития на обеспечение экологической безопасности в Китае

Наименование блока	Показатели	Единицы измерения
Показатели экономического развития	ВВП	трлн долл. США
	экспорт промышленной продукции	млн долл. США
	промышленное производство	трлн долл. США
	производство продукции сельского хозяйства	100 млн юаней
	производство продукции растениеводства	100 млн юаней
	производство продукции животноводства	100 млн юаней
	потребление угля	млн т н.э.
	потребление химических удобрений	10 000 т
Показатели состояния окружающей среды	экологический след	гга
	PM 2.5	мкг/м ³
	выбросы оксидов азота NO _x	тыс. метрических т эквивалента CO ₂
	выбросы парниковых газов	кт эквивалента CO ₂
	выбросы CO ₂	млн т CO ₂
	объём сброшенных сточных вод	млн т
	загрязнение твёрдыми отходами	млн т
	выбросы метана	кт эквивалента CO ₂

Источник: составлено авторами по: [5, 9, 10]

Для тестирования нашей гипотезы воспользуемся методом корреляционно-регрессионного анализа. Так, из значений собранных нами показателей была проведена оценка степени взаимосвязи между экономическими и экологическими фак-

торами. Результаты корреляционного метода показателей были сформированы в матрицу корреляции, представленную на рис. 1.

	ВВП	Экспорт промышленной продукции	Объем производства с/х продукции	Объем производства продукции растениеводства	Объем производства продукции животноводства	Объем потребления угля	Объем промышленного производства	Потребление хим.удобрений	Экологический след	PM2.5	Выбросы оксидов азота (Nox)	Выбросы парниковых газов	Выбросы CO ₂	Объем сброшенных сточных вод	Загрязнение промышленными отходами	Выбросы метана
ВВП	1															
Экспорт промышленной продукции	0,563	1														
Объем производства с/х продукции	0,623	0,448	1													
Объем производства продукции растениеводства	0,678	0,318	0,869	1												
Объем производства продукции животноводства	0,656	0,498	0,719	0,478	1											
Объем потребления угля	0,623	0,578	0,476	0,383	0,538	1										
Объем промышленного производства	0,718	0,553	0,461	0,373	0,685	0,831	1									
Потребление хим.удобрений	0,56	0,445	0,524	0,566	0,455	0,409	0,583	1								
Экологический след	0,532	0,493	0,543	0,568	0,312	0,647	0,521	0,557	1							
PM2.5	0,37	0,446	0,106	0,067	0,16	0,235	0,42	0,324	0,423	1						
Выбросы оксидов азота (Nox)	0,348	0,017	0,559	0,767	0,1	0,259	0,107	0,457	0,471	-0,053	1					
Выбросы парниковых газов	0,575	0,572	0,519	0,517	0,459	0,68	0,488	0,483	0,802	0,13	0,3677	1				
Выбросы CO ₂	0,409	0,688	0,412	0,332	0,364	0,782	0,567	0,469	0,817	0,319	0,252	0,829	1			
Объем сброшенных сточных вод	0,53	0,254	0,2	0,294	0,438	0,427	0,656	0,346	0,189	0,235	0,168	0,105	0,221	1		
Загрязнение промышленными отходами	0,179	-0,035	0,134	0,209	0,109	-0,058	0,208	0,285	0,17	-0,063	-0,119	0,134	-0,024	0,131	1	
Выбросы метана	0,614	0,495	0,649	0,683	0,44	0,634	0,419	0,472	0,77	0,038	0,518	0,925	0,764	0,199	0,145	1

Рис 1. Матрица корреляции показателей экономического развития и состояния окружающей среды [составлено авторами]

На матрице мы выделили отдельными цветами блоки показателей: блок показателей экономического развития – голубым, а блок показателей состояния окружающей среды – зелёным. Матрица корреляции симметричная, мы рассматриваем те значения, которые стоят на пересечении зелёного и голубого блоков, поскольку именно эти показатели отвечают за поставленную нами задачу по выявлению влияния экономического развития на состояние окружающей среды.

В соответствии со шкалой Чеддока мы определили, что 20 пар показателей имеют умеренную связь, и только две пары сильную связь. ВВП имеет прямую умеренную связь с такими показателями, как экологический след, выбросы парниковых газов, объёмы сброшенных сточных вод и выбросы метана, объём экспорта промышленной продукции с выбросами парниковых газов и CO₂, а объёмы производства промышленной продукции коррелируют с экологическим следом, выбросами CO₂ и объёмом сброшенных вод. Потребление химических удобрений умеренно коррелирует с экологическим следом, так же, как и потребление угля, которое, в свою очередь, имеет умеренную связь с выбросами парниковых

газов и метана, сильную связь с выбросами CO₂. Производство с/х продукции имеет умеренную связь с экологическим следом и выбросами парниковых газов, а объёмы производства продукции растениеводства – сильную связь с выбросами оксидов азота.

Для определения истинной причинно-следственной зависимости между показателями, т.е. коинтеграции, воспользуемся одним из методов тестирования гипотезы о коинтеграции временных рядов y_t и x_t – критерием Ингла – Грэнджера [2].

Определим истинную причинно-следственную зависимость между парой показателей, имеющей сильную связь по коэффициенту корреляции: потребление угля и выбросы CO₂ за период с 1997 г. по 2017 г. Для этого были построены графики временных рядов потребления угля и выбросов CO₂, которые представлены на рис. 2.

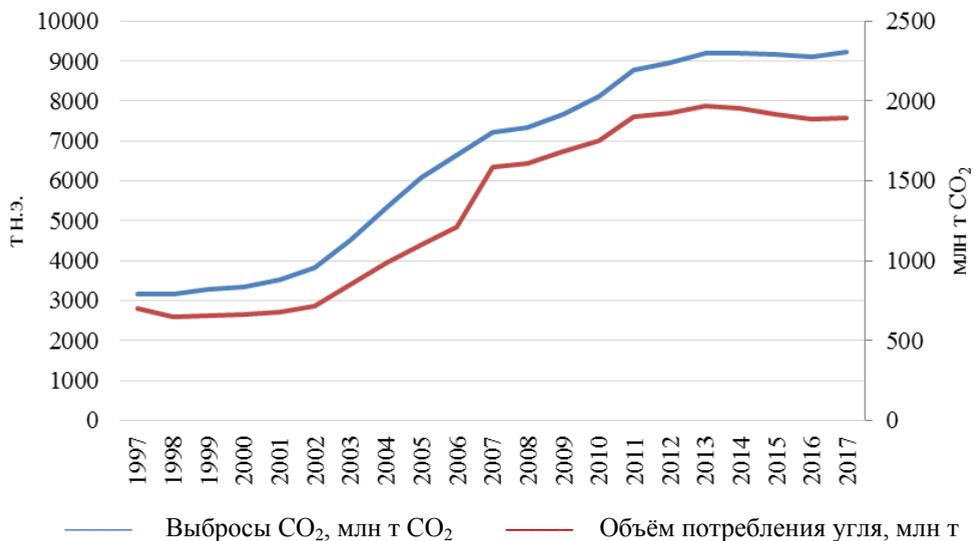

Рис 2. Динамика потребления угля и выбросов CO₂ в Китае в 1997–2017 гг. [составлено авторами]

Анализ рис. 2 показал, что тенденции этих рядов совпадают. Далее было проведено тестирование на коинтеграцию временных рядов.

В качестве нулевой гипотезы мы выдвинули предположение об отсутствии коинтеграции между рядами потребления угля и выбросов CO₂.

По имеющимся исходным данным методом наименьших квадратов (МНК) были определены параметры уравнения регрессии зависимости выбросов CO₂ y_t от потребления угля x_t .

Уравнение регрессии имеет вид, формула (1):

$$\hat{y}_t = 561,98 + 4,42 * x_t - \varepsilon_t. \quad (1)$$

Далее мы применили критерий Ингла – Грэнджера. Воспользовавшись полученным уравнением регрессии, были найдены остатки ε_t и определены параметры регрессии, представленные в табл. 2.

Фактическое значение t-критерия, рассчитанное по данным уравнения регрессии, равно 0,6122. Поскольку полученное фактическое значение по абсолютной величине не превышает критическое значение $\tau_{0,05} = 1,9439$, то гипотеза об отсутствии коинтеграции между исследуемыми рядами не отклоняется.

Таблица 2

Параметры уравнения регрессии

Константа	33,89
Коэффициент регрессии	-0,39
Стандартная ошибка коэффициента регрессии	247,29
R-квадрат	0,21
Число наблюдений	20

Источник: составлено авторами

Критерий Ингла – Грэнджера был применён ко всем парам показателей, имеющим сильную и умеренную корреляцию. В результате нашего анализа мы обнаружили, что фактические значения t-критерия меньше критического значения для заданного уровня значимости 5%, что указывает на отсутствие причинно-следственной связи между показателями экономического развития и показателями состояния окружающей среды.

С одной стороны, отсутствие коинтеграции является позитивным фактором для дальнейшего развития экономики Китая, т.к. в противном случае наличие истинной причинно-следственной связи означало бы необходимость значительного сокращения экономического роста для сокращения экологических проблем.

С другой стороны, результат оценки корреляционно-регрессионным методом показывает наличие взаимосвязи между экономическим ростом и экологическими проблемами.

Отсутствие истинной причинно-следственной связи объясняется тем, что по показателям темпы охраны окружающей среды не соответствуют темпам экономического развития, т.е. Китай ведет неэффективную политику охраны окружающей среды. Так появилась необходимость в оценке эффективности затрат на решение проблемы загрязнения в Китае.

За основу мы приняли работу Гильермо Веласкеса Валадеса и Цзяци Ху «Взаимосвязь между окружающей средой и экономическим ростом в Китае через экспорт: перспективы экологического воздействия» [7].

Основной целью этой работы было провести эконометрический анализ между экономическим ростом и факторами, которые влияют на уровень загрязнения окружающей среды в Китае посредством его экспорта, особенно промышленного экспорта, в период 1997–2017 гг.

Наше исследование может быть определено как описательно-корреляционное, так как оно состоит из изучения статистического и эконометрического анализа.

Был проведён эконометрический анализ для определения взаимосвязи между основными переменными: экспорт (зависимая переменная), поскольку этот показатель является результатом общего увеличения объёма производства в стране, инвестиции в борьбу с загрязнением воздуха, загрязнением воды и загрязнением промышленными твёрдыми отходами (независимые переменные), с целью определить, адекватно ли правительство отреагировало на уровень серьёзности ситуации с загрязнением в Китае [7]. Такая модель поддерживает сохранение положительных показателей экспорта при реализации разумной государственной политики в области обеспечения экологической безопасности.

Используя метод наименьших квадратов, мы определили тесноту связи между объёмом экспорта и затратами на борьбу с загрязнениями, результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты оценки взаимосвязи экспорта и инвестиций в борьбу с загрязнением окружающей среды в 1997–2017 гг.

Переменная	г	P-значение	Значимость F	Связь
Инвестиции в контроль загрязнения воздуха	0,878	0,000	0,000	Сильная
Инвестиции в контроль загрязнения воды	0,679	0,001	0,001	Умеренная
Инвестиции в контроль промышленных твёрдых отходов	0,566	0,008	0,008	Умеренная

Источник: составлено авторами

Анализ табл. 3 показал, что существует сильная связь между экспортом и инвестициями в борьбу с загрязнением воздуха (0,878), в то время как связь между экспортом и инвестициями в борьбу с загрязнением воды (0,679) и связь экспорта с инвестициями в борьбу с загрязнением твёрдыми отходами (0,566) умеренная.

Уравнение регрессии принимает вид формулы (2):

$$EXP = 191,36 * Air + 930,58 * Water + 3826,69 * Waste - 380348,14 \quad (2)$$

Согласно уровню значимости F , наше уравнение значимо. При увеличении инвестиций в контроль загрязнения воздуха на 1 млн долл. США экспорт должен увеличиться на 191,36, а при увеличении инвестиций в контроль загрязнения воды и контроль промышленных отходов на 1 млн долл. США – на 930,58 и 3826,69 млн долл. США соответственно. P -значения свидетельствуют о значимости уравнения с вероятностью 0,95.

Таким образом, китайские инвестиции в борьбу с загрязнением воздуха способны поддерживать положительные показатели экспорта при реализации разумной государственной политики в области обеспечения экологической безопасности. Однако инвестиции в контроль загрязнения воды и контроль промышленных отходов не являются эффективными – это указывает на то, что китайский экспорт является основным источником этих загрязнителей.

Инвестиции в контроль твёрдых отходов меньше всего коррелируют с общим экспортом в Китае. Хотя инвестиции для борьбы с этим загрязнением выделяются, они всё же неэффективны с точки зрения фактического решения проблем промышленного сектора. Можно утверждать, что промышленная модель китайского экспорта значительно увеличила объём промышленных твёрдых отходов среди тех секторов, которые производят самый высокий уровень этих отходов, включая электронные продукты, машины и оборудование, а также химические продукты. Другими словами, государственные инвестиции в борьбу с загрязнением промышленными отходами в Китае не решают проблему надлежащим образом; экспорт производит больше промышленных отходов, чем выделяется инвестиций.

Таким образом, за время проведения реформ и политики открытости экономика Китая более сорока лет ежегодно растёт темпами, существенно опережающими среднемировые. Однако такая политика социально-экономического развития, направленная на достижение максимального экономического роста, привела к тому, что в настоящее время Китай стал одним из самых загрязнённых регионов в мире со всем спектром экологических проблем. Воспользовавшись системой статистических показателей, собранной нами для оценки влияния экономического развития на обеспечение экологической безопасности из информации, доступной в национальных ежегодных статистических сборниках Китая и международных организаций, с помощью корреляционно-регрессионного метода мы провели оценку тесноты связи показателей экономического развития и показателей состояния окружающей среды и выделили 22 пары показателей, имеющих умеренную и сильную связь. Для определения истинной причинно-следственной связи между показателями мы воспользовались методом-критерием Ингла – Грэнджера, с помощью которого мы обнаружили, что исследуемые пары показателей не коинтегрируют, т.е. между показателями экономического развития и показателями окружающей среды отсутствует истинная причинно-следственная связь. Такой результат привёл нас к выводу о том, что существует разница в темпах экономического

развития и охраны окружающей среды. Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод об эффективности инвестиций в борьбу с загрязнением воздуха. В нашем исследовании коэффициенты корреляции инвестиций в борьбу с загрязнением воздуха с экспортом составили 0,878. Однако коэффициенты корреляции инвестиций в борьбу с загрязнениями воды и промышленными отходами с экспортом являются умеренными и незначительными, что говорит о том, что инвестициям в контроль и борьбу с загрязнением воды и загрязнением промышленными отходами не уделяется должного внимания, т.е. государственные инвестиции в эти области для борьбы с загрязнением недостаточно эффективны.

Список литературы

1. Замедление роста экономики Китая / Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. – [Moscow], 2019. – 20 р. – (Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики ; № 41). – URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf> (дата обращения: 19.07.2019).
2. Эконометрика : учебник / под ред. И. И. Елисеевой. – Москва : Финансы и статистика, 2006. – 576 с.
3. Экологическая ситуация в Китае – проблема для всего мира. – URL: <http://bellona.ru/2013/03/13/ekologicheskaya-situatsiya-v-kitae-probl/> (дата обращения: 13.06.2018).
4. Jun, P. China's energy-environment problems and some issues related to the Post-Kyoto arrangement / P. Jun. – URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/rp/publications/no02/P4-C8_Jun.pdf (дата обращения: 19.07.2019).
5. Data portal Index Mundi. – URL: <https://www.indexmundi.com> (дата обращения: 11.06.2018).
6. Yang, N. Economic growth and pollution emission in China: structural path analysis / N. Yang, Z. Zhang. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/7/2569> (дата обращения: 13.06.2018).
7. Hu, J. Relationship between the environment and economic growth in China via exports: A Perspective of Ecological Impact (2000–2014) / J. Hu, G. Valadez // Journal of Environmental Protection. – 2016. – № 7. – P. 1670–1692.
8. Living planet report 2014 // World Wide Fund for Nature. – URL: http://assets.wwf.org.uk/downloads/living_planet_report_2014_summary.pdf (дата обращения: 11.06.2018).
9. National Bureau of statistics of China. – URL: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/annualdata/> (дата обращения: 19.07.2019).
10. World Bank Open Data from The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 11.06.2018).

References

1. *China's economic slowdown. Bulletin on current trends in the world economy. Analytical Center for the Government of the Russian Federation.* Moscow, 2019, no. 41. 20 p. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf> (accessed 19 July 2019). (In Russian).
2. Eliseeva I.I., ed. *Econometrica* [Econometrics: textbook]. Moscow: Finance and Statistics Publ., 2006. 576 p.
3. *The environmental situation in China is a problem for the whole world.* Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf> (accessed 13 June 2018). (In Russian).
4. Jun P. *China's energy-environment problems and some issues related to the Post-Kyoto Arrangement.* Available at: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/rp/publications/no02/P4-C8_Jun.pdf (accessed 10 June 2018).
5. *Data portal Index Mundi.* Available at: <https://www.indexmundi.com> (accessed 11 June 2018).
6. Yang N., Zhang Z. *Economic growth and pollution emission in China: structural path analysis.* Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/7/2569> (accessed 13 June 2018).
7. Hu J., Valadez G. Relationship between the environment and economic growth in China via exports: A perspective of ecological impact (2000–2014). *Journal of Environmental Protection*, 2016, no. 7, pp. 1670–1692.
8. *Living planet report 2014. World Wide Fund for Nature.* Available at: http://assets.wwf.org.uk/downloads/living_planet_report_2014_summary.pdf (accessed 11 June 2018).
9. National Bureau of statistics of China. Available at: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/annualdata/> (accessed 11 June 2018).
10. *World Bank Open Data from The World Bank.* Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed 11 June 2018).

УДК 332(576.1)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/51-59

Е. П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 2013–2018 гг.

Аннотация. На общем фоне продолжающегося оттока населения с российского Дальнего Востока (РДВ) (только в 2018 г. оно уменьшилось в регионе на 15 тыс. человек), относительная его стабилизация характерна только для ресурсодобывающих регионов. Анализ социально-экономического развития РДВ после 2012 г. показывает, что развитие экономики региона на базе традиционной горнодобывающей и рыбной промышленности фактически исчерпало себя, тем более в условиях, когда добываемые продукты экспортируются в виде первичного сырья. Волна активизации деятельности по развитию региона с принятием решений по организации территорий опережающего развития (ТОР), ряда инвестиционных проектов по развитию горнорудной промышленности, приданием порту Владивосток статуса Свободного порта и т.п. существенного влияния на развитие экономики РДВ не оказала. Одна из причин – низкая инвестиционная активность региона. Наблюдается прямая зависимость между инвестициями в основной капитал субъектов РДВ и оттоком из них населения. Важной проблемой остаётся вопрос адекватной модели экономического развития России с учетом её особенностей. Отсутствие в течение 27 лет успехов в социально-экономическом развитии говорит о необходимости радикальной коррекции курса развития страны во всех сферах. Необходим системный критерий, балансирующий и стимулирующий развитие экономики.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, экономика, отток населения, инвестиции, валовой региональный продукт, несправедливость, демократическое равенство, инвестиционный проект, индикативное планирование, основной капитал, социально-экономическое развитие.

¹ Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков Е. П. Проблемы развития экономики российского Дальнего Востока в 2013–2018 гг. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 51–59.

© Жариков Е. П., 2019

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

PROMBLEMS OF THE RUSSIAN FAR EAST ECONOMIC DEVELOPMENT IN 2013–2018

Abstract. In the context of the ongoing population outflow from the Russian Far East (RFE) (only in 2018 it decreased by 15 thousand people), its relative stabilization is registered only in resource-extracting regions. Analysis of the RFE socio-economic development after 2012 has shown that the development of region's economy in terms of the traditional mining and fishing industries has actually exhausted itself, especially when the extracted products are exported as primary raw materials. A wave of intensified activities aimed at the development of the region such as organization of the territories of advanced development (PDA), a number of investment projects for the development of the mining industry, giving the Free Port status to Vladivostok etc. – all of that failed to lead to a significant increase in the RFE economic development. One of the reasons is the low investment activity of the region. There is a direct correlation between investments in fixed assets of RFE entities and the outflow of the population from them. The question of an adequate model of Russia's economic development remains a serious challenge. The lack of success in socio-economic development for 27 years speaks of the need for a radical correction of the country's development course in all areas. A systemic criterion is needed that can balance and stimulate the development of economy.

Keywords: Russian Far East, economy, population outflow, investment, gross regional product, injustice, democratic equality, investment project, indicative planning, fixed capital, socio-economic development.

По данным государственной статистики [1], на 01.01.2019 г. население российского Дальнего Востока (РДВ) составило 8 189 261 человек. Годовой прирост – 2 023 977 человек. Это буквально демографический взрыв за всю историю наблюдений на Дальнем Востоке – с 1650 г. Кроме того, численность дальневосточников постоянно падала с 1992 г. А максимальная численность населения макрорегиона была зафиксирована до этого в 1991 г.: 8 063 568 человек.

¹ Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
For citing: Zharikov, E.P. Promblems of the Russian Far East economic development in 2013–2018 // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 51–59.

При этом ни миграция, ни рождаемость отношения к рекорду роста населения не имеют: всё произошло *благодаря присоединению к Дальнему Востоку России Бурятии и Забайкалья*. За этот период численность населения Сибирского федерального округа снизилась на 2 113 449 человек.

Стабильный отток населения наблюдается в Приморском крае, в последние несколько лет 10 тыс. человек в год. В последние два года в отрицательную динамику втянулся Хабаровский край. Динамика роста населения характерна только для Якутии.

Таблица 1

**Численность населения в субъектах ДВФО,
тыс. человек (на конец года) [1]**

ДВФО и его субъекты	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Дальневосточный федеральный округ	6227	6211	6195	6183	6165	6140
Республика Саха (Якутия)	955	957	960	963	964	967
Камчатский край	320	317	316	315	316	315
Приморский край	1938	1933	1929	1923	1913	1903
Хабаровский край	1340	1338	1334	1333	1328	1321
Амурская область	811	810	806	802	798	793
Магаданская область	150	148	147	146	144	141
Сахалинская область	491	488	487	487	490	490
Еврейская автономная область	171	169	166	164	162	160
Чукотский автономный округ (ЧАО)	51	51	50	50	50	50

Анализ табл. 1 показывает, что относительная стабилизация населения характерна для ресурсодобывающих регионов: Якутии (алмазы, золото), Сахалинской области (нефть, биоресурсы), Магаданской области (золото, серебро), ЧАО (золото) и прикннувшего к ним Камчатского края. Наличие эффективной ресурсной базы регионов обеспечивает им рост ВРП (табл. 2) и, соответственно, удержание населения.

Сравнение двух периодов экономического развития Российского Дальнего Востока (РДВ) за периоды 2005–2012 гг. и 2012–2017 гг. (табл. 2) показывает, что позитивные сдвиги в экономическом развитии ДВФО наблюдались до 2012 г. практи-

чески во всех субъектах региона. Темп ВРП в целом по региону составил в среднем около 6,0 %. В 2012 г. индекс ВРП к 2011 г. снизился, в том числе и в ведущих субъектах РДВ, и в целом по ДВФО составил 98,6%.

Таблица 2

**Валовой региональный продукт на душу населения
(в ценах 2012 г., тыс. руб.) [1]**

ДВФО и его субъекты	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017/ 2012, %	Справ- ка 2012/ 2005, раз [2]
Дальневосточный федеральный округ	431,8	428,4	443,2	441,6	441,0	442,4	102,5	1,6
Республика Саха (Якутия)	566,4	563,2	588,5	595,5	654,8	951,2	1,68 р.	1,4
Камчатский край	397,7	392,9	391,1	422,8	455,2	450,6	113,3	1,4
Приморский край	286,1	280,4	283,6	283,7	277,2	285,6	99,8	1,4
Хабаровский край	326,3	350,4	344,2	340,3	346,4	352,4	108,0	1,3
Амурская область	280,0	244,2	286,3	262,1	259,3	234,2	83,6	1,5
Магаданская область	511,1	554,2	555,3	652,3	729,4	766,4	1,5 раза	1,5
Сахалинская область	1298,4	1287,6	1394,8	1310,5	1141,8	1111,2	85,6	2,7
Еврейская автономная область	246,3	211,4	211,7	203,4	205,6	227,3	92,3	1,5
Чукотский автономный округ	896,8	827,9	976,5	936,0	931,8	976,1	108,8	1,9

Первая волна подъёма экономики ДВФО (2005–2012 гг.) связана с реальной активизацией деятельности Правительства РФ по развитию российского Дальнего Востока фактически впервые после 1992 г. Итоги социально-экономического развития РДВ после 2012 г. показали, что развитие экономики региона на базе традиционной горнодобывающей и рыбной промышленности фактически исчерпало себя, тем более в условиях, когда добываемые продукты экспортируются в виде первичного сырья [2].

Вторая волна активизации деятельности по развитию РДВ – как продолжение принятых и отчасти уже реализованных направлений развития экономики регио-

на – началась с принятием решений по организации территорий опережающего развития (ТОР), приданию порту Владивосток статуса Свободного порта, принятию ряда инвестиционных проектов по развитию горнорудной промышленности, строительству комплексов по перевалке угля и т.п. Однако (см. табл. 2) за период 2012–2017 гг. существенного прироста в развитии экономики РДВ достичь не удалось. Поступательное развитие сохранили только Республика Саха (Якутия) и Магаданская область и, отчасти, Камчатский край, Хабаровский край и Чукотский автономный округ. За прошедшие 15 лет (2005–2017 гг.) регион не имеет устойчивых ощутимых успехов в социально-экономическом развитии. Население беднеет, его отток (особенно из Приморского края) продолжается устойчивыми темпами и т.п.

Одна из причин – низкая инвестиционная активность региона. В 2012 г. произошло резкое снижение инвестиций в основной капитал субъектов РДВ. В целом по региону – на 11,9 % к 2011 г. и на 19,5 % в 2013 г. по отношению к 2012 г. Мгновенно увеличился и отток населения: в 2012 г. он составил 14 тыс. человек, в 2013 г. – 25 тыс. человек. Состояние инвестиционной активности в основной капитал субъектов региона за 2013–2017 гг. приведено в табл. 3. Оно не оптимистично. Адекватно ему складываются и миграционные процессы.

Таблица 3

**Индекс физического объёма инвестиций в основной капитал,
в % (в ценах 2012 года) [1]**

ДФО и его субъекты	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	80,5	82,2	85,2	80,1	85,7
Республика Саха (Якутия)	89,6	79,8	83,4	100,8	98,3
Камчатский край	90,0	65,7	69,4	118,3	70,1
Приморский край	54,8	93,3	79,1	67,9	67,8
Хабаровский край	73,8	73,3	67,6	76,3	68,7
Амурская область	97,1	64,0	102,2	92,0	101,2
Магаданская область	108,9	91,9	113,7	49,9	74,4
Сахалинская область	97,5	100,0	89,7	72,0	87,9
Еврейская автономная область	47,7	61,4	89,1	78,0	56,9
Чукотский автономный округ	55,7	56,0	133,2	63,2	65,0

В 2014–2017 гг. в регионе улучшилось положение с иностранными инвестициями. В целом сохраняется положительное сальдо между их поступлением и оттоком, которое превышает значения 2011–2013 гг. в несколько раз, в частности, в 2017 г. по отношению к 2011 г. в 8,6 раза. Локомотивом привлечения средств является Сахалинская область, где реализуются индустриальные проекты, связанные с

добычей нефти на шельфе и модернизацией инфраструктуры, а также, после некоторого спада в 2011–2013 гг., Республика Саха Якутия).

Иностраный капитал идёт в выборочные проекты, связанные с высокой долей доходности, он не заинтересован в многостороннем развитии экономики региона, более того, он всячески тормозит её развитие, направляя свои возможности в сырьевые отрасли, предопределяя тем самым однобокое развитие экономики региона. А федеральное руководство, а тем более региональное руководство, после упущенных возможностей (которые давали несколько лет высокие цены на энергоносители, в частности, на нефть) в последнее время постоянно находится в цейтноте и фактически вынуждено занимать соглашательские позиции из-за недостатка инвестиций. А снижение инвестиций (см. табл. 3), как уже было указано, стимулирует, с одной стороны, абсолютное усиление оттока населения из региона, с другой – снижение его общего уровня квалификации, образованности и т.д. за счёт приезда в регион переселенцев из бывших окраинных республик СССР. В итоге депрессия региона усиливается.

Если сравнить 15 лет одного периода (1945–1960 гг.) с 15 годами другого (2002–2017 гг.), то разница колоссальная. Аналитики упорно ищут причины неудач в санкциях, коррупции и т.д. Эти причины на поверхности, они замедляют развитие, но они не определяющие. Основная причина – отсутствие внятной и понятной населению модели экономического развития, инструментов, поддерживающих и определяющих тренд развития и т.д. А к ним уже надо добавить санкции, коррупцию, воровство, чванливость чиновников, несправедливость фактически во всех сферах отношений, включая оплату труда и т.п.

В настоящее время мы наблюдаем неэффективное развитие экономики, в основе которого лежат следующие причины:

1) Слабость управленческого звена, не способного пока принимать эффективные решения (кто по отсутствию опыта, кто по неумению и т.п.). Как писал И. А. Крылов: «А вы, друзья, как ни садитесь, Всё в музыканты не годитесь». Вывод простой: «Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье...».

Отсюда, принимаемые правительством России решения вызывают определённое недопонимание. Например, дальневосточный гектар и другие.

Надо понимать, что большинство населения берёт гектар с надеждой продать его в будущем, времена первичного заселения Дальнего Востока прошли, как и семьи по 10–15 человек, игравшие роль семейных трудовых ресурсов при минимальных запросах на сервис. Сейчас нужна полноценная инфраструктура, школы, поликлиники и т.п., что очень затратно при наличии большого количества раздробленных частных хозяйств. От проекта «Дальневосточный гектар» выиграли пока что только чиновники и администрация поселений, выделив себе лучшие участки, как правило в зоне проживания.

Льготное кредитование на Дальнем Востоке – это хорошо. А чем гасить кредит? Для того чтобы снизить отток населения, ему надо создать условия хорошего заработка, достаточного семье для того, чтобы самой приобрести жильё при нормальном доступном проценте платы за заём. Тогда отпадёт потребность в коллекторах и т.п. Опыт «Жильё для молодых семей» уже был в Приморском крае в начале 2000-х годов. Кто получил жильё – нетрудно догадаться (при заселении все подъезды вокруг такого жилья были заставлены дорогими автомашинами, которые простой молодой семейной паре не по средствам). Создаётся впечатление, что подобные проекты появляются по решению властей для реализации своих притязаний за счёт государственных преференций на фоне заботы о нуждах широких слоёв населения.

Поэтому такой подход в условиях нестабильных источников доходов достаточно неоптимистичен. Да, в условиях дефицита, нехватки ресурсов проблемы будут всегда. Однако для более-менее справедливого их решения населению необходимо, чтобы реализовывался очень простой социальный принцип «демократическое равенство», а в остальном оно само оптимизирует свои решения.

2) Неэффективное расходование бюджетных денежных средств (создается впечатление – лишь бы что-нибудь сделать, например, рокировка: милиция – полиция).

3) Создание новых чиновничьих рабочих мест за счёт бюджета. Это целая проблема, которая с учётом кумовства, активной деятельности разрастающейся армии новых чиновников, которые спешат показать и доказать свою необходимость, только создаёт избыточный, стремительно возрастающий круговорот всякого рода бумаг со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но особо важной проблемой остается вопрос адекватной модели экономического развития России с учетом её особенностей – огромной территории, наличия северных районов, сложной военно-политической обстановки и т.д. Отсутствие в течение 27 лет успехов в социально-экономическом развитии говорит о необходимости радикальной коррекции курса развития страны во всех сферах.

В первую очередь, следует обратить внимание на отсутствие системного критерия, балансирующего и стимулирующего развитие экономики. На смену государственному планированию должно было прийти индикативное планирование, но что это такое – глубокого понимания нет. У каждой страны, взявшей его на вооружение, есть свои базовые отличия, так или иначе учитывающие национальные особенности, особенно принципы взаимодействия государства (государственных корпораций) с частным бизнесом.

В Японии – это ориентирование частных предприятий на выполнение задач, формулируемых государством. Его особенность – высокая координация действий промышленных, торговых, банковских компаний и правительства. Во Франции – это достаточно гибкий механизм координации действий интересов государства и других субъектов экономики, в котором целевые установки и способы реализации планов подчиняются ключевым общегосударственным потребностям. Со временем значение

общегосударственных планов развития снижается, уступая место планам регионального развития. В Китае индикативное планирование – это единая целостная система, состоящая из планов различных уровней и разной продолжительности: долгосрочных (10–20 лет), среднесрочных (5 лет) и годовых. Долгосрочный план является документом программного характера, отражающим стратегию развития экономики, науки и техники, социальной сферы [1]. Объединяющим фактором рассмотренных выше моделей является планирование (достаточно жёсткое – особенно в Японии и Китае) и высокая координация всех основных субъектов хозяйственного процесса.

Согласно российскому варианту индикативного планирования, индикативный план содержит обязательные задания для государства и госсектора [3]. Таким образом в экономическом блоке наблюдается подобная картина, что и в социальном. В социальном – расслоение и раздробленность слоёв населения, порождённая несправедливостью приватизации и установлением всякими закрытыми договорными актами уровней заработной платы сотрудникам, которые отбивают всякое желание эффективно работать, особенно в условиях, когда сотрудники видят беспомощность руководства. В экономике – неспособность организовать хозяйственные фирмы и предприятия, особенно с разной формой собственности, работающие на одну цель. Отсюда малый бизнес, несмотря на все принимаемые стимулирующие меры, не может пока стать эффективным дополнением развития экономики под эгидой государственно-частного партнёрства.

Учитывая вышеперечисленные аспекты современной реальности, особенно результаты приватизации, можно полагать, что сложившаяся ситуация – это надолго. Поэтому очень трудно, а практически невозможно находить какие-то логические закономерности в социально-экономических процессах при хаотичном планировании и управлении этими процессами. Пока в сознании населения не укоренится понятие о более-менее справедливом перераспределении бывшей государственной собственности и выросшем классе эффективных менеджеров, соединённых с этой собственностью, успешного развития экономики в ближайшие годы ждать не приходится.

Подобная ситуация уже наблюдалась в России, когда на смену дворянам-помещикам пришла энергичная буржуазия, владевшая своей собственностью на легитимных правах, воспринимаемых широкими слоями населения.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf (дата обращения: 01.10.2019).
2. Жариков, Е. П. Новые возможности и реалии развития экономики Дальневосточного региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – № 2. – С. 9–23.

3. [Андрюшкевич, О. А.] Индикативное планирование в экономиках разного типа. – URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/indikativnoe_planirovanie_v_ekonomikah_raznogo_tipa/ (дата обращения: 03.09.2019).

References

1. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018.* Available at: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf (accessed 01 October 2019). (In Russian).

2. Zharikov E.P. *Novye vozmozhnosti i realii razvitiya ekonomiki Dal'nevostochnogo regiona* [New opportunities and realities of economic development in the Far East region]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo – Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2015, no. 2, pp. 9–23.

3. Andryushkevich O.A. *Indikativnoe planirovanie v ekonomikakh raznogo tipa* [Indicative planning in economies of various types]. Available at: http://kapital-rus.ru/articles/article/indikativnoe_planirovanie_v_ekonomikah_raznogo_tipa/ (accessed 03 September 2019).

УДК 338.1:330.56(100)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/60-75

А. Н. Лякин¹

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.lyakin@spbu.ru

ЛОВУШКА СРЕДНЕГО ДОХОДА И РОССИЙСКАЯ СТАГНАЦИЯ*

Аннотация. В статье рассматривается феномен ловушки среднего дохода. Выделяются три трактовки этого понятия, различающиеся по признакам его определения (переход от быстрого к медленному росту; невозможность перехода в группу стран более высокого дохода в течение длительного периода; темп роста, не допускающий конвергенции), частоте распространённости и потенциальным последствиям для экономики, попавшей в ловушку. Показаны расхождения в методологии выявления случаев ловушки среднего дохода, сложности количественных оценок при отнесении страны к различным доходным группам, выделения самих доходных групп. Дан обзор предлагаемых в литературе причин попадания экономик в ловушку среднего дохода: слабость институтов, препятствующая формированию стимулов для роста производств с высокой добавленной стоимостью; исчерпание факторов роста, обеспечивавших ускорение ранее, растущие требования к качественным параметрам факторов производства; результат макроэкономических шоков, меняющих траекторию роста и не компенсируемых в процессе посткризисного восстановления. Показаны тенденции роста стран среднего дохода в последнее десятилетие, замедление процессов догоняющего развития. Российская экономика в предшествующее десятилетие вплотную приблизилась к границе высокодоходных стран, а в настоящее время утрачивает свои позиции. Причиной утраты динамизма являются нестабильность экономического роста, слабая сопротивляемость внешним шокам. Переход от высокой волатильности к стагнации создают угрозу для

¹ Александр Николаевич Лякин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Для цитирования: Лякин А. Н. Ловушка среднего дохода и российская стагнация // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 60–75.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 8-010-00145.

тельного отставания от растущих экономик и реализации угрозы сценария ловушки среднего дохода для российской экономики.

Ключевые слова: российская экономика, ловушка среднего дохода, неравномерность экономического роста, конвергенция экономик, волатильность, стагнация.

A. N. Lyakin¹

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: a.lyakin@spbu.ru

MID-INCOME TRAP AND RUSSIAN STAGNATION

Abstract. The article considers the phenomenon of the middle income trap. Three interpretations of this concept are distinguished, differing by the signs of its definition (transition from fast to slow growth; impossibility of moving into a group of higher income countries for a long period; growth rate that does not allow convergence), frequency prevalence and potential implications for the trapped economy. Differences in the methodology for identifying the cases of middle-income traps, the complexity of quantitative estimates when classifying a country as different income groups, and highlighting the income groups themselves are shown. A review of the literature suggested the reasons for falling into the middle income trap is given: the weakness of institutions that impedes the formation of incentives for the growth of enterprises with high added value; exhaustion of growth factors that provided acceleration earlier; growing demands on the quality parameters of production factors; the result of macroeconomic shocks that change the growth path and are not compensated in the process of post-crisis recovery. The growth trends of middle-income countries in the last decade, the slowdown of the processes of catching up development are shown. The Russian economy in the previous decade had come close to the border of highly profitable countries, and is currently losing ground. The loss of dynamism is caused by the instability of economic growth and poor resistance to external shocks. The transition from high volatility to stagnation poses a threat of a long lag behind growing economies and the realization of the threat of the middle-income trap scenario for the Russian economy.

Keywords: Russian economy, average income trap, uneven economic growth, convergence of economies, volatility, stagnation.

²Alexander N. Lyakin, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Economic Policy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

For citing: Lyakin A.N. The middle-income trap and Russian stagnation // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 2. P. 60–75.

Рост мировой экономики протекает неравномерно. Темпы роста меняются от страны к стране, по группам стран и в целом по миру в различное время. Хотя периоды длительной стагнации бывают во многих странах, различающихся по уровню экономического развития, особое внимание экономистов в последнее десятилетие привлекает ситуация, когда стагнация начинается в странах среднего дохода, которые ранее росли высокими темпами, сближаясь с развитыми экономиками. Интерес к этому феномену обусловлен оценкой перспектив возможного замедления китайской экономики, почти полуторавековым пребыванием в группе среднеразвитых стран ряда латиноамериканских государств, а также торможением роста экономики восточноевропейских стран, включая Россию, которые резко снизили темпы в последнее десятилетие. Вокруг существования эффекта замедления роста стран среднего дохода, форм его проявления, потенциальных причин его возникновения развернулись активные дискуссии, начиная с признания или непризнания существования этого феномена, трактовки понятия ловушки, количественных оценок границ уровня дохода (когда возникает угроза торможения), числа стран и периодов, когда можно фиксировать попадание той или иной экономики в эту ловушку. Для российской экономики, находящейся в стагнации после рецессии 2015–2016 гг., концепция ловушки среднего дохода важна в двух аспектах. Во-первых, насколько процессы замедления роста в России могут быть объяснены причинами попадания в ловушку среднего дохода, во-вторых, насколько неизбежно замедление китайской экономики, со всеми последствиями такого сценария для потенциала роста российской экономики в целом и её дальневосточного региона в особенности.

Трактовки «ловушки среднего дохода»

В соответствии с исходной постановкой модели [20] в процессе экономического роста должна происходить конвергенция экономик с различным уровнем дохода. Поскольку в странах догоняющего развития низкой капиталовооруженности труда будет соответствовать высокая предельная производительность капитала, это должно вести к расширению инвестиций и более высоким темпам роста, нежели в странах с оптимальной капиталовооруженностью труда. Между тем анализ процессов экономического роста в глобальной экономике показывает, что поддерживается постоянное, устойчивое соотношение уровней доходов по группам стран [1], сближение не происходит, а переход в группу богатых стран носит единичный характер – Сингапур, Республика Корея. Одной из причин сохранения разрыва между богатыми и среднеразвитыми странами называют «ловушку среднего дохода».

Идея о замедлении роста в странах среднего дохода была высказана впервые в докладе Всемирного банка, посвящённого развитию Южной Азии. «Страны среднего дохода растут менее быстро, чем богатые или бедные страны, и это объясняет отсутствие конвергенции в мировой экономике двадцатого века» [4, р. 5]. Это рас-

хождение в темпах роста объяснялось конкуренцией инноваторской продукции с высокой добавленной стоимостью, производимой развитыми странами, и дешёвыми ресурсами для производства традиционных отраслей, предлагаемыми странами бедными. В последующем понятие «ловушки среднего дохода» получило различные трактовки.

Первый подход связан с анализом внезапных переходов от роста к стагнации, что особенно часто происходит в странах среднего дохода. «Вероятность столкнуться с замедлением роста непропорционально высока у стран со средним доходом, и этот результат устойчив к широкому диапазону границ для определения «среднего дохода». В нашей выборке относительная частота эпизодов замедления для категории стран со средним уровнем дохода всегда значительно выше, чем для двух других категорий доходов» [14, р. 25]. Под ловушкой при этом понимается не общее замедление группы среднеразвитых стран по отношению к группе бедных и богатых экономик, а ситуация, когда быстрый рост страны, приближающейся к верхней границе среднего дохода сменяется стагнацией, удерживающей её в прежней группе [10]. В последней работе выделяются два интервала значений среднедушевого дохода, при попадании в которые возрастает вероятность перехода от роста к стагнации – от 10 000 долл. до 11 000 долл. и между 15 000 и 16 000 долл.

Во втором случае границы среднего дохода устанавливаются как относительно масштабов богатой экономики (США, средний внутренний валовой продукт (ВВП) на душу населения по странам ОЭСР и т.д.), так и в долларах США на определённый год по паритету покупательной способности (ППС), а под ловушкой среднего дохода понимается ситуация, когда в течение длительного времени страна остаётся в интервале среднего дохода, не переходя в группу богатых стран. Ловушка заключается в невозможности догнать страны богатой группы. При таком понимании концепция ловушки среднего дохода становится частью проблемы экономического роста. Наиболее характерный пример – это государства Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Колумбия находятся в верхней части группы стран среднего дохода по крайней мере последние 60 лет). Дж. Фелипе, А. Абдон, У. Кумар [12] по панели из 124 стран, данные по которым были для них доступны, группировали страны среднего дохода как страны с низким средним доходом – 38 стран (2 000 – 7 250 в долларах США по ППС 1990 г.), верхним средним доходом – 14 стран (7 250 – 11 500 долл.). При этом как таковой ловушки среднего дохода обнаружить не удалось, но время, необходимое для перехода из одной доходной группы в другую, может существенно различаться. В среднем страна с низким средним доходом остаётся в своей группе более 28 лет, а переход из группы верхнего среднего дохода в богатые страны занимает более 14 лет. Ловушку можно трактовать как длительность периода пребывания в группе среднеразвитых стран, превышающую 55 лет, хотя период задаётся в известной степени произвольно (исходя из среднего

срока, необходимого для перехода из одной группы в другую, сложившегося в предшествующие годы). Им и Розенблатт [16] показали, что переход из одной группы в другую не зависит от уровня дохода страны и определяется только соотношением темпов роста стран догоняющего развития и их устойчивостью. Они же отметили, что определение границ стран среднего дохода абсолютной фиксированной величиной заставляет сосредоточиться на выявлении причин стагнации, а не успехов или неудач в погоне за лидером.

Ещё один вариант трактовки ловушки среднего дохода предложен в работе Робертсон и Е [23]. Авторы рассматривают ловушку среднего дохода как ситуацию, при которой страна среднего дохода растёт темпом, равным темпу роста США, на протяжении длительного периода сохраняя неизменно отставание от лидера и удерживаясь в группе среднего дохода.

Проблемы количественных оценок

Проблемы возникают с выделения группы стран среднего дохода, определения её верхних и нижних границ. Использование абсолютных показателей, например, предлагаемых Мировым банком, при группировке стран по уровню дохода, оставляет вопрос о сопоставимости полученных данных. Границы выделяемых групп на 2019 г. определяются Всемирным банком следующим образом: к экономикам с низкими доходами относятся страны с ВНД на душу населения до 1 025 долл. США, к странам с низким средним уровнем дохода относятся те, чей ВНД на душу населения составляет от \$ 1 026 до \$ 3 995; экономики с верхним средним уровнем дохода имеют ВНД на душу населения в диапазоне от \$ 3 996 до \$ 12 375; ВНД на душу населения свыше этой границы имеют страны с высоким доходом [22]. Однако ВНД на душу населения, рассчитанный по текущему курсу в постоянных долларах на 2010 г., серьёзно зависит от колебаний валютного курса, и девальвация или ревальвация национальной валюты меняет показатели её роста безотносительно реальных тенденций. Устойчивая недооценка или переоценка валюты меняет место страны в международных сопоставлениях. Использование ППС при формировании группировок стран по уровню дохода и измерению темпов экономического роста серьёзно меняет их состав, соотношение уровней развития, а также темпов роста. Так Эйхенгрин, Парк и Шин [11] определяют границы группы стран среднего дохода в интервале от \$ 2 585 до \$ 17 600 по ППС.

Группировка стран по уровню дохода относительно некоторого ориентира позволяет оценивать в динамике соотношение уровней экономического развития и отслеживать переходы из одной группы в другую (как вверх, так и вниз). В качестве эталона предлагается использовать богатую экономику, которая растёт сбалансированным путём со скоростью, равной темпу роста мировой технологической границы [23]. Необходимым требованиям отвечает экономика США, растущая

средним темпом 1,8% последние 125 лет. Соответственно, меняется и определение ловушки среднего дохода. В качестве таковой рассматривается ситуация, когда страна, подушевой доход которой попадает в интервал страны среднего дохода, сохраняет неизменным отставание от богатой экономики. Та же проблема сохраняется при переходе к относительным показателям – если устанавливать границы через соотношение с подушевым ВВП США, то какой измеритель даст наиболее адекватную картину – ВВП, измеренный по текущему курсу или по ППС? Учитывая, что коэффициент пересчёта ППС к рыночному валютному курсу в странах среднего дохода редко превышает 0,5, а в странах с высоким доходом значительно отличается от единицы, смещение к верхней границе должно усиливаться сближением рыночного курса национальной валюты к курсу, рассчитанному по ППС. Используя в качестве ориентира экономику США, Атукорала и Ву [7] предложили индекс догоняющего развития, в соответствии с которым страны с валовым национальным доходом на душу населения в 55% от уровня США относятся к богатым экономикам, в интервале от 20% до 55% – к странам среднего дохода. Используя тот же сравнительный подход, Робертсон и Е [23] определили группировку стран среднего дохода в границах от 8 до 38% ВВП США, что позволило включить в выборку 46 из 189 стран (40%).

Определение состава группы стран среднего дохода существенно влияет на полученные результаты. Так, беспрецедентный сорокалетний непрерывный рост китайской экономики, с учетом её масштабов, искажает данные по группе в целом. Доля ВВП Китая в совокупном ВВП стран среднего дохода, рассчитанного в постоянных долларах 2010 г., составляет 40%, соответственно темпы роста всей группы в значительной степени определяются Китаем. Если учесть ещё и ускорение индийской экономики, трудно говорить об отставании стран среднего дохода от богатых стран.

Следующей задачей, разные варианты решения которой меняют оценки распространённости ловушки среднего дохода, является определение количественных критериев высокого темпа роста и, наоборот, стагнации. Абсолютные показатели не годятся для этих целей. Поскольку для мировой экономики в целом характерна неравномерность роста, то важно не само по себе ускорение или замедление той или иной экономики, а их соотношение с прочими странами со сходным, большим или меньшим уровнем дохода. Так, Б. Эйхенгрин [10] определяет – как признак попадания в ловушку среднего дохода – переход от продолжающегося в течение не менее семи лет роста с темпом не менее 3,5% к понизившимся после спада не менее чем на 2% темпам. Однако средние темпы роста стран среднего дохода в 60-е годы составляли 6,1%, а в 80-е – 2,8% [22]. Поэтому для одного периода рост в 3,5% будет означать отставание в экономическом развитии, для другого – опережение. При этом также сохраняются расхождения в оценках при использовании ППС или

текущих курсов. Так, укрепление национальной валюты в период быстрого роста будет искажать оценку темпов в сторону увеличения, а использование оценок по паритету покупательной способности будет сглаживать волатильность роста. Решением проблемы становится использование относительных показателей роста для выделения периодов замедления и перехода к стагнации.

Поскольку ловушка должна проявляться при сближении быстрорастущей экономики с верхней границей группы, то в длительном периоде в верхней части группы стран со средним доходом будут концентрироваться страны, растущие темпами, меньшими или равными средним по группе в целом. Более того, группа стран со средним доходом должна становиться наиболее многочисленной в мировой экономике. Это действительно соответствует реальности, при этом самыми быстрыми темпами росла численность стран среднего дохода в Азии [5], хотя значимый вклад в рост численности данной группы внесли страны Восточной Европы, включая бывшие республики Советского Союза и Югославии.

Причины попадания в ловушку среднего дохода

Многообразие подходов к определению ловушки среднего дохода, порогов перехода от одной категории стран к другой, методов оценок темпов роста, выделения моментов замедления порождает значительный разброс количественных оценок распространённости попадания стран в эту ловушку. Ряд исследователей считает, что само существование ловушки среднего дохода — это миф [13; 15; 24]. Робертсон и Е нашли только 7 стран из 46 за период наблюдений с 1950 г. по 2010 г., чей темп роста не показывал сходимости с экономикой США [23]. Эйхенгрин, Парк и Шин в интервале с 1957 г. по 2010 г. по панели из 187 стран обнаружили 36 стран во всех регионах мира, включая Европу, столкнувшихся с ловушкой среднего дохода [10].

Ещё меньше согласия между исследователями в вопросах о причинах возникновения торможения или устойчивого сохранения отставания от богатых стран. Три ключевых направления поиска связаны с несовершенством институтов, исчерпанием конкурентных преимуществ, порождающих экономический рост и нарастание макроэкономической турбулентности, когда торможение проявляется в возрастающей волатильности, которая может сменяться стагнацией.

Среди институциональных причин замедления темпов и перехода к стагнации называют слабую защиту прав собственности, искажённые стимулы к экономической деятельности, проблемы во взаимодействии государства с частным бизнесом, начиная от избыточного регулирования и коррупции и заканчивая ошибками в распределении ресурсов, дефицитом инфраструктурных услуг и общественных благ. В то же время убедительные эмпирические работы, связывающие институциональные проблемы с темпами роста, найти трудно. Очевидная сложность количественного измерения качества институциональной среды ведёт к необходимости исполь-

зовать фиктивные переменные в эконометрических расчетах. В качестве показателей применяются различного рода рейтинговые оценки либо результаты опросных программ.

Драйверы роста меняются, когда экономика выходит из состояния бедности, достигая среднего уровня дохода. Ряд преимуществ, обеспечивавших ранее быстрый рост, исчерпываются. Истощаются возможности увеличения производительности за счёт перемещения ресурсов из низкоэффективных секторов, подобных сельскому хозяйству, возрастают требования к уровню и качеству образования, а вместе с тем дорожает труд, возрастает спрос на качественную инфраструктуру, включая связь, финансы и т.д. Усложняются контрактные взаимоотношения, что требует соответствующей судебной защиты бизнеса [3]. Сложности инновационного процесса, неразвитость соответствующей инфраструктуры препятствуют созданию инноваций [8]. Национальные компании не способны генерировать собственные технологии, и, как следствие, проблемы перехода к производству продукции с высокой добавленной стоимостью порождают ограничения роста [9]. Особое внимание в работах по азиатским экономикам придаётся важности вложений в человеческий капитал, освоению новых навыков и знаний как необходимому условию для сохранения последовательного движения к высокому уровню дохода.

Торможение стран Центральной и Восточной Европы после кризиса 2008–2009 гг. получило объяснение в рамках концепции зависимого капитализма. В предшествовавший ему период быстрый рост обеспечивался инвестициями глобальных корпораций, при этом национальные компании стали жертвой обострённой конкуренции и были вытеснены с рынка. Многонациональные корпорации используют производства, уступающие по технологическому уровню тем, которые размещены в Западной Европе, инвестиции после кризиса сократились и идут только в сферы применения дешёвого труда. Низкая заработная плата ограничивает потенциал роста [19]. Иначе ситуацию трактует Андерс Ослунд, который считает, что никакой ловушки среднего дохода в Восточной Европе нет, поскольку проводимая политика обеспечивает либеральный режим работы рынков, приемлемую налоговую нагрузку и малый объём социальных обязательств. Проблемы проявляются в отставании в области исследований и разработок и снижении численности населения. Но утрата темпов компенсируется потерей населения, что позволяет увеличивать подушевой ВВП [6].

Переход от роста к стагнации происходит вследствие макроэкономических шоков, выражающихся либо в глубокой девальвации, либо рецессии, либо того и другого вместе, как это произошло в Малайзии и Таиланде вследствие азиатского кризиса, восточно-европейских странах после глобального кризиса 2007–2008 гг. Причина уязвимости экономик среднего дохода определяется однобокой структу-

рой выпуска, негибкой реакцией производства на изменение рыночных условий [17]. Протекающие здесь рецессии не компенсируются в период посткризисного восстановления, в итоге возрастающая волатильность фиксируется как снижение средних темпов роста [Martinet al, 2015].

Очевидно, что в случае со странами среднего дохода вся совокупность причин существует в реальности. Качество институтов в этих странах уступает тем, которые сложились в богатых странах, хотя бы потому, что эффективные институты требуют соответствующих затрат на обеспечение их функционирования. Дорожающие ресурсы не компенсируются растущей факторной производительностью. Структура экономики, как правило, далека от сбалансированной. В то же время значимость этих факторов различается, а соответственно должны настраиваться приоритеты экономической политики, препятствующей замедлению роста [18].

Страны среднего дохода: неравномерность роста, изменение места в мировом хозяйстве

Вопреки исходной посылке, породившей идею о существовании замедления роста в группе стран среднего дохода, их доля в мировой экономике расширяется, хотя в разное время темпы этого процесса существенно различались, и сама динамика группы в целом во многом определяется быстрым ростом азиатских экономик, прежде всего таких гигантов, как Китай и Индия. Более того, сужение группы богатых стран в мировом ВВП происходило при расширении самой этой группы во второй половине двадцатого столетия за счёт вхождения в неё таких крупных экономик, как Япония и Южная Корея. На рис. 1 представлены изменение структуры мирового ВВП по группам стран и динамика роста их ВВП. Рывок в экономическом развитии произошел в 2000-е годы, именно в это время китайская экономика переходит в верхнюю группу стран среднего дохода, ряд восточноевропейских экономик (Эстония, Польша, Словакия) пересекают границу группы стран с высоким доходом, а ещё целый ряд стран, включая Россию, к ней приближаются.

Тенденция ломается в последнее десятилетие, что во многом обусловило интерес к концепции ловушки среднего дохода. После увеличения доли стран верхнего среднего дохода в мировом ВВП в 2000-е годы, когда быстрыми темпами рост шёл во всех регионах, а не только в Азии, в начале текущего десятилетия относительный рост снизился в постсоциалистических странах Европы, Латинской Америке и сохранился только в азиатских экономиках среднего дохода. Хотя китайская экономика серьёзно замедлилась в последнее десятилетие – с 9,5% в среднем за предыдущее десятилетие до 7,2% в текущем, что соответствует формальному критерию ловушки среднего дохода Б. Эйхенгрин [10], с учётом её возрастающих масштабов, темпы остаются беспрецедентно высокими.

Рис. 1. Структура мирового ВВП по группам стран с различным уровнем дохода

В этом отношении российская стагнация, воспринимаемая как уникальный процесс, вызванный исключительно внутренними экономическими и внешними геополитическими проблемами российского развития, является частью глобальных процессов неравномерности экономического роста (рис. 2).

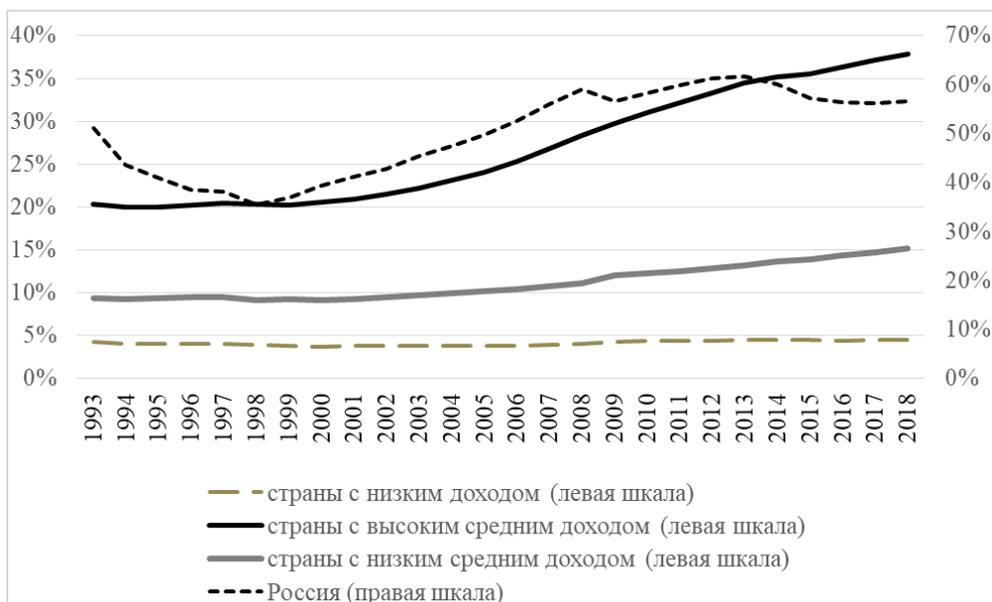

Рис. 2. Отношение ВВП на душу населения по странам к ВВП на душу населения стран с высоким доходом (1993–2018 гг., ВВП на душу населения по ППС в международных долл. 2011 гг.)

Аналогичная динамика характерна для большинства восточно- и центрально-европейских государств. Важно отметить, что первоначально снижение темпов было обусловлено «великой рецессией» 2007–2008 гг., которая почти не затронула бедные экономики и страны с низким средним доходом, но серьезно ударила по экономикам верхнего среднего дохода и странам с высоким доходом. Однако развитые страны, имеющие высоко диверсифицированную экономику, гибкую финансовую систему и отработанные процедуры проведения контрциклической политики, перешли от рецессии к росту. В тесно связанных с ними экономиках Восточной и Центральной Европы также началось ускорение темпов роста.

Находится ли российская экономика в ловушке среднего дохода?

В рамках первых двух подходов к определению ловушки среднего дохода российская экономика может рассматриваться как классический пример её проявления.

К границе стран с высоким уровнем дохода Российская Федерация подходила в конце 80-х годов, формально эта граница превышалась с 2011 г. по 2014 г., когда ВВП на душу населения по текущему курсу превышал определяемый Всемирным банком порог вхождения в группу богатых стран. Не имея возможности оценить объёмы экономики РСФСР в составе СССР, можно всё же предположить, что по крайней мере с 60-х годов она относилась к группе стран с верхним средним доходом. То есть Россия остаётся страной среднего дохода по крайней мере последние 60 лет, что больше, чем в среднем необходимо для перехода от одной группы к другой. В этом отношении её положение сопоставимо со странами Латинской Америки.

Определению ловушки среднего дохода как резкого торможения экономики при приближении к порогу высокого дохода целиком отвечают особенности российской экономической динамики последнего десятилетия: увеличение волатильности экономического роста, переход от темпов, превышающих средние по группе стран в целом, к стагнации через рецессии 2008–2009 гг. и 2015–2016 гг., масштабные девальвации рубля, ведущие к снижению уровня жизни населения.

Мощные макроэкономические шоки, обусловленные колебаниями мировых цен на углеводороды, изменениями процентных ставок на мировых финансовых рынках и управляемой (2008–2009) или неуправляемой (2014) масштабной девальвацией приводили к рецессии, выход из которой происходил по меняющейся траектории – от среднегодовых темпов роста в цикле 1998–2008 гг. в 7,1% к 1,1% в 2009–2014 гг. и до 0,4% в текущем цикле [2]. Поскольку прогнозы на ближайшие годы, даже самые оптимистичные, не предполагают ускорения выше 2% в год, то очевидно, что в текущем цикле отставание России сохранится и она будет постепенно отодвигаться от порога развитых стран. Если в 2000-х годах российская экономика опережала средние темпы по группе на 2%, то сейчас начинает отставать от динамики группы стран среднего дохода.

Рассматривая причины ухудшения позиций страны в группе стран среднего дохода, важно заметить, что стагнация – относительно недавний процесс в нашем развитии, и её продолжительность также не очевидна. До настоящего момента главной проблемой была макроэкономическая неустойчивость, обусловленная спецификой отраслевой структуры, зависимостью от импорта по ряду ключевых позиций, слабостью финансовой системы.

Активный процесс вытеснения долларовых кредитов из портфелей российских корпораций не сопровождается их замещением, сопоставимым по условиям рублевых ресурсов. Умеренно жёсткая денежно-кредитная политика в сочетании с бюджетным профицитом задают спросовые ограничения.

С одной стороны, проводимая денежными и финансовыми властями политика позволила, по крайней мере на текущий момент относительно спокойной мировой экономической конъюнктуры, решить проблему снижения волатильности роста. Уменьшилась эластичность валютного курса по изменению цен на углеводороды. При почти 40%-ном снижении нефтяных цен в конце 2018 г. курс сдвинулся менее чем на 10%. Понижение инфляции до целевых значений Банка России или близких к ним и, что ещё важнее, снижение инфляционных ожиданий повышают устойчивость российской экономики к внешним шокам. Устойчивость роста с точки зрения долгосрочных перспектив развития – крайне важное свойство. Все страны, длительное время пребывающие в группе стран среднего дохода, прежде всего латиноамериканские государства, как раз отличаются неустойчивостью роста, частыми рецессиями и периодами восстановительного роста, не позволяющими вернуться к прежнему циклу. С другой стороны, выход на траекторию с высокими темпами экономического роста требует соответствующих целенаправленных усилий, прежде всего через стимулирование инвестиций частного сектора. Этот процесс не начнётся автоматически после затянувшегося периода стагнации, он требует соответствующих усилий со стороны Правительства, и национальные проекты здесь могут выступить только одним из потенциальных направлений разгона экономического роста.

Выводы

Ловушка среднего дохода и в настоящее время остается гипотезой, не имеющей точных количественных характеристик, доказательств существования этого феномена и однозначно трактуемых эмпирических данных. В то же время эта концепция концентрирует внимание экономистов на крайне существенной проблеме неравномерности экономического роста, причин возникновения длительных депрессий. Накопленные данные позволяют утверждать, что такого рода процессы чаще происходят в экономиках среднего уровня дохода, как в силу меньшей гибкости и несовершенства институтов, в рамках которых протекает экономический

рост, так и в силу структурных проблем усложняющейся экономики, тесно связанной с мировым хозяйством.

Российская экономика в очередной раз останавливается перед границей, отделяющей богатые страны от экономик среднего дохода. Затягивающаяся стагнация, фиксирующая её позицию в межстрановом сопоставлении, может стать серьёзной угрозой её удержания в ловушке среднего дохода на длительный период. При всей безусловной важности повышения качества институтов, решение проблемы ускорения экономического роста лежит прежде всего в плоскости улучшения макроэкономических условий и проводимой экономической политики.

Список литературы

1. Валовой внутренний продукт // Росстат. – URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/tab3.htm> (дата обращения 05.09.2019).
2. Григорьев, Л. М. Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста / Л. М. Григорьев, Е. Н. Паршина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. : Экономика. – 2013. – № 4. – С. 70–86.
3. Ag'enor, P.-R. Caught in the middle? The economics of middle-income traps. – DOI 10.1111/joes.12175 // *Journal of Economic Surveys*. – 2017. – Vol. 31, no. 3. – P. 771–791.
4. An East Asian renaissance: ideas for economic growth / I. Gill, H. Kharas, D. Bhattasali [et al.] ; World Bank. – Washington, DC, 2007. – 365 p.
5. Asia's middle-income challenge: an overview / G. Estrada, X. Han, D. Park, S. Tian. – DOI 10.1080/1540496X.2017.1419427 // *Emerging Markets Finance and Trade*. – 2018. – Vol. 54, iss. 4. – P. 1208–1224.
6. Aslund, A. What happened to the economic convergence of Central and Eastern Europe after the global financial crisis? // *Comparative Economic Studies*. – 2018. – Vol. 60, № 2. – P. 254–270. – URL: <https://doi.org/10.1057/s41294-018-0060-x> (дата обращения: 12.09.2019).
7. Athukorala, P.-C. Malaysia in the middle-income trap / P.-C. Athukorala, W. Thye Woo // Asian Economic Panel Meeting, Columbia University, New York City (24th–25th March 2011). – New York, 2011. – Неопубл., слайд презентации.
8. Beyond institutional voids and the middle-income trap: The emerging business angel market in Malaysia / R. Harrison, W. Scheela, P. C. Lai, S. Vivekarajah // *Asia Pacific Journal Management*. – 2018. – Vol. 35. – P. 965–991.
9. Cherif, R. The Leap of the Tiger: escaping the middle-income trap to the technological frontier / R. Cherif, F. Hasanov. – DOI 10.1111/1758-5899.12695 // *Global Policy*. – 2019. – Vol. 7. – P. 1–15.
10. Eichengreen, B. Growth slowdowns redux / B. Eichengreen, D. Park, K. Shin // *Japan and the World Economy*. – 2014. – Vol. 32. – P. 65–84.

11. Eichengreen, B. The landscape of economic growth: do middle-income countries differ? / B. Eichengreen, D. Park, K. Shin. – DOI 10.1080/1540496X.2017.1421939 // *Emerging Markets Finance and Trade*. – 2018. – Vol. 54, iss. 4. – P. 836–858.
12. Felipe, J. Tracking the middle-income trap: what is it, who is in it, and why? / J. Felipe, A. Abdon, U. Kumar // *The Levy Economics Institute WP*. – 2012. – Vol. 715. – P. 1–60.
13. Felipe, J. Middle-income transitions: trap or myth? / J. Felipe, U. Kumar, R. Galope. – Manila : Asian Development Bank (ADB), 2014. – (ADBEconomics Working Paper Series ; № 421). – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/149903/ewp-421.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
14. Growth slowdowns and the middle-income trap / S. Aiyar, R. Duval, D. Puy [et al.]. – DOI 10.1016/j.japwor.2018.07.001 // *Japan and the World Economy*. – 2018. – Vol. 48. – P. 22–37.
15. Hartwell, Ch. Old wine and new bottles: A critical appraisal of the middle-income trap in BRICS countries. – DOI 10.3897/j.ruje.4.27726 // *Russian Journal of Economics*. – 2018. – Vol 4. – P. 133–154.
16. Im, F. Middle-income traps: a conceptual and empirical survey / F. Im, D. Rosenblatt // *Journal of International Commerce, Economics and Policy*. – 2015. – Vol. 6, iss. 3. – P. 1–39.
17. Lin, J. Y. Industrial policies for avoiding the middle-income trap: a new structural economics perspective. – DOI 10.1080/14765284.2017.1287539 // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. – 2017. – Vol. 15, iss. 1. – P. 5–18.
18. Martin, R. Potential output and recessions: are we fooling ourselves? / R. Martin, T. Munyan, B. A. Wilson // *International Finance Discussion Papers 1145*. – URL: <http://dx.doi.org/10.17016/IFDP.2015.1145> (дата обращения: 11.10.2019).
19. Myant, M. Dependent capitalism and the middle-income trap in Europe na East Central. – DOI 10.2478/ijme-2018-0028 // *International Journal of Management and Economics*. – 2018. – Vol. 54, iss. 4. – P. 291–303.
20. Solow, R. M. A contribution to the theory of economic growth // *Quarterly Journal of Economics*. – 1956. – Vol. 70, iss. 1. – P. 65–94.
21. The World Bank Country and Lending Groups. – URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (дата обращения: 19.07.2019).
22. The World Bank. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (дата обращения: 16. 08.2019).
23. Ye, L. On the existence of a middle-income trap / L. Ye, P. Robertson. – DOI 10.1111/1475-4932.12245 // *Economic record*. – 2016. – Vol. 92, iss. 297. – P. 173–189.
24. Yusuf, S. Middle-income countries: trapped or merely slowing? – DOI 10.1111/apel.12190 // *Asian-Pacific economic literature*. – 2017. – Vol. 31, iss. 2. – P. 19–29.

References

1. Gross domestic product. *Rosstat*. Available at: <https://gks.ru/storage/mediabank/tab3.htm> (accessed 05 September 2019).
2. Grigor'ev L.M., Parshina E.N. Ekonomicheskaya dinamika stran mira v 1992–2010 gg.: neravnomernost' rosta [Economic dynamics across countries in 1992–2010: growth divergence]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economy], 2013, no. 4. pp. 70–86.
3. Ag'enor P.-R. Caught in the middle? The economics of middle-income traps. *Journal of Economic Surveys*, 2017, vol. 31, no. 3, pp. 771–791. doi: 10.1111/joes.12175.
4. Gill I., Kharas H., Bhattasali D. et al. *An East Asian renaissance: ideas for economic growth*. Washington, DC, 2007. 365 p.
5. Estrada G., Han X., Park D., Tian S. Asia's middle-income challenge: an overview. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2018, vol. 54, iss. 4, pp. 1208–1224. doi: 10.1080/1540496X.2017.1419427.
6. Aslund A. What happened to the economic convergence of Central and Eastern Europe after the global financial crisis? *Comparative Economic Studies*, 2018, vol. 60, no. 2, pp. 254–270. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41294-018-0060-x> (accessed 12.09.2019).
7. Athukorala P.-C., Woo W.T. Malaysia in the middle-income trap. *Asian Economic Panel Meeting, Columbia University, New York City (24th–25th March 2011)*. New York, 2011. [Unpublished, presentation slide].
8. Harrison R., Scheela W., Lai P.C., Vivekarajah S. Beyond institutional voids and the middle-income trap: The emerging business angel market in Malaysia. *Asia Pacific Journal Management*, 2018, vol. 35, pp. 965–991.
9. Cherif R., Hasanov F. The Leap of the Tiger: Escaping the Middle-income Trap to the Technological Frontier. *Global Policy*, 2019, vol. 7, pp. 1–15. doi: 10.1111/1758-5899.12695.
10. Eichengreen B., Park D., Shin K. Growth slowdowns redux. *Japan and the World Economy*, 2014, vol. 32, pp. 65–84.
11. Eichengreen B., Park D., Shin K. The landscape of economic growth: do middle-income countries differ? *Emerging Markets Finance and Trade*, 2018, vol. 54, iss. 4, pp. 836–858. doi: 10.1080/1540496x.2017.1421939.
12. Felipe J., Abdon A., Kumar U. Tracking the middle-income trap: what is it, who is in it, and why? *The Levy Economics Institute WP*, 2012, vol. 715, pp. 1–60.
13. Felipe J., Kumar U., Galope R. *Middle-income transitions: trap or myth?* Manila : Asian Development Bank (ADB), 2014. (ADBEconomics Working Paper Series; no. 421). Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/149903/ewp-421.pdf> (accessed 10 December 2019).

14. Aiyar S., Duval R., Puy D., Wu Y., Zhang L. Growth slowdowns and the middle-income trap. *Japan and the World Economy*, 2018, vol. 48, pp. 22–37. doi: 10.1016/j.japwor.2018.07.001.
15. Hartwell Ch. Old wine and new bottles: A critical appraisal of the middle-income trap in BRICS countries. *Russian Journal of Economics*, 2018, vol. 4, pp. 133–154. doi: 10.3897/j.ruje.4.27726.
16. Im F., Rosenblat D. Middle-income traps: a conceptual and empirical survey. *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, 2015, vol. 6, iss. 3, pp. 1–39.
17. Lin J.Y. Industrial policies for avoiding the middle-income trap: a new structural economics perspective. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 2017, vol. 15, iss. 1, pp. 5–18. doi: 10.1080/14765284.2017.1287539.
18. Martin R., Munyan T., Wilson B.A. Potential output and recessions: are we fooling ourselves? *International Finance Discussion Papers 1145*. Available at: <http://dx.doi.org/10.17016/IFDP.2015.1145> (accessed 11.10.2019).
19. Myant M. Dependent capitalism and the middle-income trap in Europe na East Central. *International Journal of Management and Economics*, 2018, vol. 54, iss. 4, pp. 291–303. doi: <https://DOI.org/10.2478/ijme-2018-0028>.
20. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1956, vol. 70, iss. 1, pp. 65–94.
21. The World Bank Country and Lending Groups. Available at: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (accessed 19 July 2019).
22. The World Bank. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (accessed 16 August 2019).
23. Ye L., Robertson P. On the existence of a middle-income trap. *Economic record*, 2016, vol. 92, iss. 297, pp. 173–189. doi: <https://doi.org/10.1111/1475-4932.12245>.
24. Yusuf S. Middle-income countries: trapped or merely slowing? *Asian-Pacific economic literature*, 2017, vol. 31, iss. 2, pp. 19–29. doi: 10.1111/apel.12190.

УДК 331.5:001.891.54(571.63)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/76-86

А. С. Лосев¹

Дальневосточное отделение РАН, г. Владивосток, Россия

E-mail: A. S. Losev@yandex.ru

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ,
БЕЗРАБОТНЫХ И ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ**

Аннотация. В статье строится математическая модель динамики численности занятых, безработных, обучающихся по программам специального среднего образования и высшего образования на территории Приморского края. Полученная модель используется при анализе сложившейся негативной миграционной ситуации, когда в условиях повышенного внимания со стороны государства к Дальнему Востоку и принятия целого ряда распоряжений и постановлений федерального уровня, нацеленных на создание благоприятных условий его социально-экономического развития, наблюдается стабильный отток экономически активного населения. Определено приоритетное направление межгруппового передвижения населения края, выявлены группы, через которые происходит отток и приток населения в регион. Выдвинута гипотеза о том, что в Приморском крае наравне с отрицательной миграцией идёт замещение высококвалифицированных кадров на низкоквалифицированные, которая подтверждается в результате разработки индивидуальных стратегий приоритетного передвижения представителя каждой из рассмотренных групп, где целью является получение рабочего места или миграция из региона в случае её отсутствия. В ходе анализа полученного результата в качестве основной причины сложившейся ситуации рассмотрена проблема отсутствия в регионе вузов, удовлетворяющих потребность действующих и вновь создаваемых промышленных предприятий в квалифицированных кадрах. Предложено решение сложившейся проблемы, основанное на увеличении числа региональных вузов, ориентированных на удовлетворение данной потребности градообразующих предприятий.

Ключевые слова: математическая модель, безработные, обучающиеся, занятые, Приморский край, миграция, замещение высококвалифицированных кадров на низкоквалифицированные, социальные связи.

¹ Александр Сергеевич Лосев, кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник Института прикладной математики ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Лосев А.С. Моделирование динамики численности занятых, безработных и обучающихся Приморского края // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 76–86.

© Лосев А. С., 2019

Alexandr S. Losev¹

Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

E-mail: A.S.Losev@yandex.ru

MODELLING THE DYNAMICS OF THE NUMBER OF EMPLOYED, UNEMPLOYED AND STUDENTS OF PRIMORSKY KRAI

Abstract. The article constructs the mathematical model of the dynamics of the employed, the unemployed and students of the programs of vocational secondary education and higher education in the territory of Primorsky Krai. The obtained model is used in the analysis of the negative migration situation when in the conditions of special attention from the state to the Far East and adoption of a number of federal orders and resolutions aimed at creating favorable conditions of its social and economic development, a stable outflow of economically active population is observed. The priority direction of intergroup population movement of the region is defined; the groups through which there is an outflow and inflow of the population to the region are revealed. The hypothesis has been suggested that in Primorsky Krai a negative migration is combined with the replacement of highly qualified personnel with low-skilled employees; this hypothesis is confirmed by the development of individual strategy of priority movement of the representative of each group where the purpose for receiving a workplace or migration from the region in case of its absence. Analysis of the obtained results has shown that the absence of higher education institutions satisfying requirement of the operating and newly established industrial enterprises for qualified personnel is the main reason for the current situation. The problem can be solved by increasing the number of the regional higher education institutions focused on satisfaction of this requirement of the city-forming enterprises.

Key words: mathematical model, unemployed, students, employed, Primorsky Krai, migration, replacement of highly qualified personnel with low-skilled employees, social connections.

Стремительное развитие информационных технологий и их внедрение в производственные процессы требуют от современного работника соответствующего уровня подготовки, который зачастую возможен только в результате получения среднего специального или высшего образования. С другой стороны, разработка

¹Alexandr S. Losev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher at the Institute for Applied Mathematics FEB RAS, Vladivostok, Russia.

For citing: Losev, A. S. Modeling the dynamics of the number of employed, unemployed and students of Primorsky Krai // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 76–86.

таких образовательных программ и их реализация требуют времени. Помимо этого, в учебном учреждении должны быть соответствующие условия и материально-техническая база, что требует финансовых затрат. Поэтому современная система образования зачастую не успевает выпускать специалистов с нужным набором компетенций, так как сама подготовка тоже требует времени, в среднем четыре года. Отсюда, возникает высокий дефицит кадров в производственной сфере, требующей знания современного оборудования, что в целом негативно отражается на модернизации промышленного производства в стране и переходе к цифровой экономике.

В результате можно предположить, что залогом социально-экономического процветания того или иного региона становится не просто наличие градообразующего предприятия, но и учебных учреждений, которые поставляют квалифицированных работников и напрямую влияют на уровень модернизации этого предприятия. Подтверждением служит общий рост в стране образовательных учреждений высшего и среднего специального образования в период с 2000 г. по 2017 г. который, по данным Федеральной службы государственной статистики, в отношении высшего образования составил с 965 до 1 658 и среднего специального – с 2 684 до 3 612. Следовательно, одним из основных условий привлечения молодых специалистов в регионы является не только наличие рабочих мест и развитой социально-инфраструктуры, но и высшие учебные заведения, которые позволяют жить и работать в ногу со временем, формируя компетенции и навыки работы на современном оборудовании.

Особенно остро данная проблема наблюдается на территории Дальневосточного федерального округа, где происходит стабильный отток населения в центральные регионы страны. Со стороны государства принят ряд мер, направленных на перелом данной тенденции, особенно в условиях развития международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В частности, инициированы и запущены различные промышленные проекты, нацеленные на поднятие общих экономических показателей региона, а именно, добыча углеводородов (Сахалинский шельф), экспорт электроэнергии в Китай (Приморский край), нефтепровод «Сибирь – Тихий океан» и т.п. В рамках повышения социально-экономических показателей подписан ряд распоряжений и разработаны соответствующие стратегии [1], [3–8], нацеленные на создание благоприятной бизнес среды и повышение уровня благосостояния населения.

Однако общая тенденция остаётся без изменения, и количество жителей Дальнего Востока уменьшается каждый год в среднем на 10 000 человек в год. Соответственно возникает предположение о том, что повышение социально-экономических показателей региона за счёт развития отдельных направлений промышленного производства и создания новых рабочих мест является необходимым, но не достаточным условием остановки миграции населения из региона.

В настоящей работе рассматривается математическая модель динамики численности занятых, безработных, обучающихся по программе среднего специально-

го образования и по программе высшего образования на территории Приморского края, Дальнего Востока. Предпринимается попытка определить основные направления передвижения населения между рассматриваемыми группами и выявить группы, наиболее подверженные миграции. Проводится анализ стратегий передвижения людей между выделенными группами. Установлены причины повышенной миграции экономически активного и высококвалифицированного населения из Приморского края, предложены соответствующие пути решения.

По аналогии с математической моделью, разработанной в работе [9], составим модель динамики численности занятых, безработных, обучающихся по программе специального среднего образования и по программе высшего образования, которая имеет следующий вид:

$$\begin{cases} \dot{x} = b_0 + (k_0 + a_{01}y + a_{02}z + a_{03}v)x, \\ \dot{y} = b_1 + (k_1 + a_{10}x + a_{12}z + a_{13}v)y, \\ \dot{z} = b_2 + (k_2 + a_{20}x + a_{21}y + a_{23}v)z, \\ \dot{v} = b_3 + (k_3 + a_{30}x + a_{31}y + a_{32}z)v, \end{cases} \quad (1)$$

где x – численность безработных (Безработные) и скорость её изменения \dot{x} ; y – среднегодовая численность занятых в экономике (Занятые) и скорость её изменения \dot{y} ; z – численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена (Студенты СО), и скорость её изменения \dot{z} ; v – численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (Студенты ВО), и скорость её изменения \dot{v} . Коэффициенты модели (1) имеют следующую интерпретацию: $a_{ij}, i \neq j, i, j = 0, 1, 2, 3$ – характеризуют парные взаимодействия видов x, y, z, v , отражая направление потоков человеческого ресурса и их перераспределение между группами; $k_i, i = 0, 1, 2, 3$ – характеризуют обобщённую скорость изменения соответствующей группы населения; $b_i, i = 0, 1, 2, 3$ – характеризуют обобщённую скорость миграции соответствующей группы населения (рис. 1).

На основе данных Федеральной службы государственной статистики за 1995–2017 гг. о численности занятых, безработных, обучающихся по программе специального среднего образования и по программе высшего образования по Приморскому краю [9], определим коэффициенты модели (1). Поиск осуществляется методом наименьших квадратов, в программе Wolfram Mathematica, в результате минимизации следующей функции:

$$S(u) = \sum_{i=1}^n (x(t_i) - x(t_i, u))^2 + \sum_{i=1}^n (y(t_i) - y(t_i, u))^2 + \sum_{i=1}^n (z(t_i) - z(t_i, u))^2 + \sum_{i=1}^n (v(t_i) - v(t_i, u))^2 \rightarrow \min,$$

здесь $u = b_0, b_1, b_2, k_0, k_1, k_2, k_3, a_{01}, a_{02}, a_{03}, a_{10}, a_{12}, a_{13}, a_{20}, a_{21}, a_{23}, a_{30}, a_{31}, a_{32}$ – вектор искомых коэффициентов системы (1); $x(t_i), y(t_i), z(t_i), v(t_i)$ – фактические значения соответственных x, y, z, v в момент времени t_i ; $x(t_i, u), y(t_i, u), z(t_i, u), v(t_i, u)$ – решение системы (1) в момент времени t_i при подстановке коэффициентов из вектора u .

В результате, получена система следующего вида:

$$\begin{cases} \dot{x} = -0.262135 + (0.000258 + 0.001070y - 0.026836z - 0.001805v)x, \\ \dot{y} = 519.386 + (-0.664091 - 0.000134x + 0.003074z + 0.000463v)y, \\ \dot{z} = 7.00000 + (-0.008733 - 0.000393x - 0.000015y - 0.001640v)z, \\ \dot{v} = -11.8773 + (-0.255253 + 0.004527x - 0.000023y - 0.000136z)v. \end{cases} \quad (2)$$

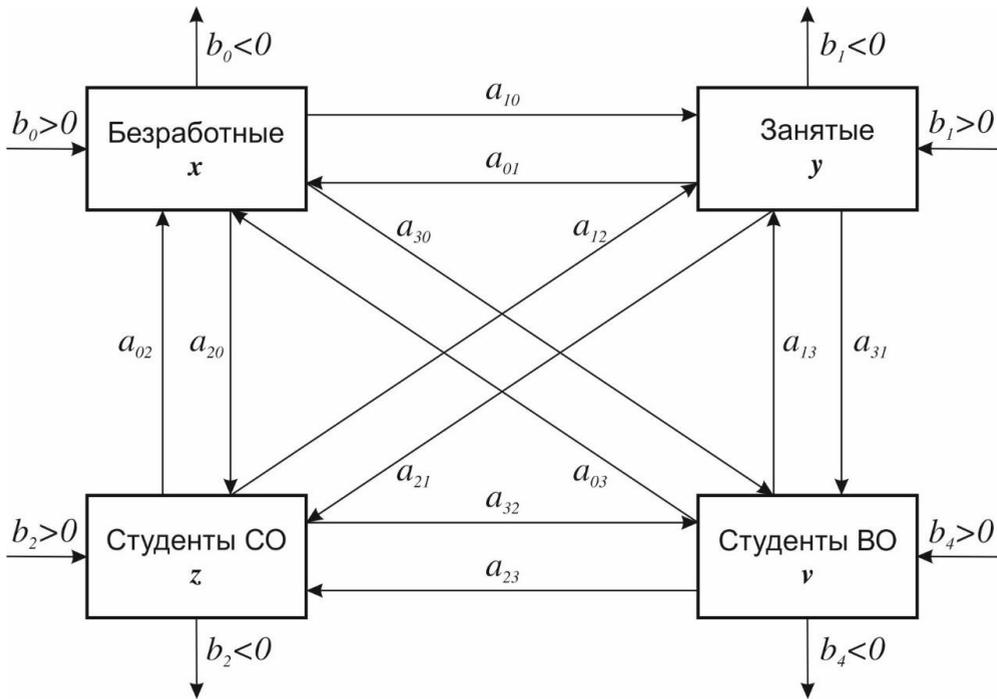

Рис. 1. Общая схема модели

Полученная модель будет использована в анализе сложившейся ситуации, без прогнозирования, поэтому для оценки её качества достаточно определить уровень средней ошибки аппроксимации каждой переменной, по следующей формуле:

$$A = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left| \frac{w_i - \tilde{w}_i}{w_i} \right| \cdot 100\%,$$

здесь w_i, \tilde{w}_i соответствуют значениям $x(t_i), x(t_i, u)$ или $y(t_i), y(t_i, u)$ или $z(t_i), z(t_i, u)$ или $v(t_i), v(t_i, u)$ при вычислении показателя соответствующей переменной x, y, z, v [2].

В результате, качество полученной модели подтверждается низким уровнем средней ошибки аппроксимации 0.49% в случае группы Занятые и допустимыми значениями 8.7%, 9,8%, 5.68% в группах Безработные, Студенты СО и Студенты ВО соответственно.

Попарное сравнение коэффициентов a_{ij} и a_{ji} , характеризующих направление потоков человеческого ресурса между группами, позволяет выявить основные направления передвижения населения и установить, за счёт каких групп происходит миграция из региона и наоборот (рис. 2). А именно, миграция из региона происходит преимущественно за счёт безработных, а также студентов и выпускников высших образовательных учреждений. Следовательно, покидает регион в основном экономически активное население, представители которого либо потеряли работу, либо ещё не нашли. Пополнение региона происходит через обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена и свободные рабочие места. Анализ межгруппового передвижения в рамках региона показывает, что в регионе высокий спрос на рабочие специальности, так как присутствует передвижение из группы Студенты ВО в группу Студенты СО, хотя оно не является приоритетным или массовым.

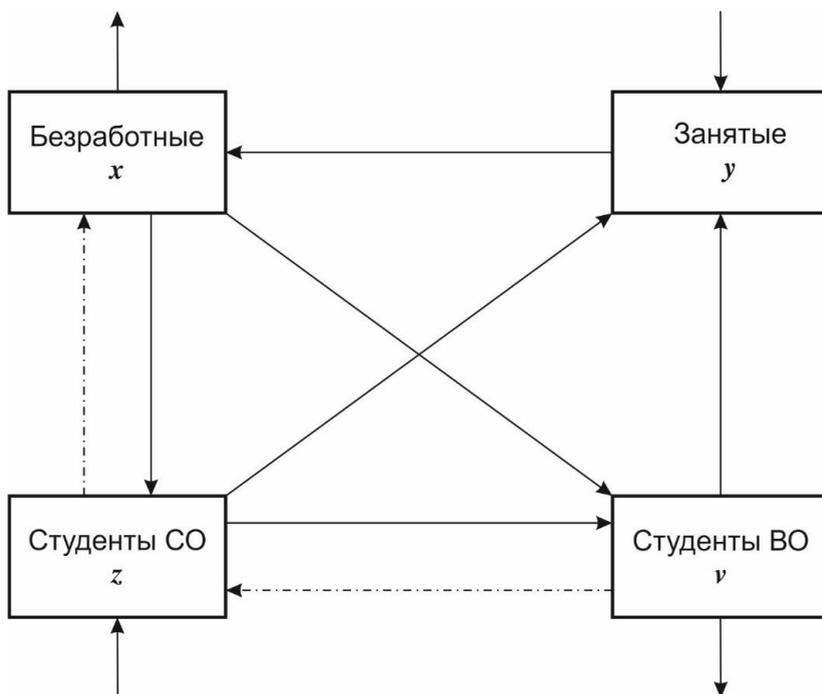

Рис. 2. Схематическое представление приоритетного (сплошная линия) и не приоритетного (пунктирная линия) передвижения между группами

Таким образом, помимо общей миграции экономически активного населения из региона происходит смена высококвалифицированных кадров на неквалифицированные. Данное предположение подтверждается, если аналогичным образом рассмотреть возможные стратегии передвижения отдельно взятого представителя каждой группы по приоритетным направлениям. На рис. 3 изображены схемы соответствующего межгруппового передвижения, где начальное положение отмечено двойным прямоугольником.

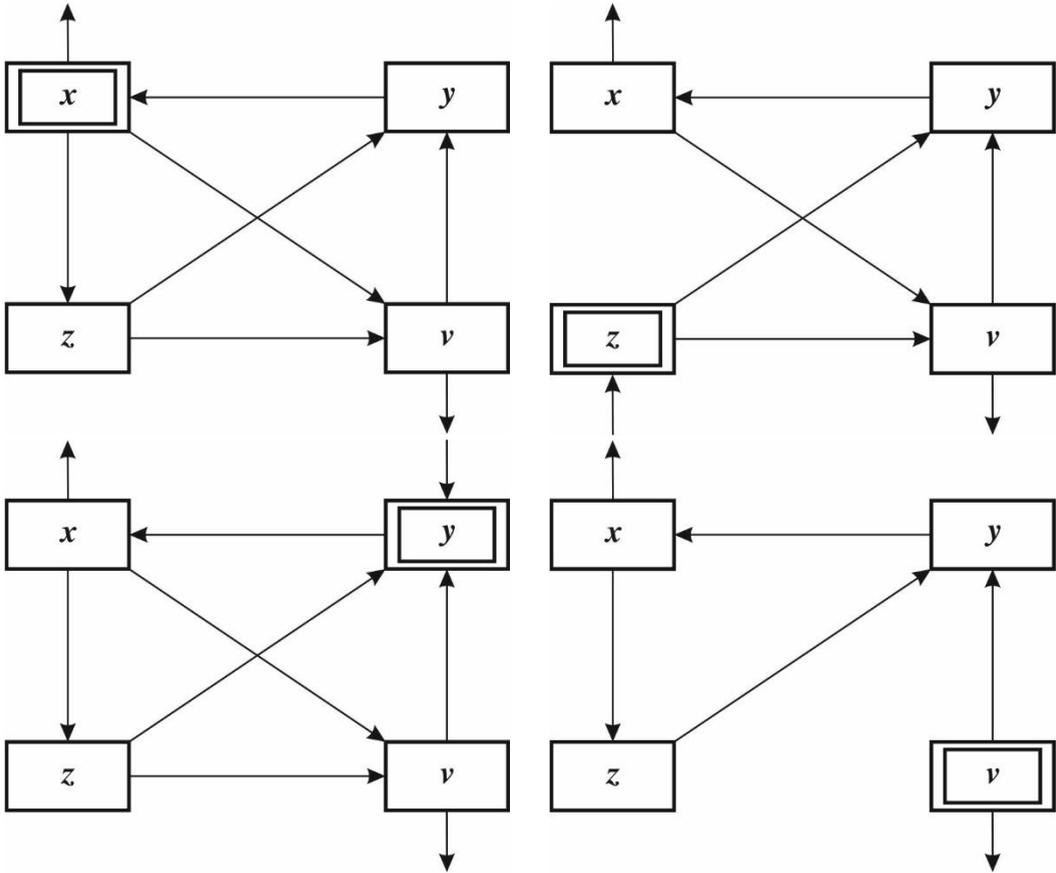

Рис. 3. Схема приоритетных передвижений отдельно взятого представителя каждой группы

На основе данного представления составим перечень стратегий приоритетного передвижения представителя каждой группы (таб. 1), окончанием стратегии будем считать попадание человека в группу занятые (y) или миграцию из региона (M).

**Перечень стратегий приоритетного передвижения
представителя каждой группы¹**

№	Безработные x	Занятые y	Студенты СО z	Студенты ВО v
1	$M;$	$M;$	$y;$	$M;$
2	$z \rightarrow y;$	$x \rightarrow M;$	$v \rightarrow M;$	$y;$
3	$v \rightarrow y;$	$z \rightarrow y;$	$v \rightarrow y;$	$y \rightarrow x \rightarrow M;$
4	$v \rightarrow M;$	$v \rightarrow y;$	$y \rightarrow x \rightarrow M;$	$y \rightarrow x \rightarrow z \rightarrow y;$
5	$z \rightarrow v \rightarrow y;$	$v \rightarrow M;$	$v \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M;$	$y \rightarrow x \rightarrow z \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M.$
6	$z \rightarrow v \rightarrow M;$	$z \rightarrow v \rightarrow y;$	$y \rightarrow x \rightarrow v \rightarrow M;$	
7	$v \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M;$	$z \rightarrow v \rightarrow M;$	$y \rightarrow x \rightarrow v \rightarrow y;$	
8	$z \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M;$	$v \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M;$	$y \rightarrow x \rightarrow v \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M.$	
9	$z \rightarrow v \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M.$	$z \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M;$		
10		$z \rightarrow v \rightarrow y \rightarrow x \rightarrow M.$		

В результате получается, что в среднем из региона мигрируют: Безработные – 67%, из них половина с образованием; занятые – 70%, из них 43% с образованием и 57% после потери работы; студенты СО – 62,5%, из них 80% после получения высшего образования, в результате потери работы или её отсутствия; студенты ВО – 60%, из них 67% после потери работы. Получается, что не менее 50 % населения, покидающего регион, являются люди с высшим образованием, т.е. происходит понижение общего уровня образованности, что естественным образом негативно отражается на развитии региона и способствует повышению криминогенной обстановки.

Одной из возможных причин сложившейся ситуации является несоответствие запроса со стороны работодателя и выпускника системы высшего образования. А именно – отсутствие тесной связи и взаимодействия в подготовке будущей квалифицированной рабочей силы. Как результат, число головных вузов на территории Приморского края за последние 20 лет уменьшилось почти в 2 раза, в то время как число предприятий и организаций увеличилось с 41 144 до 70 816 единиц. В то же время число средних специальных учебных учреждений увеличилось почти в два раза – с 36 до 58, демонстрируя соответствующий спрос со стороны работодателя и актуальность знаний, навыков и компетенций, которые получает выпускник.

Следовательно, наравне с действующими благоприятными условиями для абитуриента, которые позволяют ему поступать в любой вуз страны на основе результатов единого государственного экзамена, необходимо создавать ведущие вузы в регионах, которые будут ориентировать выпускников на предприятия регионов, восполняя их потребность в высококвалифицированных, зачастую узконаправлен-

¹ Рассчитано по рисунку 3.

ных кадрах. К примеру, в Приморском крае, помимо базовых направлений здравоохранение, образование, министерство внутренних дел и т.д., эту функцию выполняют Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского, Владивостокский филиал Российской таможенной академии и Дальневосточный государственный университет путей сообщения. Выпускники перечисленных вузов имеют высокий спрос на рынке труда в силу географических особенностей региона, которые включают удалённость от центра (высокая протяжённость путей сообщения), выход в бассейн Тихого океана (морское сообщение), граница со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Северная Корея, Япония). Но любые другие промышленные проекты и начинания основаны на привлечении рабочей силы со стороны, например, космодрома «Восточный», что естественным образом негативно отражается на миграционной составляющей в регионе и дальнейшей судьбе новых предприятий в плане их обслуживания и развития.

В заключение необходимо отметить, что, независимо от уровня развития информационных технологий и их степени участия в производстве, человеческий потенциал является определяющим. Поэтому в целях повышения конкурентоспособности высококвалифицированных работников в регионах необходимо наличие тесной связи между градообразующими предприятиями и образовательными учреждениями, особенно в системе высшего образования. Её наличие существенно снижает отток квалифицированных кадров, способствуя удовлетворению их профессиональных амбиций, и позитивно скажется на развитии регионов в целом.

Список литературы

1. О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года : закон Приморского края от 20 октября 2008 г. № 324-КЗ : с изменениями на 2 февраля 2016 г. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/494219477> (дата обращения: 11.09.2019).
2. Кремер, Н. Ш. Эконометрика / Н. Ш. Кремер, Б. А. Путко. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 311 с.
3. О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока : постановление Правительства РФ от 30 июня 2012 г. № 664. – URL: <https://base.garant.ru/70196982> (дата обращения: 11.09.2019).
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 : ред. от 31 августа 2018 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162190 (дата обращения: 18.07.2019).
5. Об утверждении Плана информатизации Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока на 2019 финансовый год и плановый период

2020 и 2021 гг. : приказ Минвостокразвития России от 25 февраля 2019 г. № 29. – URL: <http://ppt.ru/docs/prikaz/minvostokrazvitiya/n-29-212261> (дата обращения: 18.07.2019).

6. Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р : с изменениями на 8 августа 2009 г. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902130343> (дата обращения: 18.07.2019).

7. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473. – URL: <http://base.garant.ru/70831204> (дата обращения: 18.07.2019).

8. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 11.09.2019).

9. Хавинсон, М. Ю. Моделирование динамики численности занятых, безработных и экономически неактивного населения в регионе с учётом социальных связей // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Экономика и Управление. – 2016. – № 4. – С. 178–188.

References

1. *On the strategy of socio-economic development of the Primorsky Territory until 2025: Law of the Primorsky Territory of October 20, 2008 No. 324-KZ: as amended on February 2, 2016.* Available at: <http://docs.cntd.ru/document/494219477> (accessed 09 November 2019). (In Russian).

2. Kremer N.S., Putko B.A. *Ekonometrika* [Econometrics]. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2005. 311 p.

3. *On the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East: Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 2012 No. 664.* Available at: <https://base.garant.ru/70196982> (accessed 11 November 2019). (In Russian).

4. *On approval of the state program of the Russian Federation «Socio-economic development of the Far East and the Baikal region»: Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 308: ed. dated August 31, 2018.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162190 (accessed 18 July 2019). (In Russian).

5. *On approval of the Informatization Plan of the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East for the 2019 financial year and the planning period 2020 and 2021: Order of the Ministry for the Development and Development of Russia of February 25, 2019 No. 29.* Available at: <http://ppt.ru/docs/prikaz/minvostokrazvitiya/n-29-212261> (accessed 18 June 2019). (In Russian).

6. *On approval of the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020: Decree of the Government of the Russian Fed-*

eration of November 17, 2008 No. 1662-р: as amended on August 8, 2009. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902130343> (accessed 18 July 2019). (In Russian).

7. *On territories of advanced social and economic development in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2014 No. 473*. Available at: <http://base.garant.ru/70831204> (accessed 18 July 2019). (In Russian).

8. *Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 11 September 2019). (In Russian).

9. Khavinson M.Yu. Modelirovanie dinamiki chislennosti zanyatykh, bezrobotnykh i ekonomicheski neaktivnogo naseleniya v regione s uchetom sotsial'nykh svyazei [Modeling the dynamics of the number of employed, unemployed and economically inactive population in the region, taking into account social ties]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i Upravlenie* [Bulletin of Voronezh State University. Ser. Economics and Management], 2016, no. 4, pp. 178–188.

ПОЛИТИКА POLICY

УДК 343.1(470+510)(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/87-100

Т. А. Шебзухова¹

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск, Россия

E-mail: priem@pfil.ncstu.ru

А. В. Понеделков²

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

А. Ю. Мамычев³

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: mamychev@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ: ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ*

Аннотация. Профессиональная компетенция является одной из центральных тем современной политической элитологии. Именно падение профессиональной компетентности правящих элит становится одной из самых обсуждаемых научных

¹ Татьяна Александровна Шебзухова – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, директор Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск, Россия.

² Александр Васильевич Понеделков – заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия.

³ Алексей Юрьевич Мамычев – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Шебзухова Т. А., Понеделков А. В., Мамычев А. Ю. Профессиональные компетенции политических элит: традиционные и современные тренды // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 87–100.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Национально-культурные и цифровые доминанты развития политических отношений в XXI веке» № 19-011-31031.

тем последних двух десятилетий. В статье речь идёт, прежде всего, о компетенции политических правящих элит. Традиционно экспертами констатируется факт нарушения принципов открытости селекции элит и проблем, связанных с получением качественного профессионального образования. Отмечается, что элитами традиционно используются проверенные (традиционные) методы управления, в которые редко допускаются инновации. Использование подобных устаревших методик приводит к частому сбою в системе управления, которая всё чаще оказывается под жёсткой критикой оппонентов и оппозиционных сил. В работе систематизируются и анализируются также инновационные тренды, связанные с развитием цифровых форм политической коммуникации, с цифровой трансформацией самих политических отношений. Кроме того, в работе отдельно рассматриваются трансформация традиционных форм критики и «обвинения» в некомпетентности, которые являются главными аргументом в борьбе элит за власть. В современных реалиях они трансформируются в разнообразные формы фальсификации, распространения фейковых новостей, виртуализированных событий и проч. В работе на примере анализа мемуарной литературы даны характеристика состояния современного политикума, его наиболее конфликтные стороны, влияющие на происходящие в мире политические события. Что собой представляет этот процесс и каковы его причины, как сами элиты оценивают свой профессиональный потенциал и способности и как они на самом деле решают поставленные перед ними проблемы – на все эти и многие другие вопросы как раз и пытается ответить сумма экспертных оценок.

Ключевые слова: политические элиты, профессиональная компетенция, образование, критика, мемуары, фейк, достоверное, власть, государство, политикум, конфликт интересов, экспертная оценка.

T. A. Shebzukhova¹

Institute of service, tourism and design (branch) of the North Caucasus Federal University, Pyatigorsk, Russia
E-mail: priem@pfil.ncstu.ru

A. V. Ponedelkov²

South Russian Institute of management – branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

A. Yu. Mamychev³

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: mamychev@yandex.ru

**PROFESSIONAL COMPETENCIES OF POLITICAL ELITES:
TRADITIONAL AND MODERN TRENDS**

Annotation. Professional competence is one of the Central themes of modern political elitology. It is the decline of the professional competence of the ruling elites that has become one of the most discussed scientific topics of the last two decades. The article deals primarily with the competence of the political ruling elites. Traditionally, experts state the fact of violation of the principles of openness of elite selection and problems associated with obtaining high-quality professional education. It is noted that the elites traditionally use proven (traditional) management methods, which rarely allow innovation. The use of such outdated methods leads to frequent failures in the management system, which is increasingly under severe criticism of opponents and opposition forces. The paper also systematizes and analyzes innovative trends associated with the development of digital forms of political communication, with the digital transformation of political relations themselves. In addition, the paper separately examines the transformation of traditional forms of criticism and "accusations" of incompetence, which are the main argument in the struggle of elites for power. In modern realities, they are transformed into various forms of falsifica-

¹Tatyana A. Shebzukhova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Director of the Institute of Service, Tourism and Design (Branch) of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk, Russia.

²Alexander V. Ponedelkov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the South Russian Institute of Management-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia.

³Alexey Yu. Mamychev – Doctor of Political Sciences, PhD of Legal Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
For citing: Shebzukhova T. A., Ponedelkov A. V., Mamychev A. Yu. Professional competencies of political elites: traditional and modern trends // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 87-100.

tion, distribution of fake news, virtualized events, etc. In the work on the example of the analysis of memoir literature the characteristic of a condition of modern politicum, its most conflicting parties influencing the political events occurring in the world is given. What is this process and what are its causes, how do the elites assess their professional potential and abilities and how they actually solve the problems posed to them, all this and many other questions just trying to answer the sum of expert assessments.

Keyword: political elites, professional competence, education, criticism, memoirs, fake, authentic, power, state, politicum, conflict of interest, expert evaluation.

Введение в проблематику. Политические элиты всегда играли ведущую роль в общественно-политических процессах, и от качества их профессиональной подготовки зависели качество принимаемых стратегических решений, успех или неудача проводимой на практике политики, основы безопасности и перспективы процветания или риски упадка и деградации. Экспертная оценка профессиональной компетенции современных политических элит представляет собой сложный многоуровневый процесс анализа различных мнений и суждений специалистов, анализирующих текущую ситуацию по данному вопросу. Разобраться в столь сложном сплетении различных теоретических позиций и различных подходов можно лишь только выделив наиболее значимые на сегодняшний момент тенденции, определив их доминирующий вектор развития [1].

В настоящее время такими ключевыми темами являются проблемы глобализма, генезиса постиндустриализма, влияния на мировоззрение идей постмодернизма, трансформация монополярного мира и др.

Методологическая основа исследования. *Объектом* исследования является профессиональная компетенция современных политических элит, а в качестве *предмета* выступает экспертная оценка профессионального качества элит. Перед настоящей работой стоит *задача* установить наиболее характерные оценки перспектив и качества развития современных политических элит, насколько они оказываются способными объективно ответить на вызов своего времени. В качестве *методологической базы* работы будут выступать выбранные нами три базовых метода – диалектика, герменевтика и компаративистика, сумма которых позволят объективно оценивать результаты выводов экспертного сообщества.

Политические элиты под прицелом внешней критики. Экспертиза всегда представляет собой проверку качества, подтверждающую или опровергающую статус исследуемого объекта. Без подобной аксиологической оценки бывает сложно установить истинный характер правящих групп, традиционно (в силу своего статуса) относящихся к элитам. Именно для диагностики правящих элит и существует

экспертная оценка, позволяющая своевременно установить наличие проблемы и выработать оптимальные предложения по ликвидации негативных тенденций [32].

Для современных элит характерно клиповое постмодернистское сознание, которое обеспечивает господство калейдоскопа фейков. Скорость текущих событий такова, что не предусматривает их верификации. Исследователи отмечают существующий в элитарном сообществе мировоззренческий раскол на сторонников и противников глобализации (N.A. Berdyayev, J. Lacroix, J. Ortega y Gasset), на приверженцев олигархических и меритократических традиций (R. Dahrendorf, Ch. Lasch), на тех, кто успел подстроиться к реалиям постиндустриализма и тех, кто по-прежнему придерживается ценностей уходящей индустриальной эпохи (M. Young, D. Bell, A. Toffler). При этом всё больше становится очевидным, что классические теории элит (G. Mosca, V. Pareto, R. Michels) уже устарели и нуждаются в значительной реконструкции, поскольку уже не объясняют нам природу современных элитных сообществ.

Аналитики обращают внимание на то, что в последние десятилетия профессиональная компетенция и ответственность политических элит неуклонно снижается, что даёт устойчивый рост недоверия к власти со стороны гражданского общества [16]. Проблема кроется в формализации процесса селекции элит и, в частности, в том, что ведущие (элитарные) западные вузы всё чаще воспроизводят «серость» из состоятельных семейств, которые относятся к политическому классу [13]. Именно из этого низкого качества «продукта» и получают элитные сообщества. Именно вследствие крайне низкого профессионального уровня такие элиты предпочитают манипулировать общественным сознанием и создавать бесчисленные фейки. Ложь стала практикой властных структур, которые уже оказываются не в состоянии отличить, где достоверность, а где фейк. Об этом в своё время писал германский публицист Удо Ульфкотте (Udo Ulfkotte, 1960–2017), утверждавший, что «свобода слова» на Западе контролируется спецслужбами США [26]. Он прямо обвинял западные СМИ в том, что они находятся на содержании у Вашингтона, который заказывает нужный ему материал.

Есть мнение, что существующий ныне кризис политических элит вызван сменой исторических эпох – позднего индустриализма на ранний постиндустриализм. Элиты просто не успели (или не смогли) своевременно перестроиться и адаптироваться к новым условиям, поэтому и используют устаревшие технологии управления, которые и приводят их к столь частным ошибкам и тупикам [15].

При этом некоторые авторы обращают внимание на непомерные амбиции (явные или приписанные им) некоторых представителей правящей элиты. Власть кружит голову многим начинающим политикам, что нередко приводит к стремительному закату их политической карьеры [29]. Налицо назревший конфликт между элитностью (личными заслугами) и элитарностью (наследственными привилегия-

ми), которыми элиты олигархического типа весьма часто злоупотребляют. Причем конфликт элитности и элитарности начинается ещё в стенах престижных университетов, где отпрыски из благородных семейств получают первые навыки своей будущей элитарной социализации [14].

Рассматривая особенности современного политикума, эксперты отмечают сохранение в политической культуре западных элит роли корпоративной традиции, идущей ещё со времен обучения в престижном колледже и элитарном университете. Причём это отнюдь не демократические, а сугубо олигархические традиции, которые выставляются и преподносятся в качестве меритократической тенденции. Американский социолог Christopher Hayes прямо критикует элитарные вузы США в поддержке и культивировании этих консервативных традиций [10].

Весьма примечательно: то, что критика пишет о западных элитах ныне, буквально каких-то 20–30 лет назад писалось и говорилось о российских элитах времён правления Б. Н. Ельцина. Российские элиты того времени характеризовались как некомпетентные, непрофессиональные, погрязшие во внутренних бюрократических дрязгах и криминале, подконтрольные олигархам и оторванные от интересов народа [25]. Позже (уже в 2000-е гг.) неоконсы пытались представить природу российской власти как особую разновидность клептократии, потому что воровство якобы стало нормой профессиональных практик высших российских чиновников [17].

Дело даже доходило до прямых обвинений и оскорблений. Так, в 2013 г. американский конгрессмен и русофоб Джон Маккейн (John McCain, 1936–2018) заявил, что В.В. Путин правит Россией с помощью «коррупции, репрессий и насилия». После этого не удивительно, что некоторые западные журналисты при каждом удобном случае называли российского лидера «бандитом». Проверить это утверждение решил бывший старший сотрудник АНБ и ФБР Джереми Израэль (Jerome Israel), который пришёл к неутешительному для американской элиты выводу – американское законодательство и поведение правящего класса США должны открыть американцам глаза на то, что все претензии к России – не более, чем лицемерие [12]. Американский воинствующий истеблишмент приписал России свои собственные пороки и страхи, тем самым создав себе искусственного врага, с которым и начал всеми силами активно бороться.

Ещё более яростную критику политических элит Запада мы находим в работах известного американского экономиста и политического аналитика Paul Craig Roberts, который одним из первых назвал Вашингтон «болотом», местом сборища политического ничтожества [20]. Этот автор вообще не стесняется выражений, характеризуя элиты как собрание лиц весьма сомнительных репутаций и умственных способностей. Однако его критические замечания правящей политической элитой Америки совершенно игнорируются, а сам автор считается не заслуживающим внимание маргиналом.

«Досье» на политика чаще всего представляет собой собранный компрометирующий его материал, в котором отражается весь политик в его ненормативной деятельности (теневые финансовые операции, закулисные переговоры и т.д.). Поэтому для того, чтобы отвести от себя обвинения в коррупции, американский истеблишмент нарочито заостряет внимание на «махровой коррупции» своих главных политических оппонентов. В настоящее время таким «громоотводом» для американской элиты является Кремль. «Однако если вспомнить о некоторых наших законах и о том, как ведёт себя наш собственный политический класс, – замечает один из американских источников, – подобные заявления начинают выглядеть законченным лицемерием. Американским политикам стоило бы посмотреть на себя и вынуть бревно из собственного глаза» [12].

Аналитики констатируют, что в практике политических элит всё большее место занимают не публичные действия, а кулуарные договорённости, носящие антидемократический характер. «Стоит также обратить внимание на торговые соглашения, которые сейчас [2015 г.] рассматривает Конгресс, – замечает Д. Израэль. – Их детали по-прежнему засекречены. Американцы не знают, что содержится в этих документах, да и большинство конгрессменов их явно не читали – с ними можно ознакомиться только в специальном помещении на условиях неразглашения. Такая вот законодательная деятельность в советском стиле. Лучше только закулисные сделки, которые администрация с Обамой заключила с Ираном. Ленин бы порадовался» [12].

Именно непродуманные решения приводят к катастрофическим ошибкам, как, например, решение канцлера ФРГ А. Меркель привело к кризису 2015–2017 гг., связанному с неконтролируемым наплывом беженцев в Европу. Всё тот же Udo Ulfkotte указывал на то, что беженцы создают не только социальную напряжённость, но и провоцируют межкультурный конфликт на расово-этнической почве [27].

Внутриэлитная экспертиза. Под этим видом экспертизы мы подразумеваем оценку качества элиты со стороны представителей самой элиты. Как правило, подобного рода оценки носят критический в отношении своих оппонентов и апологетический в свой собственный адрес характер. В силу этого они не могут претендовать на объективную и непредвзятую оценку и нуждаются в постоянном компаративистском и герменевтическом анализе. Но как раз через анализ подобных работ эксперты могут выявить не только динамику развития политических процессов, но и психологию межличностных отношений в конкретном политикуме, а также и уровень политической культуры конкретных субъектов элит. Данная конкретизация высвечивает профессиональные особенности, наклонности и способности элит, пристрастия которых могут динамично меняться в зависимости от конкретной ситуации [28].

В последнее время политические элиты с большим успехом используют приём демонизации своих противников [12; 20]. Война фейков не ведаёт норм морали и выходит далеко за гносеологические границы дозволенного. В фейках можно нари-

совать какой угодно образ и самим свято в него уверовать. Демонизация противника принимает откровенно клеветнический характер, обвинения фабрикуются как в отношении конкретных персон, так и всей системы в целом. Им зачастую приписываются собственные пороки, а все обвинения приобретают характер пропагандистской шумихи [17].

Постоянные обвинения в некомпетентности звучат в адрес действующего президента США Д. Трампа. Критике (и порой безосновательной) подвергаются как сам Трамп, так и его ближайшее окружение [7; 30; 23]. Основанием для подобной огульной критики служит то, что Трамп разворошил «вашингтонское болото», нарушал все сложившиеся правила «игры истеблишмента в элиту», тем самым поставив под сомнение целесообразность существования самой американской политической системы, обслуживающей исключительно интересы транснациональных олигархических кланов.

Известно, что задолго до своего избрания на пост президента Д. Трамп активно критиковал правительства США (Дж. Буша младшего и Б. Обама) за их некомпетентность и то, что их политика ведёт США к краху их ведущей роли в мире [Crippled America, 2015]. Тот же самый набор аргументов, практически та же самая критика. У правящих элит Америки просто нет никакой другой аргументации, как обвинить своих политических противников в некомпетентности. Раскол элит приводит к блокировке их общей инициативы и снимает с них всякую ответственность.

Самое главное – политические элиты не могут признавать своих собственных ошибок. Они делают это лишь под давлением непреодолимых обстоятельств [3]. Свои «ключевые решения» политики принимают по не всегда ясным обстоятельствам, и даже составленные ими мемуары не всегда проясняют суть происходивших во время их правления событий [4]. Другие мемуары, напротив, с предельной ясностью показывают, какие серые личности управляли государством и сколь ничтожна была их роль в тех или иных событиях [11]. В целом следует признать, что мемуары для политиков – вещь весьма опасная, поскольку выдают их подлинный уровень образованности и профессиональной компетентности.

Взаимная критика находится порой на грани дозволенного и носит весьма резкий (нелицеприятный) характер. Так, в своей книге бывший госсекретарь США Х. Клинтон характеризует президента Д. Трампа как весьма посредственную личность, замеченную в преступных связях с Москвой [6]. В свою очередь, Д. Трамп объявил Х. Клинтон «худшим госсекретарём в истории страны» [31].

Министр обороны США (в 1975–1977 и 2001–2006 гг.) Д. Рамсфельд был обвинён в совершении военных преступлений в Ираке, но в своих мемуарах «Известное и неизвестное» доказывал, что все решения политической элиты президента Дж. Буша младшего (2001–2009 гг.) носят безупречно правильный характер [21]. Безнаказанность порождает в элитах чувство вседозволенности и безответственно-

сти. Элиты чувствуют себя оказавшимися не только по ту сторону правосудия, но и по ту сторону морали.

Воюют не только действующие, но и отставные политики, но уже на страницах своих мемуаров [2; 5; 18]. Ломают политические копья отставные дипломаты, министры, генералы и банкиры. Все добывают с боем своё позитивное место в истории, для чего не стесняются чернить своих политических недоброжелателей, тем самым усиливая элемент фальсификации в новейшей политической истории. Тема «фейк ньюс» стала одной из ключевых в системе их контрборьбы.

Через свои мемуары эксполитики VIP-уровня мстят действующим политикам, дискредитируя их имидж успешного деятеля, разоблачая миф об их высокой культуре и IQ способностях [22]. Такие акции рассматриваются действующими политиками как провокации, как элемент непубличной политики. Неудивительно, что именно подобные конфликтные ситуации влияют на происходящие в мире политические события, поскольку постоянно сотрясают корпоративное сознание конкретного политикума.

Политические элиты коллективного Запада уже привыкли к подобного рода скандалам и мало обращают на это внимания. Куда серьёзнее оказывается наметившийся в последние годы системный сбой в их профессиональной деятельности. Этот сбой уже привел их к серьёзным политическим ошибкам, исправлять которые они особо не спешат. Эксперты единодушны в общем диагнозе (то, что политические элиты находятся в растерянном состоянии и не имеют стратегического плана развития), но расходятся в анализе их ближайших задач (Ch. Lasch, P.L. Karabushenko, Paul Craig Roberts, I. Jerome). По мнению самих представителей власти, они контролируют ситуацию и общественности не о чем беспокоиться, особенно в отношении системы политического управления. И, несмотря на то, что их политикум переполнен фейковой информацией, а сами элиты всё больше погружаются в мир иллюзий, позитивные настроения правящих верхов всё больше напоминает парадные PR-акции, призванные успокоить не столько общественное настроение, сколько убаюкать самих себя. Нарисованная их пропагандами благостная картина политического мира может на время ввести обывателя в заблуждение. Западные эксперты уже начинают просыпаться и бить тревогу. И звучащая с их стороны критика правящих элит в последние годы становится всё более открытой и жёсткой. Мир явно вступает в эпоху кардинального пересмотра существующих ценностей и норм. И эта «революция смыслов» начинается именно с анализа правящих элитарных сообществ.

Выводы

Проведённая нами экспертиза оценок профессиональной компетенции современных политических элит позволяет утверждать, что мнение учёных, как и мнение публицистов, совпадает с мнением самих политических деятелей VIP-уровня,

которые утверждают о наметившемся кризисе в системе селекции и профессиональной деятельности элит. Критика обоснована и носит справедливый характер. Хуже всего то, что представители самой элиты отказываются в это верить, считая, что данный диагноз касается не их самих, а только (и при этом исключительно только) их политических противников. Упадок профессионализма политических элит экспертное сообщество видит в кризисе системы элитного образования, в том, что в ведущих западных университетах до сих пор действуют олигархические, а не меритократические принципы отбора высшего качества (Ch. Lasch, Ch. Hayes, Paul Craig Roberts).

Политические элиты используют имеющийся у них потенциал лишь наполовину. Официально они высоко оценивают свой профессиональный потенциал, а имеющуюся критику стараются не замечать (G. Bush, H. Clinton, D. Cheney). При этом о своих собственных способностях они отзываются весьма скромно, считая, что данная тема не должна являться предметом всенародного или научного обсуждения. Однако, когда они приступают к решению серьёзных глобальных проблем, то сразу обнаруживается ограниченность их мировоззрения и желание решать только те проблемы, которые они сами себе искусственно создают. Политика таких элит фактически игнорирует объективную реальность (от которой они «прячут голову в песок») и в будущем чревата ростом угроз из-за скопившихся нерешённых проблем. Именно на это указывают западным политическим элитам их же собственные аналитики, критикуя их за потерю реалистического восприятия и оценки действительности. Но политики упорно настаивают на своём понимании реальности и не спешат всерьёз воспринимать звучащую критику.

Список литературы

1. Avdokushin, E. F. The role of Russian federal and regional political elites in the modernization of public administration / E. F. Avdokushin, A. V. Ponedelkov, S. F. Vorontsov // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. – 2015. – Vol. 4, № 2. – С. 327–346.
2. Albright, M. The mighty and the almighty: reflections on America, God, and world affairs / M. Albright. – New York : HarperCollins, 2006. – 352 p.
3. Blair, T. A journey: my political life. – [S. l.] : KNOFF Publishers, 2010. – 784 p.
4. Bush, G. W. Decision Points / G. W. Bush. – [S. l.] : Virgin Books, 2010. – 481 p.
5. Cheney, D. In my time: a personal and political memoir / D. Cheney. – New York: Simon & Schuster. 2011. – 565p.
6. Clinton, H. R. What Happened / H. R. Clinton. – New York : Simon & Schuster, 2017. – 494 p.
7. Comey, J. B. A Higher loyalty. Truth, lies, and leadership / J. B. Comey. – [S. l.] : [PanMacMillan], 2018. – 290 p.

8. Trump, D. J. Crippled America: how to make America great again / D. J. Trump. – New York : Threshold Editions, 2015. – 208 p.
9. Klion, D. The American Empire Is the Sick Man of the 21st Century // Foreign Policy. – 2019. – 2 april.
10. Hayes, C. Twilight of the elites: America after meritocracy. – New York : Crown Publishing Group (NY), 2012. – 304 p.
11. Hollande, F. Les leçons du pouvoir / P. Hollande. – Paris, 2018. – 400 p.
12. Jerome, I. Is the U.S. less corrupt than Russia? // The Baltimore Sun. – 2015. – 4 august.
13. Karabuschenko, P. L. The idea of scientific elite and the mission of the university / P. L. Karabuschenko, N. Ye. Gavrilina, A. V. Titov // Journal of Engineering and Applied Sciences. – 2019. – Vol. 14, iss. 17. – P. 6202–6207.
14. Efficiency of modern political elite: acmeological dimension of quality professionalism / P. Karabushchenko, I. Lebedeva, M. Bicharova [et al.]. – DOI 10.5593/sgemsocial2017/32/S11.015 // 4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2017 : Conference Proceedings, August, 2017, Psychology and psychiatry. – [S. 1.], 2017. – Book 3, vol. 2. – P. 115–122.
15. Elitology of education and challenges of the 21st century / P. Karabushchenko, A. Ponedelkov, S. Vorontsov [et al.] // Amazonia Investiga. – 2018. – Vol. 7, no. 14. – P. 5–16.
16. Karabushenko, P. L. Professional elite of the XXI century and current issues of education elitology / P. L. Karabushenko, E. E. Krasnozhenova, S. V. Kulik // The European proceedings of social & behavioural sciences: 18th Professional culture of the specialist of the future (28–30 November 2018). – [S. 1.], 2018. – Vol. LI. – P. 1314–1324.
17. Karen, D. Putin's kleptocracy: who owns Russia? / D. Karen. – New York : Simon & Schuster, 2014. – 445 p.
18. Kerry, J. Every day is extra / J. Kerry. – New York : Simon & Schuster, 2018. – 640 p.
19. Senator John McCain: Russians deserve better than Putin. 19.09.2013. – URL: http://www.pravdareport.com/opinion/125705-McCain_for_pravda_ru/ (дата обращения: 11.09.2019).
20. Roberts, P. C. How America was lost. from 9/11 to the Police/Warfare State / P. C. Robert. – [S. 1.] : Clarity Press, 2014. – 465 p.
21. Rumsfeld, D. Known and unknown: a memoir / D. Rumsfeld. – New York : Sentinel HC Publishing, 2011. – 832 p.
22. Schröder, G. Entscheidungen: Mein leben in der politik / G. Schröder. – Hamburg, 2006. – 543 p.
23. Sims, C. This item: team of vipers: my 500 extraordinary days in the Trump White House / C. Sims. – [S. 1.], 2019. – 384 p.

24. Stone, R. W. *The Clintons` war on women* / R. W. Stone. – [S. l.] : Abbeville Press, 2015. – 352 p.
25. Talbott, S. *The Russia hand: a memoir of presidential diplomacy* / S. Talbott. – [S. l.] : Random House Trade Paperbacks, 2003. – 512 p.
26. Ulfkotte, U. *Gekaufte Journalisten: wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien* / U. Ulfkotte. – Auflage 5. – [S. l.], 2014. – 336 s.
27. Ulfkotte, U. *Volkspädagogen – wie uns die Massenmedien politisch korrekt erziehen wollen* / U. Ulfkotte. – [S. l.] : Kopp Verlag, Rottenburg am Neckar, 2016. – 272 s.
28. Vorontsov, S. A. *Elitogenesis in the political processes of modern Russia, based on sociological (field) research* / S. A. Vorontsov, A. Yu. Mamychev, A. V. Ponedelkov [et al.] // *Man in India*. – 2017, vol. 97, № 23. – С. 273–284.
29. Ward, V. *Kushner, Inc.: Greed. Ambition. Corruption* / V. Ward. – [S. l.] : St. Martin's Press, 2019. – 320 p.
30. Woodward, B. *Fear Trump in the White House* / B. Woodward. – New York : Simon, & Schuster, 2018. – 448 p.
31. Трамп назвал Клинтон «худшим госсекретарем в истории страны» // *Российская газета*. – 2015. – 15 авг.
32. Шарков, Ф. И. *О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения* / Ф. И. Шарков, А. В. Понеделков, С. А. Воронцов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Социология*. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 524–541.

References

1. Avdokushin E.F., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. *The role of Russian federal and regional political elites in the modernization of public administration. REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 327–346.
2. Albright M. *The Mighty and the Almighty: Reflections on America, God, and World Affairs*. New York: HarperCollins, 2006. 352 p.
3. Blair T. *A Journey: My Political life*. [S. l.]: KNOPF Publishers, 2010. 784 p.
4. Bush G.W. *Decision Points*. [S. l.]: Virgin Books, 2010. 481 p.
5. Cheney D. *In My Time: A Personal and Political Memoir*. New York: Simon & Schuster, 2011. 565 p.
6. Clinton H.R. *What Happened*. New York: Simon & Schuster, 2017. 494 p.
7. Comey J. B. *A Higher Loyalty. Truth, Lies, and Leadership*. [S. l.]: [PanMacMillan], 2018. – 290 p.
8. Trump D.J. *Crippled America: How to Make America Great Again*. New York: Threshold Editions, 2015. 208 p.
9. Klion D. *The American Empire Is the Sick Man of the 21st Century. Foreign Policy*, 2019, April 2.

10. Hayes C. *Twilight of the Elites: America After Meritocracy*. New York: Crown Publishing Group (NY), 2012. 304 p.
11. Hollande F. *Les leçons du pouvoir*. Paris, 2018. 400 p.
12. Jerome I. Is the U.S. less corrupt than Russia? *The Baltimore Sun*, 2015, August 4.
13. Karabuschenko P.L., Gavrilina N.Ye., A.V. Titov. The Idea of Scientific Elite and the Mission of the University. *Journal of Engineering and Applied Sciences*, 2019, vol. 14, iss. 17, pp. 6202–6207.
14. Karabushchenko P., Lebedeva I., Bicharova M., Podvoisky L., Rekesheva F. Efficiency of modern political elite: acmeological dimension of quality professionalism. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017: SGEM2017 Conference Proceedings, August, 2017, Psychology and psychiatry. [S. 1.], 2017, Book 3, vol. 2, pp. 115–122. doi: 10.5593/sgemsocial2017/32/S11.015*
15. Karabushchenko P., Ponedelkov A., Vorontsov S., Danilyan O., Vronskaya M. Elitology of education and challenges of the 21st century. *Amazonia Investiga*, 2018, vol. 7, no.14, pp. 5–16.
16. Karabushchenko P.L. Krasnozhenova E.E., Kulik S.V. Professional elite of the XXI century and current issues of education elitology. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: 18th Professional Culture of the Specialist of the Future (28–30 November 2018)*. [S. 1.], 2018, vol. LI, pp. 1314–1324.
17. Karen D. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York: Simon & Schuster, 2014. 445 p.
18. Kerry J. *Every Day Is Extra*. New York: Simon & Schuster, 2018. 640 p.
19. *Senator John McCain: Russians deserve better than Putin*. 19.09.2013. Available at: http://www.pravdareport.com/opinion/125705-McCain_for_pravda_ru/ (accessed 11 September 2019).
20. Roberts P.C. *How America was Lost. From 9/11 to the Police/Warfare State*. [S. 1.]: Clarity Press, 2014. 465 p.
21. Rumsfeld D. *Known and Unknown: A Memoir*. New York: Sentinel HC Publishing, 2011. 832 p.
22. Schröder G. *Entscheidungen: Mein Leben in der Politik*. Hamburg, 2006. 543 p.
23. Sims C. *This item: Team of Vipers: My 500 Extraordinary Days in the Trump White House*. [S. 1.], 2019. 384 p.
24. Stone R.W. *The Clintons` War on Women*. [S. 1.]: Abbeville Press, 2015. 352 p.
25. Talbott S. *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*. [S. 1.]: Random House Trade Paperbacks, 2003. 512 p.
26. Ulfkotte U. *Gekaufte Journalisten: Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien*. Auflage 5. [S. 1.], 2014. 336 s.
27. Ulfkotte U. *Volkspädagogen – Wie uns die Massenmedien politisch korrekt erziehen wollen*. [S. 1.]: Kopp Verlag, Rottenburg am Neckar, 2016. 272 s.

28. Vorontsov S.A., Mamychev A.Yu., Ponedelkov A.V., Yanguzin A.R., Vildanov H. Elitogenesis in the political processes of modern Russia, based on sociological (field) research. *Man in India*, 2017, vol. 97, no. 23, ss. 273–284.

29. Ward V. *Kushner, Inc.: Greed. Ambition. Corruption*. [S. l.]: St. Martin's Press. 2019. 320 p.

30. Woodward B. *Fear Trump in the White house*. New York: Simon & Schuster. 2018. 448 p.

31. Trump called Clinton «The worst secretary of state in the history of the country». *Rossiyskaya gazeta*, 2015, August 15. (In Russian).

32. Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. O problemakh sovremennoi rossiiskoi politicheskoi eli-ty i vozmozhnykh napravleniyakh ikh razresheniya [On the problems of the modern Russian political elite and possible directions for their resolution]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Sociology], 2017, vol. 17, no. 4, pp. 524–541.

УДК 323.2:004

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/101-119

А. Ю. Мамычев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: mamychev@yandex.ru

О. И. Мирошниченко²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: olga-star.05@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ ДОМИНАНТ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ*

Аннотация. В предлагаемой научной статье проблематизируется функционирование, с одной стороны, традиционных ценностно-нормативных регуляторов, обеспечивающих социокультурную целостность и общественно-политическую динамику, а с другой – стандартов развития и применения цифровых алгоритмов, автономных роботизированных систем, искусственного интеллекта и других сквозных цифровых технологий. Обсуждаются различные подходы и теоретико-практические позиции, аргументирующие и моделирующие развитие общественно-политической организации в цифровую эпоху, а также описывающие кардинальные изменения в политической коммуникации, правопорядке, публично-властном взаимодействии и т.д. Авторы аргументируют, что внедрение цифровых алгоритмов и роботизированных техно-

¹ Алексей Юрьевич Мамычев, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Ольга Игоревна Мирошниченко – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Мирошниченко О. И. Цифровая трансформация общественно-политической организации: проблемы гармонизации ценностно-нормативных и инновационных доминант развития политической системы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 101–119.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Национально-культурные и цифровые доминанты развития политических отношений в XXI веке» № 19-011-31031.

логий кардинально меняет базовые социокультурные смыслы и общественно-политический ландшафт, происходит формирование новых типов и видов общественных отношений, где люди, вещи, машины совместно формируют особые режимы функционирования, специфические отношения, динамику развития отдельных элементов политической системы. В работе доказывается, что данные кардинальные изменения требуют принципиально новых теоретико-методологических подходов и к исследованию новых инструментов политического моделирования и прогнозирования. Отдельно обсуждаются проблемы законодательного и этического регулирования процессов информационно-технологического развития общества. В заключительной части работы показывается, что современность ставит фундаментальную проблему соотношения цифровых и социокультурных тенденций развития политического пространства, их противоречия и неизбежной конвергенции социокультурных, традиционных общественно-политических доминант развития с цифровыми трендами и формами жизни. В статье доказывается, что необходима гармонизация действующих ценностно-нормативных регуляторов и разрабатываемых стандартов внедрения и эксплуатации различных сквозных цифровых технологий (систем искусственного интеллекта, автономных цифровых алгоритмов, больших данных, роботизированных технологий и т.д.), поскольку последнее может выступить ключевой гарантией для формирования действенной системы развития общественной системы и её стабильности в век цифровых технологий.

Ключевые слова: государство, искусственный интеллект, общественно-политическая динамика, общество, политика, политическая система, политический процесс, право, роботизированные технологии, сквозные цифровые технологии, ценностно-нормативные регуляторы, цифровые алгоритмы, управленческие решения, этика.

A. Yu. Mamychev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: mamychev@yandex.ru

O. I. Miroshnichenko²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: olga-star.05@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE SOCIOPOLITICAL ORGANIZATION: PROBLEMS OF HARMONIZATION OF VALUE-NORMATIVE AND INNOVATIVE DOMINANTS OF POLITICAL SYSTEM DEVELOPMENT

Abstract. The proposed scientific article problematizes the functioning, on the one hand, of the traditional value-normative regulators that ensure socio-cultural integrity and socio-political dynamics, and on the other hand, the standards of development and application of digital algorithms, autonomous robotic systems, artificial intelligence and other end-to-end digital technologies. It also discusses various approaches and theoretical and practical positions, justifying and modeling the development of sociopolitical organization in the digital age, as well as describing a fundamental change in political communication, rule of law, public-government interaction, etc. The authors argue that the introduction of digital algorithms and robotic technologies radically changes the basic socio-cultural meanings and sociopolitical landscape, the formation of new types and types of social relations, where people, things, machines together form special modes of functioning, specific relations, the dynamics of the development of individual elements of the political system. The paper proves that these radical changes require fundamentally new theoretical and methodological approaches to the study, and new tools for political modeling and forecasting. The problems of legislative and ethical regulation of the processes of information and technological development of society are discussed separately. In the final part of the work it is shown that modernity poses a fundamental problem of correlation of digital and socio-cultural trends in the development of political space, their contradictions and the inevitable convergence of sociocultural, traditional sociopolitical dominants of development with digital trends and forms of life. The paper argues that the

¹ Alexey Yurievich Mamychev, Doctor of Political Sciences, PhD of legal Sciences, Professor of the Department of theory and history of state and law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Olga Igorevna Miroshnichenko, PhD of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Mamychev A.Yu., Miroshnichenko O. I. Digital Transformation of the Sociopolitical Organization: Problems of Harmonization of Value-Normative and Innovative Dominants of Political System Development // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 101–119.

harmonization of existing values and normative regulators and standards development implementation and operation of various end-to-end digital technology (artificial intelligence, Autonomous digital algorithms, big data, robotic technologies, etc.), since the latter may be a key guarantee for the formation of an effective system of development of social system and its stability in the digital age.

Keywords: state, artificial intelligence, sociopolitical dynamics, society, politics, political system, political process, law, robotic technologies, end-to-end digital technologies, value-normative regulators, digital algorithms, management decisions, ethics.

Введение (постановка проблемы). В настоящее время развёртываются процессы – как в практике мышления, так и в повседневном взаимодействии людей, которые радикально меняют устойчивые и привычные основания общественно-политической динамики, кардинально переворачивают наши представления о социокультурной реальности общества, а также о политическом процессе и отношениях, в ней развивающихся. Отсюда фиксируются слабая прогнозируемость политических отношений и фрагментарность общественно-политического пространства, а также неадекватность и неэффективность принимаемых управленческих решений. Чем вызвана такая ситуация?

Как правило, ответ даётся в следующем формате: в современном цифровом обществе очевиден глубинный кризис, проявляющийся с разной степенью интенсивности в тех или иных сферах общественно-политической организации и публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Концепт «кризис» в данном случае – собирательная метафора, которая отражает целый спектр фундаментальных общеполитических проблем, с которыми и сталкивается современное общество. К ним, если обобщить современные фундаментальные и теоретико-практические исследования в этой сфере, следует отнести:

- во-первых, утрата доминирующего положения традиционных (национально-культурных, этнополитических и т.д.) форм политической идентификации, а также развитие новых видов социальной и политической мобильности, цифровых и виртуализированных способов обеспечения политической интеграции;

- во-вторых, неадекватность традиционных форм политической организации, публично-властных отношений, общественно-политической коммуникации и т.п. современным трендам цифровой трансформации общества. Не случайно сегодня появляются теории нетипичных, смешанных политических режимов (а существовали ли классические формы вообще когда-либо!?) или инновационных форматов властной коммуникации (например, цифровое и виртуальное взаимодействия политических лидеров с гражданами);

- в-третьих, неэффективность традиционных форм обеспечения политической интеграции и социально-политической мобилизации общественных групп, слоёв, страт и т.п., что ведёт к появлению гибридных форм политического управления, сочетающего сложившиеся подходы, модели и способы принятия управленческих решений с алгоритмическими и сценарными цифровыми моделями (заметим, что в евро-американском общественно-политическом пространстве интенсивно внедряются автономные цифровые алгоритмы и роботизированные технологии, оценивающие общественно-политическую динамику, представляя оптимальные управленческие решения и сценарии развития; или применение автономных аппаратно-вычислительных комплексов, представляющих ключевые общественно-политические паттерны и автономно принимающих решения в сфере обеспечения общественного порядка, правопорядка и т.д.).

- в-четвёртых, неэффективность традиционного ценностно-нормативного кодирования и правового регулирования современных форм общественно-политического взаимодействия, которое развёртывается в настоящий момент под воздействием «цифровой революции» общественных систем;

-в-пятых, в качестве ведущих мотивационных оснований современной политической активности лежат не идейно-смысловые элементы, ориентированность на ценностно-нормативное единство и социально-политическую интеграцию, а на формы политического самовыражения, свободное конструирование и изменение границ социальных сообществ, развитие онлайн коммуникации и виртуализированных пространств (в которых в частности всё больше и больше разворачиваются общественно-политические процессы).

Данный список общественно-политических проблем можно продолжить, однако очевидно, что внедрение цифровых алгоритмов, масштабно организующих общественные процессы и управляющих ими, роботизированных технологий, функционирующих на основе систем «искусственного интеллекта», различных цифровых технологий и т.д. ставит под вопрос саму социокультурную реальность. Или иначе, что эта реальность уже не только и не столько социальная, сколько «постсоциальная», где цифровые алгоритмы и роботизированные технологии используются уже не столько «в совещательном режиме» (применение в качестве инструментов в принятии управленческих решений), а уже на уровне организующем и распорядительном.

Обзор литературы и исследовательских подходов. Трансформация общественно-политической реальности под воздействием цифровых технологий становится одним из центральных направлений исследований, которые по-разному описывают и моделируют развитие современных общественных отношений. Здесь можно условно выделить пять основных направлений.

Первое направление обосновывает, что политические отношения и публично-властное взаимодействие в системе личность – общество – государство полностью высвобождается от давления национально-культурных доминант [1; 2; 3] и идеологических систем [4], доминирующих в XX веке, а процессы глобализации и цифровизации формируют [5] постклассические и постгуманитарные формы политической интеграции и коммуникации [6].

При этом формирование постклассических смыслов связано и с развитием глобальных виртуализированных символов и образов, абстрактных идейно-смысловых платформ, которые существенно изменяют процессы идентификации политических акторов [7], формирование политической культуры общества, принятие и реализацию значимых политических, социально-правовых и иных управленческих решений. Доминирующей проблемой в западноевропейских исследовательских проектах является поиск оснований политической системы и гражданского мировоззрения, которые обеспечили бы развитие «общемировой гражданственности» [8], связанной не с культурными традициями, определёнными нациями, этносами, а с общемировой «конституционно-правовой идентичностью» [9; 10].

Вторая группа исследований сосредоточивает свои «исследовательские усилия» в моделировании будущей специфики развития общественно-политических отношений. В этом плане аргументируется, что нас ждут принципиально новые отношения, которые будут разворачиваться на основе иной мировоззренческой парадигмы [11; 12]. Отношения здесь трактуются весьма широко, в них вовлечены: с одной стороны, традиционные субъекты (субъекты права, политические акторы и т.п.); а с другой – так называемые «актанты» (вещи, технологии, роботизированные механизмы, цифровые алгоритмы и проч.), участвующие в этих отношениях и оказывающие существенное воздействие на их характер и направленность [13; 14].

Причём исследователи подчёркивают, что это общественно-политическое пространство представляет собой сложную сеть отношений, которые уже «разыгрываются» не только между людьми, но и «нечеловеческими актантами», где субъективной или индивидуальной активностью наделяются роботизированные технологии (реализующие важные социальные функции), цифровые алгоритмы (принимающие решения и распределяющие социальные ресурсы), системы искусственного интеллекта (организующие и управляющие общественными процессами) и т.п. [15]. Например, в западноевропейском гуманитарном дискурсе уже разрабатываются доктринально-правовые положения и этические стандарты, ориентированные на новые формы отношений, которые обозначаются в качестве акторных сетей, ассамбляжей, социально-технических сборок и проч. Эти новые формы и модели отношений представляют собой взаимосвязанные и взаимообуславливающие активности человека, вещей, технологий и т.п. Именуются они как «сборки», т.е. активности как человеческих субъектов, так и технологий, где последние обладают соот-

ветствующим психологическим, физическим и символическим влиянием на человека как одного из участников этих отношений [16; 17; 18; 19].

Отметим, что понятие «сборки», которое активно сегодня используется в современных исследованиях, представляет собой научную метафору, в задачи которой входит «вытеснение» традиционных понятий, на которых базировалось нормативное регулирование: социальные отношения, политический порядок, политическая система, политический режим, политические традиции и т.д. [20].

Третье направление в современных исследованиях анализирует также разворачивающиеся процессы социальной и политической субъективации, которые по своей сути свидетельствуют об общественно-политической революции в XXI веке. Обосновывается, что появление новых субъектов в социально-политической, правовой, экономической и иной жизнедеятельности общества всегда ведут к кардинальным трансформациям всех сфер жизнедеятельности, а сами эти субъекты, выходя на авансцену истории, двигают мировой и технологический прогресс.

Сегодня этот «процесс субъективации» стоит в центре политической [21; 22; 23], правовой [24], философской [25] рефлексии, с ним связывают наиболее кардинальные изменения в организации и функционировании общественных систем, ломку и пересборку политической системы, правопорядка и проч. Другими словами, кардинальные изменения в жизнедеятельности людей всегда сопровождаются появлением новых субъектов, их конфликтом с существующей системой социальной, правовой, экономической и иной субъективации, а также последующим отставанием своих прав и статуса «новых субъектов истории», что влечёт за собой формирование принципиально иной конфигурации правовой, политической, экономической и иной организации общества.

В то же время описание этого нового политического субъекта, который будет двигать исторический прогресс, является достаточно абстрактным. Это и особые сети, в которых сложно выделить конкретного (в традиционной системе общественно-политических координат) субъекта, сами эти сети акторов и являются новым субъектом; или новый субъект обозначается в качестве неопределённого множества (т.е. своеобразная постклассическая форма субъекта в противовес гражданам государства, народу, политическому субъекту и т.п.), организованного в сетевое взаимодействие на основе свободных и мобильных форм частной и публичной организации [26; 27].

Четвёртая группа исследований проблематизирует понятие власти в XXI веке и специфику публично-властных отношений в цифровую эпоху [28; 29]. Авторы данного направления аргументируют новый формат властной эволюции, которой реализуется под воздействием цифровизации общества. Здесь аргументируется, что в политической организации общества формируются новые режимы управления, размещающие власть за обществом, «вне» действующей системы отношений. Реальные центры власти уходят в «тень» и зависят не от конкретных лиц, а от сложной сети

взаимодействия тех, кто разрабатывает коды, программы, алгоритмы и т.п., а также тех, кто реально внедряет и управляет алгоритмическими комплексами. Другими словами, политические отношения опосредуются и регламентируются не только сложной инфраструктурой, которая скрыта от социального контроля, общественного влияния, но и реально находится за разворачивающимися процессами в обществе [30; 31]. При этом восприятие и оценка политических событий и процессов тончайшим образом формируется информацией, «представляемой нам по совсем не случайным причинам, которая, однако, не раскрывает лежащий за ней интерес» [32].

Пятое направление исследований настаивает на том, что «очищение» политических исследований от устойчивых социально-культурных доминант приводит: к повсеместному кризису ценностно-нормативных основ публично-властной организации [33]; к деформации политической культуры [34], правосознания [35], искажениям функционирования политических институтов и публично-правовых учреждений [36]; к разрушению государствоведческих традиций, обеспечивающих стабильность и воспроизводство социально-политической целостности и этнополитической стабильности [37]; а также к прагматизации и бюрократизации права [38]; духовно-нравственному коллапсу и дегармонизации социально-нормативных регуляторов [39].

В рамках данного направления аргументируется, что новый этап цифровой трансформации общества, конечно, обладает своей спецификой и непредсказуемыми направлениями развития, но таковые этапы (кардинальных изменений под воздействием новых технологий) были на протяжении всей истории развития человечества. Каждый из таких этапов по-новому выстраивал конфигурацию общественно-политического пространства, однако это происходило на основе социокультурных достижений общества, инновации адаптировались к конкретной ментальной, социально-политической и иной специфике конкурентного общества. При этом в рамках различных исследовательских проектов, реализуемых в данном направлении, показывается, что принятие политически и социально значимых решений, проектирование нормативных правовых актов, формулирование и реализация политики государства свидетельствуют о сохранении и усилении традиционных ценностно-нормативных систем, прежде всего в российском обществе, этноконфессиональных традиций, устойчивых духовно-нравственных стандартов и норм, которые в условиях трансформации общественно-политической организации всегда играют огромную роль.

Основная часть

Обобщая, отметим, что в рамках вышерассмотренных направлений актуализируются важнейшие проблемы современного общественно-политического развития, которые и выступают идейно-концептуальной основой для настоящего проекта. К таковым проблемным вопросам можно отнести:

1) кризис классических форм и технологий политического управления массовой и групповой мыследеятельностью общества, постепенному снижению значи-

мости традиционной публично-властной коммуникации в системе личность – общество – государство;

2) ослабление эффективности технологий социального контроля за властно-управленческой деятельностью, а также влияния на перераспределение общественных благ и принятие социально значимых управленческих решений;

3) снижение актуальности и значимости идеологических платформ, политических программ и традиционных «технологий перевода» частных и групповых интересов в публичную сферу, которые вытесняются новыми формами публичности (сетевое публичное пространство) и инновационными технологиями политической коммуникации (онлайн технологии);

4) ослабление метаполитических (традиции, обычаи, символы, образы, ритуалы и т.п.) и метаюридических (ментальные, психологические, духовно-нравственные и др.) оснований устойчивости политического процесса и стабильного развития общественно-политической организации общества;

5) развитие нетипичных и нестандартных форм политической коммуникации, а также конвергенционных стратегий трансформации политического процесса.

Очевидно также, что ещё одной фундаментальной проблемой, которая сегодня только входит в поле общественно-политической рефлексии, является формирование новых видов общественных отношений, где люди, вещи, машины совместно формируют особые режимы функционирования, специфические отношения, в контексте которых складываются, опосредуются, опредмечиваются и определяются каждая из этих сущностей. Данные кардинальные изменения требуют и принципиально новых теоретико-методологических подходов к исследованию, и новых инструментов политического моделирования и прогнозирования, нового законодательного регулирования, иных систем деонтологического кодирования и технических регламентов и проч. Именно последние сформируют предпосылки и соответствующие рамки стабильного безопасного развития специфических отношений между технологиями и людьми, совместно выступающими не только агентами, но и архитекторами постсовременных форм жизнедеятельности.

В настоящее время общей концепции нормативно-правового и этического регулирования отношений, связанных с разработкой, внедрением и применением систем искусственного интеллекта, роботизированных технологий и цифровых алгоритмов, а также ценностно-нормативного и нравственно-этического кодирования процессов разработки программного обеспечения, машинных алгоритмов и проч. как на уровне действующего национального законодательства, принятых доктринально-правовых актов и деонтологических кодексов, так и на международно-правовом уровне не сформировано.

Более того, отсутствие нравственно-этических и доктринально-правовых основ развития роботизированных технологий и соответствующего программного обес-

печения, а также конституционно-правовых идей и практик в этой сфере ведёт к фундаментальным вызовам национальной и глобальной безопасности, к серьёзному отставанию правового развития общественных отношений, к возможности эффективного «юридического кодирования» и публично-властного управления этими процессами.

Следует констатировать, что правовое и дентоологическое регулирование процессов внедрения и использования данных технологий в нормативно-правовых актах (НПА) на сегодняшний день отличается фрагментарностью и бессистемностью. Решение вышеобозначенной проблематики во многом связано с поэтапной и комплексной проработкой общих концептуальных, доктринальных и теоретико-практических вопросов. Разрешение последнего можно условно представить в пяти ключевых и взаимосвязанных направлениях.

1. Доминирующими ориентациями к решению проблем правового регулирования принципиально новых отношений, порождаемых цифровой трансформацией общества, внедрением роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта (ИИ) в жизнедеятельность человека, являются «подобие» и «инструментализация». В первом случае концептуально-правовые и юридико-технические массивы ориентируются, прежде всего, на совершенствование действующего законодательства и формирование новых юридических комплексов на основе принципа «подобия», т.е. схожем и привычном «алгоритме» нормативного кодирования общественных отношений. В то же время очевидно, что развитие «цифровых отношений», взаимодействие людей и машин, сам процесс развития ИИ не только слабо прогнозируем, но и вряд ли вписывается в традиционные теоретико-правовые рамки (традиционные представления о субъекте права, формах реализации права, юридической ответственности и т.д.).

2. С этим связана и вторая ориентация на «подтягивание» правового регулирования к потребностям и запросам «цифровизации», что сводит сущность и социальную роль права к сугубо инструментальной. Заметим, что «цифровизация общества» ведёт к трансформации не только действующей системы законодательства, но и системы права, теории права и правовой культуры общества. В современной концепции правового и этического регулирования искусственного интеллекта и роботизированных технологий всё перевернуто с «ног на голову», речь должна идти не об «инструментальных возможностях» права, а об «образе будущего» социального и правового порядка с учётом кардинальной трансформации общественной системы под воздействием цифровизации и алгоритмизации социальной реальности, о серьёзных теоретико-правовых изменениях и правовой реформе общества в целом.

3. Распространение цифровых технологий рассматривается как очередной этап совершенствования человеческих инструментов, продолжающих и (или) функционально его (человека) замещающих. Если и допускается автономность последних в рамках нормативного кодирования, то только на уровне совещательном, вспомога-

тельном, обеспечивающем, т.е. функционирующих в инструментальном режиме (например, получение, обработка и представление соответствующей информации, прогнозирования возможных вариантов и проч.). В то же время за человеком остаётся «фундаментальное право» на принятие решений и реализацию распорядительных функций. Однако уже на современном этапе внимательному наблюдателю очевидно, что именно различие между совещательными и распорядительными способностями стремительно стирается в процессе применения и развития искусственного интеллекта и роботизированных технологий. Современные «роботизированные события» уже начали размывать границу между чисто совещательной и распорядительной ролью умных машин» [15].

4. Другая грамма проблем и противоречий общественно-политического и социально-правового развития связана трансформацией теории как политического субъекта, так и субъекта права (юридической теории субъекта). Распространение цифровых технологий, автономных алгоритмических систем, роботов, их использование в организации политического процесса (например, избирательная кампания, выборы и проч.), во взаимодействии людей в качестве цифровых посредников (опосредующих цифровую взаимосвязь двух и более людей) или как реальных действующих акторов (например, юридического консультанта, цифрового помощника, автопилота и т.п.) существенно изменяет традиционную систему построения и развёртывания социальных отношений в обществе. Сегодня это одна из ключевых проблематик, получившая развитие в рамках политической, философской, юридической рефлексии [41; 42; 43].

Данную проблему условно можно аналитически разложить на четыре группы взаимосвязанных аспектов, которые решаются в современных научных исследованиях как самостоятельно, так и в системной взаимосвязи с вопросами цифровизации общественных отношений.

Во-первых, очевидным фактом является то, что в современной реальности формируются принципиально новые объекты общественного взаимодействия, которые не только активизируют и стимулируют сознательно-волевую деятельность человека, но и выступают объектами правовых отношений, тесно переплетаются с законными интересами граждан. Все это, несомненно, обуславливает содержательное расширение, конкретизацию и видоизменение теории правовых отношений, структуры и видов последних, которая должна моделировать функционирование автономных цифровых технологий в качестве интеллектуальных систем, реализующих не только определённую активность в социально-правовой сфере, но и ряд когнитивных функций, а кроме того учитывать сложный характер изменения характера и направленности правовых отношений под воздействием цифровых автономных систем (последнюю вряд ли можно просто отнести к отдельным относительно юридическим событиям или форс-мажорным случаям).

Во-вторых, это группа проблемных вопросов, связанных как с безопасностью, так и этическими стандартами и социокультурными требованиями, которые сегодня слабо разработаны в сфере разработки программного обеспечения, внедрения и применения цифровых технологий и автономных алгоритмов в политической (например, учёт и обработка социальных запросов, мнений, ожиданий и проч., выступающих основой для принятия управленческих и юридически значимых решений) и правовой жизни общества (электронные и автоматизированные формы правосудия, алгоритмические системы контроля и обеспечения правопорядка). Здесь важно учитывать ряд аспектов:

1) необходима формализация выше обсуждаемых норм, стандартов и требований, которые, с одной стороны, должны быть адекватны специфическим отношениям и направленности развития процессов цифровизации: с другой – вписываться (или хотя бы учитывать) в действующую ценностно-нормативную систему общества (национального и международно-правового уровнях);

2) необходимо прогнозирование и моделирование влияния таковых норм, стандартов и требований на развитие самих роботизированных технологий (РТ) и систем искусственного интеллекта, отдельных автономных систем и роботизированных технологий. В настоящее время только появляются проекты такового этического кодирования развития РТ и ИИ. Например, версия этического стандарта «Ethically Aligned Design» по созданию роботов и искусственного интеллекта Института инженеров электротехники и электроники (IEEE), где обосновывается, что автономные аппараты и интеллектуальные системы должны функционировать на основе системы человеческих ценностно-нормативных и этических регуляторов, в соответствии с универсальным стандартом прав и свобод человека.

Неслучайно сегодня многими исследователями аргументируется необходимость формирования универсального (общемирового) стандарта развития систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий, который бы сначала носил общий характер и формировал универсальные рамочные нормативно-ценностные требования и этические стандарты в данной сфере. Например, ряд ведущих стран в сфере цифровой трансформации общественных отношений сформировали рамочную Европейскую Декларацию, которая определяет не только общие принципы сотрудничества в сфере создания, развития и внедрения систем искусственного интеллекта, но и определяет универсальные этические стандарты в их использовании [41]. В будущем, по мысли ряда аналитиков, возможно создание и принятие *Всеобщей декларации робототехники и Конвенции этических стандартов развития программного обеспечения*, основанного на системах искусственного интеллекта.

В-третьих, очевидным является и тот факт, что цифровая трансформация общественных отношений обуславливает формирование новых объектов и субъектов

национальной и международной безопасности. Данные кардинальные изменения требуют и принципиально новых систем безопасности, переосмысления теории социальной и юридической ответственности, нового законодательного регулирования. Именно последние смогут создать безопасные условия специфических отношений между технологиями и людьми, сформировать адекватные режимы ответственности и проч. Например, в этом направлении предлагается создание международной и национальных систем страхования ответственности за причинение вреда здоровью, правам и свободам, законным интересам субъектов права в процессе использования роботизированных технологий и внедрения систем искусственного интеллекта. Скорость развития и уровень автономности последних делает проблему установления виновного субъекта, несущего ответственность за нанесённый ущерб, весьма актуальной и сложной процедурой. В этом плане необходима разработка системы обязательного страхования рисков, потенциальных угроз, связанных с функционированием цифровых технологий и роботизированных систем.

В-четвёртых, следует указать и на проблему, которая чаще всего игнорируется при обсуждении вопросов юридического и этического кодирования развития систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий. Хотя последняя является первостепенной при формировании эффективных нормативных систем. Речь идёт о проблеме гармонизации действующих нормативно-правовых систем, регламентирующих жизнедеятельность общества и этических стандартов функционирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий. Ещё раз подчеркнём, что это ключевая проблема, которую необходимо ставить при разработке любых проектов нормативного адекватного и эффективного кодирования развития цифровых отношений.

Все создаваемые человеком и разнообразные социальные регуляторы всех уровней, в том числе и нормативный, должны действовать согласованно и максимально непротиворечиво. В противном случае мы столкнёмся с кризисом нормативных систем, которые будут замещены свободными от социально-этических стандартов абстрактными алгоритмическими системами. Именно гармонизация может выступить гарантией для формирования действенной системы развития общественной системы и её стабильности в век цифровых технологий.

Выводы

Стремление ряда направлений современной политической мысли к «очищению» политической коммуникации от всего национального, культурного, духовно-нравственного приводит к виртуализации и примитивизации политического пространства, а значит к сознательному уходу в научно-исследовательских проектах: от решения сложных проблем общественно-политической организации как сложного организованного и многоукладного общества; от понимания этнонациональных и

иных механизмов, обеспечивающих устойчивость публично-властных отношений и особенностей национального политического процесса; от выявления реальных причин общественно-политических конфликтов и деформаций политических, юридических, социально-культурных институтов и практик.

В этом плане нерешённой остаётся фундаментальная проблема соотношения цифровых и социокультурных тенденций развития политического пространства, их противоречия и неизбежной конвергенции социокультурных, традиционных общественно-политических доминант развития с цифровыми трендами и формами жизни. Ещё раз повторим, что гармонизация действующих ценностно-нормативных регуляторов и разрабатываемых стандартов цифровых алгоритмов и систем искусственного интеллекта является ключевой гарантией для формирования действенной системы развития общественной системы и её стабильности в век цифровых технологий.

Представляется неверной идейно-концептуальная установка ряда исследователей, что ключевые конфликты и противоречия в XXI веке будут связаны с противостоянием на публичной арене социокультурности и цифровых технологий, роботизированных и общественных систем. Напротив, ряд отдельных практических исследований свидетельствуют о конвергенции (сближении, сплаве, смешении, движении к друг другу) социокультурных достижений и технологических новаций (которые сами по себе выступают продуктом социокультурной среды). Например, в виртуальном пространстве воспроизводятся устойчивые архетипические формы сборки социальных сообществ, реализуется отграничение (определение границ виртуального сообщества, установление виртуальных маркеров, символов и проч.) и идентификация (определение свои – чужие, процедуры включения в сообщество). Здесь происходят переплетение традиционных форм и инновационных технологий (например, в процессе структуриации онлайн сообществ устанавливаются нормы и властные инстанции, система ценностно-нормативных регуляторов и др.).

Очевидно, что все эти процессы сформируют принципиально иную ценностно-нормативную систему и повседневную практику, кардинально трансформируют формы и способы публично-властного взаимодействия. В этом плане исследование трансформации общественно-политических отношений под воздействием цифровой трансформации, описание специфики их развития и ключевых направлений является как важнейшей теоретико-методологической задачей, так и практической, поскольку обеспечит формирование адекватной стратегии политического управления и технологий общественно-политической интеграции.

Список литературы

1. Бек, У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – Москва, 2007. – 464 с.
2. Reflexive modernisation: politics, tradition and aesthetics in the modern social order / ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – Cambridge : Polity Press, 1994.
3. Beck, U. Theorie reflexiver modernisierung – fragestellungen, hypothesen, forschungsprogramme // Die Modernisierung der Moderns / ed. by U. Beck, W. Bonß, Ch. Lau. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2001. – P. 11–59.
4. Žižek S. Carl Schmitt in the age of post-politics // The Challenge of Carl Schmitt / ed. by C. Mouffe. – London ; New-York : Verso, 1999. – P. 18–20.
5. Болдуин, Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация / Р. Болдуин. – Москва, 2018. – 416 с.
6. Муфф, Ш. Демократия в многополярном мире // Логос. – 2004. – № 6 (45). – С. 59–71.
7. Уилбер, К. Трамп и эпоха постправды / К. Уилбер. – Москва, 2018. – 244 с.
8. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – Москва, 2000. – 366 с.
9. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург, 2008. – 417 с.
10. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – Москва, 2008. – 197 с.
11. Деланда, М. Новая философия общества, Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
12. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло. – Москва, 2015. – 344 с.
13. Баннетт, Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Баннетт. – Пермь, 2018. – 217 с.
14. Бруно, Л. Политика природы. Как привить наукам демократию / Л. Бруно. – Москва, 2018. – 335 с.
15. Ланда, М. де. Война в эпоху разумных машин / М. де Ланда. – Екатеринбург: Кабинетный ученый ; Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 337 с.
16. Харман, Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей Латура и Деланда // Логос. – 2017. – Т. 27, № 3. – С. 1–34.
17. Деланда, М. Новая онтология для социальных наук // Логос. – 2017. – Т. 27, № 3. – С. 35–56.
18. Каллон, М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 49–94.

19. Bijker, W. E. The social construction of bakelite: toward a theory of invention // *The Social Construction of Technological System: New Directions in the Sociology and History of Technology* / ed. by W. E. Bijker [et al.]. – Cambridge, M.A. : MIT Press, 2012. – P. 155–182.
20. Law, J. Technology and heterogeneous engineering: the case of Portuguese expansion // *The Social Construction of Technological System: New Directions in the Sociology and History of Technology* / ed. by W. E. Bijker [et al.]. – Cambridge, M.A. : MIT Press, 2012. – P. 105–127.
21. Бадью, А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитики / А. Бадью. – Москва, 2005. – 239 с.
22. Бадью, А. Загадочное отношение философии и политики / А. Бадью. – Москва, 2013. – 107 с.
23. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – Москва, 2014. – 526 с.
24. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права / И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург, 2012. – 649 с.
25. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер. – Санкт-Петербург, 2013. – 189 с.
26. Вирно, П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / П. Вирно. – Москва, 2015. – 141 с.
27. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – Москва, 2006. – 508 с.
28. Батлер, Дж. Психика власти: теория субъекции / Дж. Батлер. – Харьков ; Санкт-Петербург, 2002. – 158 с.
29. Батлер, Дж. Заметки к перформативной теории собрания / Дж. Батлер. – Москва, 2018. – 248 с.
30. Pasquale, F. The black box society: the secret algorithms behind money and information / F. Pasquale. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015. – 320 p.
31. Salthouse, T. A. When does age-related cognitive decline begin? // *Neurobiology of Aging*. – 2009. – Vol. 30, № 4 (April). – P. 507–514.
32. Гринфилд, А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / А. Гринфилд. – Москва, 2018. – 421 с.
33. Mamuchev, A. Yu. Signs of State and Their Historical Modifications / A. Yu. Mamuchev, S. S. Shestopal // *Journal of History Culture and Art Research*. – 2018. – Vol. 7, no. 3. – P. 175–186.
34. Кырлежев, А. Пост-секулярное: краткая интерпретация // *Логос*. – 2011. – № 3 (82). – С. 100–106.
35. Малахов, В. П. Мифы современной общеправовой теории / В. П. Малахов. – Москва, 2013. – 150 с.

36. Democratic transit in the South Caucasian Countries / A. Mordovtsev, A. Mamychev, T. Mordovtseva, M. Mirzorin // *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. – 2016. – Vol. 17, iss. 3. – P. 7–14.

37. Соловьев, А. И. Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей // *Принципы и практика политических исследований*. – Москва, 2002. – С. 126–144.

38. Political Transformation of public-power organization and the color revolution technology in the Eurasian space / A. Mamychev, D. Mamycheva, V. Krupnitskaya, A. Timofeeva // *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. – 2016. – Vol. 17, iss. 3. – P. 22–30.

39. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма, 2007. – 800 с.

40. Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография. – Москва : ИНФРА-М, РИОР, 2018. – 248 с.

41. Декларация о сотрудничестве в сфере искусственного интеллекта (10.04.2018) // Робоправо. – URL: http://robopravo.ru/initsiativy_frantsii_v_sferie_robototiekhniki_2013_2 (дата обращения: 17.02.2019).

References

1. Bek U. *Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya* [Power and its opponents in the era of globalism. New World Political Economy]. Moscow, 2007. 464 p.

2. Beck U., Giddens A., Lash S., eds. *Reflexive modernisation: politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Lash. Cambridge: Polity Press, 1994.

3. Beck U. Theorie reflexiver modernisierung – fragestellungen, hypothesen, forschungsprogramme. U. Beck, W. Bonß, Ch. Lau, eds. *Die Modernisierung der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2001, ss. 11–59.

4. Žižek S. *Carl Schmitt in the Age of Post-Politics. The Challenge of Carl Schmitt* / ed. by C. Mouffe. London; New-York, Verso, 1999, pp. 18–20.

5. Bolduin R. *Velikaya konvergentsiya: informatsionnye tekhnologii i novaya globalizatsiya* [The Great Convergence: Information Technology and New Globalization]. Moscow, 2018. 416 p.

6. Muff Sh. Demokratiya v mnogopolyarnom mire [Democracy in a multipolar world]. *Logos*, 2004, vol. 6, iss. 45, pp. 59–71.

7. Al'termatt U. *Etnonatsionalizm v Evrope* [Ethnic Nationalism in Europe]. Moscow, 2000. 366 p.

9. Khabermas Yu. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii* [Involvement of another. Essays on Political Theory]. St. Petersburg, 2008. 417 p.

10. Khabermas Yu. *Raskoloty Zapad* [The Shattered West]. Moscow, 2008. 197 p.

11. Delanda M. *Novaya filosofiya obshchestva, Teoriya assambleyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [The New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity]. Perm: Gile Press Publ., 2018. 170 p.
12. Lo J. *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After the method. Disorder and Social Science]. Moscow, 2015. 344 p.
13. Bannett J. *Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchei* [Pulsating Matter: The Political Ecology of Things]. Perm, 2018. 217 p.
14. Bruno L. *Politika prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [The Politics of Nature. How to Instill Democracy in Science]. Moscow, 2018. 335 p.
15. Landa M. de. *Voina v epokhu razumnykh mashin* [The War in the Age of Intelligent Machines]. Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi Publ.; Moscow: Inst. obshchegumani-tarnykh issledovaniy Publ., 2014. 337 p.
16. Kharman G. *Seti i assambleyazhi: vozrozhdenie veshchei Latura i Delanda* [Networks and Assemblies. The Revival of Things Latour and Deland]. *Logos*, 2017, vol. 27, iss. 3, pp. 1–34.
17. Delanda M. *Novaya ontologiya dlya sotsial'nykh nauk* [New ontology of social sciences]. *Logos*, 2017, vol. 27, iss. 3, pp. 35–56.
18. Kallon M. *Nekotorye elementy sotsiologii perevoda: priruchenie morskikh grebeshkov i rybolovov bukhty Sen-Brie* [Some Elements of the Sociology of Translation: the Taming of Scallops and Fishermen in the Bay of Sen-Brie]. *Logos*, 2017, vol. 27, iss. 2, pp. 49–94.
19. Bijker W.E. *The social construction of bakelite: toward a theory of invention*. Bijker W.E. et al., eds. *The Social Construction of Technological System: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, M.A.: MIT Press, 2012, pp. 155–182.
20. Law J. *Technology and heterogeneous engineering: the case of Portuguese expansion*. Bijker W.E. et al., eds. *The Social Construction of Technological System: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, M.A.: MIT Press, 2012, pp. 105–127.
21. Badiou A. *Mozhno li myslit' politiku? Kratkii kurs metapolitiki* [Is it possible to think politics? Short course of metapolitics]. Moscow, 2005. 239 p.
22. Badiou A. *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki* [The mysterious relationship of philosophy and politics]. Moscow, 2013. 107 p.
23. Zhizhek S. *Shehekotlivyi sub"ekt: otsutstvuyushchii tsentr politiche-skoi ontologii* [Sensitive subject: absent center of political ontology]. Moscow, 2014. 526 p.
24. Chestnov I.L. *Postklassicheskaya teoriya prava* [Political Theory of Law]. St-Petersburg, 2012. 649 p.
25. Ranzieri J. *Nesoglasie: Politika i filosofiya* [Disagreement: Politics and Philosophy]. St-Petersburg, 2013. 189 p.

26. Virno P. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni* [Grammar of the set: to the analysis of the forms of modern life]. Moscow, 2015. 141 p.
27. Hardt M., Negry A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii* [Plenty: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow, 2006. 508 p.
28. Butler J. *Psikhika vlasti: teoriya sub"ektsii* [The psyche of power: the theory of subjection]. Kharkov; St-Petersburg, 2002. 158 p.
29. Butler J. *Zametki k performativnoi teorii sobraniya* [Notes on performative assembly theory]. Moscow, 2018. 248 p.
30. Pasquale F. *The black box society: the secret algorithms behind money and information*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. 320 p.
31. Salthouse T. A. When does age-related cognitive decline begin? *Neurobiology of Aging*, 2009, vol. 30, iss. 4 (April), pp. 507–514.
32. Grinfeld A. *Radikal'nye tekhnologii: ustroistvo povsednevnoi zhizni* [Radical technology: the device of everyday life]. Moscow, 2018. 421 p.
33. Mamychев A.Yu., Shestopl S.S. Signs of State and Their Historical Modifications. *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 175–186.
34. Kyrlezhev, A. Post-sekulyarnoe: kratkaya interpretatsiya [Post-Secular: A Brief Interpretation]. *Logos*, 2011, vol. 3, iss. 82, pp. 100–106.
35. Malakhov V.P. *Mify sovremennoi obshcheppravovoi teorii* [Myths of modern general legal theory]. Moscow, 2013. 150 p.
36. Mordovtsev A., Mamychев A., Mordovtseva T., Mirzarin M. Democratic transit in the South Caucasian Countries. *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*, 2016, vol. 17, iss. 3, pp. 7–14.
37. Soloviev A.I. Politicheskaya kul'tura: k probleme identifikatsii natsional'nykh modelei [Political culture: to the problem of identification of national models]. *Printsipy i praktika politicheskikh issledovaniy* [Principles and practice of political research]. Moscow, 2002, pp. 126–144.
38. Mamychев A., Mamycheva D., Krupnitskaya V., Timofeeva A. Political Transformation of public-power organization and the color revolution technology in the Eurasian space. *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*, 2016, vol. 17, iss. 3, pp. 22–30.
39. Maltsev G.V. *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social grounds of law]. Moscow: Norma, 2007. 800 p.
40. *Konstitutsionno-pravovaya politika sovremennoi Rossii: idei, priority, tsennosti, napravleniya: monografiya* [Constitutional and legal policy of modern Russia: ideas, priorities, values, directions]. Moscow: INFRA-M, RIOR Publ., 2018. 248 p.
41. *Declaration of cooperation in the field of artificial intelligence* (10.04.2018). Available at: http://robopravo.ru/initsiativy_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013_2 (accessed 17 February 2019).

УДК 343.1(470+510)(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/120-129

В. К. Захарова¹

МВД России, г. Москва, Россия

E-mail: vika1690@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РФ И КНР. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В ОБЕИХ СТРАНАХ**

Аннотация. В России и Китае с разной степенью интенсивности реализуются положения судебно-правовых реформ. В обеих странах реформы проходят в противоположных направлениях. В России эти процессы знаменуются разрывом с советской системой предварительного следствия и переходом в сторону западноевропейских стандартов, а в Китае – развитием уже существующей модели уголовного судопроизводства и механизмов «взаимоотношений» между участниками уголовного процесса, а также чётким следованием направлениям реформирования, принятым Коммунистической партией КНР. Таким образом, с целью определения перспектив развития законодательства обеих стран автор пытается соотнести российскую и китайскую систему организации предварительного следствия с определёнными сложившимся в науке уголовного процесса моделям (архетипами). В рамках исследования автор приходит к выводу о том, что как российскую, так и китайскую модель досудебного производства невозможно в полной мере отнести ни к одному существующему архетипу. Данные правовые системы представляют собой эксклюзивную модель, основанную на общих традициях советской правовой семьи, а так-

¹ Виктория Константиновна Захарова, кандидат юридических наук, инспектор по особым поручениям отдела развития учебно-материальной базы в образовательных организациях МВД России Департамента государственной службы и кадров МВД России, г. Москва.

Для цитирования: Захарова В. К. Некоторые аспекты исторического развития уголовного процесса в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Основные направления совершенствования организации предварительного следствия в обеих странах // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 120–129.

же национальных особенностях. Автором также сделан вывод о том, что Китай не пытается примкнуть к уже сложившимся западным моделям досудебного производства, а следуя опыту предыдущих поколений, учитывая потребности правоприменителя и национальные интересы, создал самобытную модель.

Ключевые слова: состязательный процесс, уголовный процесс, Китайская Народная Республика, традиционный тип, организации предварительного следствия, органы общественной безопасности КНР, народная прокуратура КНР.

Victoria K. Zakharova¹

Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

E-mail: vika1690@mail.ru

**SOME ASPECTS OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT
OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA. THE MAIN DIRECTIONS
OF IMPROVING THE ORGANIZATION OF PRELIMINARY
INVESTIGATION IN BOTH COUNTRIES**

Abstract. In Russia and China, with varying degrees of intensity, provisions of judicial and legal reforms are being implemented. In both countries, reforms are moving in opposite directions. In Russia, these processes are marked by a break with the Soviet system of preliminary investigation and the transition towards Western European standards, and in China by the development of the already existing model of criminal justice and mechanisms of “interrelations” between participants in criminal proceedings, as well as clear adherence to the reform adopted by the Communist Party of China. Thus, in order to determine the prospects for the development of the legislation of both countries, the author tries to relate the Russian and the Chinese system of organizing a preliminary investigation with certain models (archetypes) established in the science of the criminal process. As part of the study, the author comes to the conclusion that both the Russian and the Chinese models of pre-trial proceedings cannot be fully attributed to any existing archetype. These legal systems are an exclusive model based on the common traditions of the Soviet legal family, as well as the national characteristics. The author has also concluded that China is not trying to join the already established Western models of pre-trial

¹Victoria K. Zakharova, Candidate of Law, Special Inspector of the Department of Development of Educational and Material Base in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

For citing: Zakharova V. K. Some aspects of the historical development of the criminal process in the Russian Federation and the People’s Republic of China. The main directions of improving the organization of preliminary investigation in both countries // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 120–129.

proceedings, but following the experience of previous generations, taking into account the needs of the law enforcer and national interests, he has created a distinctive model.

Keywords: adversarial process, criminal process, People's Republic of China, traditional type, preliminary investigation organizations, public security organs of the People's Republic of China, People's Procuratorate of the People's Republic of China.

В настоящее время решение задач модернизации уголовного судопроизводства мотивирует законодателя Китая и России на проведение судебно-правовых реформ. Эти процессы сопровождаются использованием опыта западноевропейских стран и США в области организации уголовно-процессуальной деятельности, формирования соответствующих институтов. В обеих странах данный процесс проходит одновременно, но с разной степенью влияния на национальное законодательство.

Судебно-правовая реформа Китая проходит в русле уже существующей, заложенной советским правом системы уголовно-процессуальных отношений в соответствии с выработанными направлениями (например, решения 4-го пленума ЦК КПК КНР 18 созыва от 24.10.2014 г.) и основывается на национальных интересах. Бывший генеральный секретарь Центрального комитета КПК КНР Цзян Цзэминь отмечал, что подобные реформы «означают не изменение сущности нашего строя, а самоусовершенствование и развитие» с учётом китайской специфики. Рене Давид в своих исследованиях неоднократно подчёркивал, что в беседах с представителями Дальнего Востока следует учитывать, что образ мышления и понимание права и международных отношений совсем не такое, как на Западе [1, с. 12].

В современной России активная международно-правовая интеграция и привнесённые ею законодательные изменения сформировали тенденцию к сближению национальных правовых систем [2, с. 3]. В научной литературе уголовный процесс России принято относить к смешанной форме, сочетающей следственный и состязательный порядок [3, с. 71; 4, с. 200]. Интересна позиция В.Н. Махова о том, что уголовный процесс России, отличаясь от состязательного и обвинительного, представляет собой эксклюзивную форму [5, с. 11–12].

В этой части целесообразно дать характеристику китайскому уголовному процессу, используя данную типологию. До 1996 г. он мог быть отнесён к розыскному типу в чистом виде. Анализ норм УПК КНР (в ред. 2018 года) позволяет утверждать, что в настоящее время он может быть отнесён к смешанному типу, в котором основными чертами становятся: 1) разделение уголовного процесса на досудебное и судебное производство; 2) присутствие публичного интереса: большая часть уголовных дел представляют собой дела публичного обвинения; роль прекращения уголовного дела, предъявления, поддержания и отказа от предъявления

обвинения отдана народному прокурору; 3) активное участие органов предварительного следствия в производстве следственных действий и применении мер процессуального принуждения. Следователь органов общественной безопасности и прокурор, наделённый следственными полномочиями, обязаны собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства в целях установления материальной истины; 4) прокурор обладает исключительными полномочиями, включающими в себя общий надзор за производством предварительного следствия и оценку доказательств, предъявление обвинения и передачу уголовного дела в суд; 5) в судебных стадиях суд занимает активную позицию, обладая правом исследования доказательств: производства осмотра, освидетельствования, проведения экспертизы и допросов, а также правом блокировки счетов обвиняемых и наложения ареста на имущество (ст. 192 УПК КНР).

Ряд исследователей относят китайской уголовный процесс к традиционному типу, что обусловлено влиянием правовых традиций Древнего Китая, марксистско-ленинской идеологией, партийными установками [6; 7, с. 5; 8, р. 13, 9]. Авторитетные отечественные учёные – специалисты в области общей теории государства и права профессора А.В. Малько и А.Ю. Соломатин выделяют вполне самостоятельную «дальневосточную правовую семью», включая в неё КНР [10, с. 46].

За годы реформ и влияния западноевропейских институтов отечественный уголовный процесс утратил традиционные черты. В то же время УПК КНР, пойдя по пути либеральной модернизации, сохранил свой традиционный уклад.

Проведённый анализ позволил сделать следующие выводы: проникновение советского права в правовую систему Китая носило комплексный, организованный характер. В настоящее время интернационализация российского уголовно-процессуального права в китайскую правовую систему замедлилась, а обратных процессов не существовало вовсе.

Исходя из того, что уголовно-процессуальное право Китая и России имеет общие исторические корни и сходные этапы развития, целесообразно было бы рассмотреть и соотнести исторические модели организации предварительного следствия в Китае и России.

В науке уголовного процесса выделяют три модели досудебного производства, которые могут быть использованы при организации предварительного следствия в КНР и предварительного расследования в России: а) французскую модель; б) германскую модель; в) американскую модель.

Исторически российский уголовный процесс тяготел к французской модели. Данные положения нашли своё отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Данная модель характеризуется дифференциацией форм предварительного расследования, отнесением следователей к судебной власти (следственный судья), а института дознания – к полиции. Взаимоотношение прокурора со следственными

судьями определяется общими принципами взаимоотношения прокуроров с судебной властью. В то же время дознание остаётся полицейской деятельностью, что отражается в совершенно иной природе взаимоотношений прокуроров и полицейских дознавателей (надзор первых над вторыми).

Китайская система предварительного следствия также развивалась по французскому типу. После Синьхайской революции 1911–1913 гг. в Дачин люйли (Основные законы и постановления Великой династии Цин), регулирующие также сферу уголовного и уголовно-процессуального права, были внесены законодательные изменения, в основе которых лежали нормы Уголовно-процессуального кодекса Франции 1808 г.

С приходом советской власти в России и Китае существовавшая французская модель была забыта. Тем не менее, в обеих правовых системах сохраняются остаточные черты французской модели. Так, в Китае ст. 94 Уголовного кодекса (!) КНР гласит: «...в настоящем Кодексе под работниками органов юстиции понимаются лица, выполняющие служебные обязанности в качестве следователей, прокуроров, судей, экспертов». В связи с этим в уголовном процессе Китая существуют дискуссии по поводу определения природы следственных полномочий. Исходя из анализа указанной нормы УК КНР, известный китайский исследователь Ван Гошу пришёл к выводу, что следственные полномочия, прокурорский надзор и судебное производство принадлежат судебной власти [11, с. 231]. Цюй Фэн и У Цюмэй также отмечают, что народный суд, который наделён полномочиями по рассмотрению уголовного дела по существу, является представителем судебной власти. С учётом того, что все процессуальные мероприятия проводятся по уголовному делу с целью последующего рассмотрения в судебном заседании, то субъекты предварительного следствия также могут быть причислены к судебной власти [12, с. 3]. В том числе отражение французской модели проявляется в наделении прокурора КНР полномочиями по предъявлению и принятию итогового решения по уголовному делу, а также составлению итогового документа предварительного следствия.

В России же черты французской модели выражаются в разделении дознания и предварительного следствия.

Выражением причастности к германской модели является построение уголовного процесса России и КНР вокруг принципа «материальной истины», в силу которого прокурор и действующие под его руководством должностные лица обязаны расследовать дело всесторонне, полно и объективно, аккумулируя в материалах *единого* дела все собранные сведения безотносительно к тому, выгодны ли они обвинению или защите.

Как ни парадоксально, американская модель организации предварительного следствия в КНР находит своё отражение в следующих чертах: 1) органы общественной безопасности при производстве по уголовному делу контролируются со

стороны непосредственных руководителей, что свидетельствует о присутствии внутриведомственного контроля на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного следствия, а надзорные функции народной прокуратуры проявляются на стадии предъявления обвинения. Иными словами, при производстве предварительного следствия органы общественной безопасности отделены от прокуратуры. А прокуратура выступает фильтром между органами общественной безопасности и судом. Таким образом, данную модель можно охарактеризовать как систему «слабой прокуратуры» и «сильной полиции»; 2) как и в американской модели, народная прокуратура КНР является лишь органом предъявления обвинения и поддержания его в суде.

Нормы советского права, где следователь являлся представителем исполнительной власти, оказали влияние на аналогичный институт в КНР. В обеих странах следователь стал представителем исполнительной власти в органах внутренних дел (в органах общественной безопасности и народной прокуратуре). Исходя из ведомственной принадлежности следователей и прокуроров, наделённых следственными полномочиями, следователей органов общественной безопасности можно отнести к представителям исполнительной власти, а прокуроров, наделённых следственными полномочиями, к выделяемой в КНР четвёртой ветви власти – прокурорской. Профессор Пекинского университета Чэнь Юншэн в своих работах неоднократно подчёркивал мысль о том, что полномочия полиции являются полномочиями исполнительной власти. Органы общественной безопасности в целом не только не должны причисляться к судебной власти, судебные органы должны контролировать деятельность должностных лиц данного ведомства в ходе осуществления последними расследования преступлений [13].

Ещё раз подчеркнём, что уголовно-процессуальная модель предварительного расследования в Китае и России имеет одни исторические корни и сходные этапы развития. Однако ни та, ни другая модель не может быть отнесена к определённому архетипу, сложившемуся в науке уголовного процесса. Ввиду того, что правовые системы являются оригинальными моделями, основанными на общих традициях советской правовой семьи с присущими им национальными особенностями, то они могут быть отнесены к отдельному архетипу предварительного следствия с социалистической традицией. Примечательно, что Н. Н. Полянский и М. А. Чельцов-Бебутов ещё 50 лет назад отмечали своеобразие социалистического (советского) типа и даже выделили его как отдельную историческую форму [14, с. 5].

Тем не менее, за годы реформ и влияния западноевропейских институтов отечественный уголовный процесс стал терять традиционные черты. Мы можем констатировать особую схожесть уголовных процессов России и Китая на этапах, предшествовавших реализации положений Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991 г.). Китайский законодатель, пойдя по пути либеральной

модернизации УПК, не изменил своему традиционному укладу. Примечательно, что при проведении реформ китайский законодатель до сих пор «оглядывается» на опыт России как страны со схожими правовыми традициями [15].

В настоящее время изменения 2012 г. УПК КНР и ведомственных нормативно-правовых актов затронули в основном институт защиты и представительства, расширив полномочия защитника, представителя потерпевшего на стадии предварительного следствия; систему доказательств и подходов к исключению недопустимых доказательств; особенности использования интернет-технологий для оповещения заявителей и потерпевших о ходе рассмотрения заявления и расследования уголовного дела; создание системы аудио- и видеофиксации хода следственных действий, изменение системы мер процессуального принуждения с усилением прав подозреваемых. Кроме вышеперечисленного китайским законодателем предпринята попытка дифференциации форм уголовного процесса, в частности отдельных производств в отношении психически больных и несовершеннолетних подозреваемых. В целях борьбы с неправо судными приговорами и реализации концепции улучшения качества предварительного следствия в 2015 г. произошло перераспределение функций внутриведомственного контроля над деятельностью следователей с переходом на усиление контроля за качеством расследования преступлений (введение должности руководящего следователя).

В науке уголовного процесса Китая усилилось мнение о необходимости перехода к судебному санкционированию производства мер процессуального принуждения в виде заключения под стражу и наблюдения по месту жительства и таких следственных действий, как обыск по месту жительства, выемка. Ряд учёных видят необходимость создания единого судебного органа, который бы также осуществлял контроль за законностью в досудебном производстве. Таким образом, в Китае реформирование идёт по пути совершенствования уже сложившейся системы с учётом опыта зарубежных стран. Таким образом, в отличие от нашего отечественного законодателя, он не пытается примкнуть к уже сложившимся западным моделям досудебного производства, а следует опыту предыдущих поколений, а формируя систему органов предварительного следствия, следует своей собственной модели, основанной на древнекитайских философско-правовых концепциях, законодательных традициях, и с учётом потребностей правоприменителя.

Подводя итог, отметим, когда процесс реформирования уголовно-процессуальных норм становится политическим требованием, необходимость приведения национального законодательства к общеевропейским стандартам является стандартом законотворчества, важно чётко следовать национальным интересам, собственным правовым традициям и требованиям правоприменителя. В связи с этим можно отметить, что китайский законодатель прекрасно справляется с поставленной задачей.

Список литературы

1. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – Москва : Международные отношения, 2009. – 453 с.
2. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Г. Стойко. – Санкт-Петербург, 2009. – 56 с.
3. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И. Я. Фойницкий. – Изд. 4-е. – Санкт-Петербург : Тип. «Общественная польза», 1912. – 579 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1278 с.
5. Махов, В. Н. К вопросу о типах (формах) уголовного процесса // Российский судья. – 2016. – № 9. – С. 8–11.
6. Смирнов, А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Альфа, 2001. – 315 с.
7. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств : учебное пособие / К. Б. Калиновский. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – 48 с.
8. Isroilovich, K. Historical-legal analyze of main forms of criminal legal proceedings ancient India and China // Journal of Social Sciences & Humanities Research. – 2015. – Vol. 1, iss. 2. – P. 1–3.
9. Farah, P. D. The Influence of confucianism on the construction of the Chinese political and juridical system. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1288392 (дата обращения: 27.05.2019).
10. Сравнительное правоведение : юридический словарь-справочник / под ред. А. В. Малько, А. Ю. Саломатина. – Москва : Проспект, 2017. – 115 с.
11. 王国枢. 刑事诉讼法学 / 王国枢. – 北京 : 北京大学出版社, 1999 年. – 页数331. – Ван Гошу. Уголовно-процессуальный закон / Ван Гошу. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2013. – 331 с.
12. 瞿丰. 侦查权若干问题研究 / 瞿丰、吴秋玫 // 中国人民公安大学学报. – 2002 年. – 第 5 期. – 第 32 页 – URL: <http://www.ixueshu.com/document/54029720baa9b912318947a18e7f9386.html> (дата обращения: 11.09.2019). – Цюй Фэн. О некоторых вопросах реализации полномочий по расследованию уголовных дел / Цюй Фэн, У Цюймэй // Вестник университета общественной безопасности КНР. – 2002. – № 5. – С. 32.
13. 陈永生. 论侦查权的性质与特征 // 法制与社会发展. – 2003 年. – 第 2 期. – Чэнь Юншэн. О характере и особенностях следственных полномочий // Правовая система и социальное развитие. – 2003. – № 2. – URL: <http://xueshu.baidu.com/s?wd=paperuri%3A%284199226726a60618cd54ce332c25e5c6>

%29&filter=sc_long_sign&tn=SE_xueshusource_2kduw22v&sc_vurl=http%3A%2F%2Fjournal.chinalawinfo.com%2FArticle_Info.asp%3Fid%3D21392&ie=utf-8&sc_us=8326762467369549361 (дата обращения: 07.06.2019).

14. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 222 с.

15. 李记松. 论公安机关经侦部门管辖的经济犯罪案件初查制度之确立. 高爽 (吉林公安高等专科学校) // 中国人民公安大学学报. – 2004 年. – 第 4 期. – 第 55–57 页. – Ли Цзисун. Создание системы расследования экономических преступлений органами общественной безопасности // Журнал Академии общественной безопасности г. Цзилинь. – 2004. – № 4. – С. 55–57. – URL: <http://www.doc88.com/p-5109504750570.html> (дата обращения: 11.06.2019).

References

1. David R., Joffre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic legal systems of our time]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. 453 p.

2. Stoiko N.G. *Ugolovnyi protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoi i ro-mano-germanskoj pravovykh sistem* [The criminal process of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Roman-German legal systems]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Synopsis. – St. Petersburg, 2009. 56 p.

3. Foinitsky I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Course of criminal proceedings]. Vol. 1. 4th ed. St. Petersburg: Printing House «Obshchestvennaya pol'za», 1912. 579 p.

4. Golovko L.V., ed. *Kurs ugolovnogo protsessa* [The course of the criminal process]. Moscow: Statut Publ., 2016. 1278 p.

5. Makhov V.N. K voprosu o tipakh (formakh) ugolovnogo protsessa [On the question of the types (forms) of the criminal process]. *Rossiiskii sud'ya*, 2016, vol. 9, pp. 8–11.

6. Smirnov A.V. *Sostyazatel'nyi protsess* [Competitive process]. St. Petersburg: Alpha Publ., 2001. 315 p.

7. Kalinovsky K.B. *Ugolovnyi protsess sovremennykh zarubezhnykh gosudarstv: uchebnoe posobie* [The criminal process of modern foreign states: a training manual]. Petrozavodsk: Publishing House of PetrSU, 2000. 48 p.

8. Isroilovich K. Historical-legal analyze of main forms of criminal legal proceedings ancient India and China. *Journal of Social Sciences & Humanities Research*, 2015, vol. 1, iss. 2, pp. 1–3.

9. Farah P.D. The Influence of confucianism on the construction of the Chinese political and juridical system. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1288392 (accessed 27 May 2019).

10. Malko A.V., Salomatin A.Yu., eds. *Sravnitel'noe pravovedenie: yuridicheskii slovar'-spravochnik* [Comparative jurisprudence: a legal dictionary-reference book]. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 115 p.
11. Wang Guoshu. *Criminal Procedure Law*. Beijing: Peking University Press, 2013. 331 p. (In Chinese).
12. Qu Feng, Wu Tsumei. On some issues of the implementation of powers to investigate criminal cases. *Bulletin of the University of Public Security of the PRC*, 2002, vol. 5, pp. 32. Available at: <http://www.ixueshu.com/document/54029720baa9b912318947a18e7f9386.html> (accessed 11 September 2019).
13. Chen Yongsheng. On the nature and features of investigative powers. *Legal system and social development*, 2003, no. 2. Available at: http://xueshu.baidu.com/s?wd=paperuri%3A%284199226726a60618cd54ce332c25e5c6%29&filter=sc_long_sign&tn=SE_xueshusource_2kduw22v&sc_vurl=http%3A%2F%2Fjournal.chinalawinfo.com%2FArticle_Info.asp%3Fid%3D21392&ie=utf-8&sc_us=8326762467369549361 (accessed 07 June 2019).
14. Smirnov A.V. *Modeli ugovnogo protsessa* [Models of the criminal process]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. 222 p.
15. Li Jisong. Creating a system for investigating economic crimes by public security organs. *Journal of the Academy of Public Security in Jilin*, 2004, no. 4, p. 55–57. Available at: <http://www.doc88.com/p-5109504750570.html> (accessed 11 June 2019).

УДК 343.34:004(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/130-139

Р. И. Дремлюга¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

С. С. Зотов²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zotov.ss@dvfu.ru

В. Ю. Павлинская³

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: pavlinskaia.viu@students.dvfu.ru

КРИТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА*

Аннотация. Российская Федерация взяла курс на активную цифровизацию экономики, государства и общества. Одной из основных угроз такого интенсивного внедрения использования информационных систем является возрастающий риск кибератак. Информационная инфраструктура неоднородна, и особого внимания заслуживают объекты, имеющие критическое значение для нормального функционирования государства и общества. Такие объекты законодатель определил как объекты критической информационной инфраструктуры (КИИ). В статье рассматривается критическая информационная структура как предмет преступного посягательства. В ходе исследования выявлены недочёты формулирования статьи 274.1 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за неправомерное воздей-

¹ Роман Игоревич Дремлюга, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Сергей Сергеевич Зотов, заведующий лабораторией информационной безопасности Школы естественных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

³ Павлинская Валерия Юрьевна, студент Школы цифровой экономики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Дремлюга Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 130–139.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-29-16129.

ствии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. В статье 274.1 УК РФ представлены три формы неправомерного посягательства на компьютерные системы и сети: неправомерный доступ, создание и распространение вредоносных программ, нарушение правил эксплуатации компьютерных систем и сетей. Данные деяния уже уголовно наказуемы согласно ст. 272, ст. 273, ст. 274 УК РФ, если совершены против любых компьютерных систем. Таким образом ключевой дефиницией для отграничения ст. 274.1 УК РФ от других составов статей главы 28 УК РФ является «критическая информационная инфраструктура». В работе показано, что установление на практике отношения предмета посягательства к КИИ может вызвать значительные затруднения. Выявлено, что ч. 1. ст. 274.1 УК РФ может быть неправильно квалифицирована, так как большинство вредоносных средств имеют широкий спектр применения и скорее всего могут применяться, в том числе, и против объектов критической инфраструктуры. Авторы приходят к выводу, что относимость объектов информационной инфраструктуры к критической по их отраслевой, структурной, политической ценности без учёта характеристик информации, с которой работает объект, противоречит парадигме цифровизации экономики. В концепции «цифровой экономики» информация – это основная ценность и продукт производства. Следовательно, ключевым фактором, учитываемым при квалификации и назначении наказания, должна являться информация, на которую посягают.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, киберпреступность, преступления в сфере компьютерной информации, предмет преступления, квалификация преступных деяний.

R. I. Dremluga¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

S. S. Zotov², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: zotov.ss@dvfu.ru

V. Yu. Pavlinskaya³, Vladivostok, Russia
E-mail: pavlinskaia.viu@students.dvfu.ru

CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE AS OBJECT OF A CRIMINAL OFFENCE

Abstract. The Russian Federation is committed to active digitalization of the economy, state and society. One of the main threats to such intensive implementation of information systems is the increasing risk of cyber attacks. The information infrastructure is heterogeneous; the objects critical to the normal functioning of the state and society deserve special attention. Such objects are defined by the legislator as objects of critical information infrastructure (CII). The article considers a critical information structure as a subject of criminal encroachment. In the course of the research the formulation drawbacks of article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation establishing criminal liability for illegal influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation were revealed. Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation presents three forms of illegal encroachment on computer systems and networks illegal access, creation and distribution of harmful programs, violation of rules of operation of computer systems and networks. These acts are already criminally punishable under Art. 272, Art. 273, Art. 274 of the Criminal Code of the Russian Federation if committed against any computer systems. Thus, the key definition for the delimitation of Art. 274.1. of the Criminal Code of the Russian Federation from other articles of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation is «critical information infrastructure». This paper shows that the establishment in practice of the attitude of the object of the encroachment on the CII can cause significant difficulties. It is revealed that part 1. Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation can be qualified incorrectly, as the majority of malicious software have a wide range of applications and most likely can also

¹ Roman I. Dremluga, PhD in Law, Associate Professor of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Sergey S. Zotov, Head of the Information Security Laboratory, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Valeria Y. Pavlinskaya, student of the School of Digital Economics, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Dremluga R. I., Zotov S. S., Pavlinskaya V. Yu. Critical informational infrastructure as object of a criminal offence // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 130–139.

be used against critical infrastructure objects. The authors come to the conclusion that the relativity of information infrastructure objects to the critical in their sectoral, structural, political value without taking into account the characteristics of computer information with which the object operates contradicts the paradigm of digitalization of the economy. Information is the main value and product in the concept of «digital economy». Therefore, the information that is being encroached upon is the key factor to be taken into account in qualifying and punishing.

Keywords: critical information infrastructure, cybercrime, crimes in the field of computer information, object of crime, qualification of criminal acts.

Как показывает мировая практика, для развития цифровой экономики в Российской Федерации необходимо внедрение новых подходов в регулирование общественных отношений, осуществляемых посредством информационных технологий [8, 9]. При переходе к цифровой экономике происходят принципиальные изменения в структуре всех общественных отношений, их объектно-субъектного состава и условий реализации [6]. Одним из центральных элементов российской государственной политики по созданию условий для устойчивого развития цифровой экономики является обеспечение информационной безопасности государства и общества [4].

В новой модели функционирования государства и общества огромную роль занимают объекты информационной инфраструктуры, так как они обеспечивают устойчивое развитие цифровизации. Следует отметить, что информационная инфраструктура государства неоднородна, и прежде всего необходимо обеспечивать безопасность точек, сбой в работе которых способен существенно повлиять на стабильность функционирования общества и государства. Чаще всего такие узлы информационной инфраструктуры называют «критической информационной инфраструктурой».

Впервые термин критическая инфраструктура был использован в утверждённых Президентом России 3 февраля 2012 г. Основных направлениях государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации [2]. В данном документе критическая инфраструктура определяется как «совокупность автоматизированных систем управления критически важных объектов и обеспечивающих их взаимодействие информационно-телекоммуникационных сетей, предназначенных для решения задач государственного управления, обеспечения обороноспособности, безопасности и правопорядка, нарушение (или прекращение) функционирования которых может стать причиной наступления тяжких последствий» [2]. Указанный до-

кумент официально обозначил принцип особых мер защиты для отдельных объектов информационной инфраструктуры.

В актуальной трактовке дефиниция «критическая информационная инфраструктура» появилась в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [5]. Схожее определение даётся в Федеральном законе «О безопасности критической информационной структуры Российской Федерации» [1].

Понимая ценность защиты критической информационной инфраструктуры, законодатель признал посягательства и неправомерное воздействие на неё уголовно наказуемыми. Федеральным законом от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» были внесены изменения в уголовный кодекс Российской Федерации, в котором появилась Статья 274.1. «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Фактически в статье 274.1 УК РФ представлены три формы неправомерного посягательства на компьютерные системы и сети: неправомерный доступ, создание и распространение вредоносных программ, нарушение правил эксплуатации компьютерных систем и сетей. Данные деяния уже уголовно наказуемы, так за неправомерный доступ уголовная ответственность устанавливается ст. 272 УК РФ. Распространение вредоносных программ подлежит уголовной ответственности согласно ст. 273 УК РФ. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей – это, согласно ст. 274 УК РФ, преступление.

Согласно ст. 274.1 УК РФ уголовная ответственность устанавливается за такие же деяния, которые перечислены в ст. 272, 273, 274 УК РФ, но все эти деяния должны быть направлены против объектов критической информационной инфраструктуры. Таким образом, ключевой дефиницией для отграничения ст. 274.1 УК РФ от других составов статей Главы 28 УК РФ является «критическая информационная инфраструктура».

В тексте Уголовного кодекса Российской Федерации не даётся определение термина «критическая информационная инфраструктура». Анализируемые уголовно-правовые нормы, сформулированные в ст. 274.1 К РФ, имеют бланкетный характер, что предполагает обязательное обращение к другому акту. Дефиниция официально определяется другим нормативным актом, специально посвящённым безопасности критической информационной инфраструктуры.

В Федеральном законе от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» даются определения

критической информационной инфраструктуры, объектов критической информационной инфраструктуры и субъектов критической информационной инфраструктуры. Так, критическая информационная инфраструктура определяется в ст. 2 указанного закона как «объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов». В свою очередь, среди объектов КИИ могут быть: информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, которые принадлежат субъектам критической информационной инфраструктуры либо используются ими.

Таким образом, законодатель обозначает, что любые компьютерные системы или сети, принадлежащие субъектам категории «субъект критической информационной инфраструктуры», являются объектом критической информационной инфраструктуры.

Федеральный закон № 187-ФЗ также устанавливает критерии категорирования объектов информационной инфраструктуры. Условно критерии могут быть сгруппированы в пять направлений: социальная значимость, политическая значимость, экономическая значимость, экологическая значимость и значимость для безопасности.

Правила категорирования утверждены Постановлением Правительства РФ от 08.02.2018 № 127 (ред. от 13.04.2019) «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений» [3]. Согласно «правилам», любому объекту в результате категорирования присваивается одна из трёх категорий значимости: от III-й, самой не значимой, до I-й, с высшей значимостью.

Несмотря на то, что по сути категория объекта КИИ косвенно отражает общественную опасность преступного посягательства на определённый объект критической информационной инфраструктуры, в тексте уголовного кодекса это никак не отражено. В ст. 274.1 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков традиционно используются тяжесть последствий деяния и формы соучастия.

Некоторые авторы отмечают, что установление на практике отношения предмета посягательства к КИИ может вызвать значительные затруднения [7]. Например, ч. 1 ст. 274.1 УК РФ сформулирована как «создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, в том числе для уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации, содержащейся в ней, или нейтрализации средств защиты указанной информации». Следует отметить, что большинство вредоносных средств имеют широкий спектр применения и

скорее всего могут применяться, в том числе, и против объектов критической инфраструктуры.

Создание же вредоносных программ именно для посягательства на определённые объекты маловероятно, и предназначение может быть установлено только в случае уникальных свойств киберзащиты. Таким образом, при широкой трактовке «предназначенности» вредоносной программы под действие ст. 274.1 УК РФ будут подпадать практически любые вредоносные программы, так как большинство программ может быть применено против объектов КИИ. При узкой трактовке очень сложно найти средство (вредоносную программу), которое специально разработано под отдельный объект КИИ.

Объект информационной инфраструктуры может быть отнесён к критическому после внесения его в реестр значимых объектов критической информационной инфраструктуры (ст. 8 № 187-ФЗ).

Если оценить эту законодательную конструкцию по определению и отнесению к объектам КИИ с точки зрения Цифровой экономики, то возникает очевидный вопрос: как в цифровом мире, где компьютерные системы и сети так или иначе связаны друг с другом, выделить какой-либо объект или сеть? Провести границу, где начинается одна информационная инфраструктура и заканчивается другая, достаточно сложно.

Основной ценностью в обществе цифровой экономики является «компьютерная информация», а все социальные отношения рассматриваются через призму информационных потоков. Подход ст. 274.1 УК РФ противоречит идеологии работы с данными в цифровом государстве и обществе. Ценность объекта или общественная опасность деяния должна оцениваться с позиции характеристик информации, которую объект информационной инфраструктуры обрабатывает, хранит или защищает. В законе же используется старый подход, когда информация или какой-либо информационный объект искусственно размечен как охраняемый законом или критический.

Подводя итоги, отметим, что объекты критической информационной инфраструктуры действительно требуют особой уголовно-правовой охраны. Концептуально решение о введении в уголовный кодекс статьи, направленной на привлечение к уголовной ответственности лиц, посягающих на объекты информационной инфраструктуры особой значимости, обосновано. Вопросы вызывает определение самого предмета посягательства. Во-первых, при привлечении к уголовной ответственности за разработку вредоносных программ сложно выделить программы, которые заведомо направлены против объектов критической инфраструктуры. Преимущественно для защиты и функционирования объектов критической информационной инфраструктуры используются широко распространённые программные продукты.

Во-вторых, относимость объектов информационной инфраструктуры к критической по их отраслевой, структурной, политической ценности без учёта характеристик информации, с которой работает объект, противоречит парадигме цифровизации экономики. В концепции «цифровой экономики» информация – это основная ценность и продукт производства. Следовательно, ключевым фактором, учитываемым при квалификации и назначении наказания, должна являться информация, на которую посягают. Законодатель пошёл другим путём и просто «окрасил» некоторые объекты информационной инфраструктуры как критические. По мере того как в России будет внедряться цифровая экономика, т. е. развиваться общественные отношения, связанные с оборотом и производством информации, решение, принятое законодателем, всё больше не будет отвечать реальности.

Список литературы

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 25.08.2019).

2. Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации : утв. Президентом РФ 3 февраля 2012 г. № 803. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document113/> (дата обращения: 25.08.2019).

3. Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений : постановление Правительства РФ от 8 февраля 2018 г. № 127 : ред. от 13 апреля 2019 г. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71776120/> (дата обращения: 25.08.2019).

4. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 25.08.2019).

5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – 15 мая, № 20. – Ст. 2901.

6. Лопатин, В. Н. Информационная безопасность в электронном государстве // Информационное право. – 2018. – № 2. – С. 14–19.

7. Решетников, А. Ю. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации

Федерации (ст. 274.1 УК России) / А. Ю. Решетников, Е. А. Русскевич // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2018. – № 2. – С. 51–55.

8. Ali M. A., Hoque M. R., Alam K. An empirical investigation of the relationship between e-government development and the digital economy: the case of Asian countries // *Journal of Knowledge Management.* – 2018. – Vol. 22, iss. 5. – URL: <https://www.emeraldinsight.com/doi/abs/10.1108/JKM-10-2017-0477> (дата обращения: 25.08.2019).

9. Linkov, I. Governance strategies for a sustainable digital world / I. Linkov, B. D. Trump, K. Poinsatte-Jones. – DOI 10.3390/su10020440 // *Sustainability (Switzerland).* – 2018. – Vol. 10, iss. 2. – P. 440. – URL: <http://www.mdpi.com/2071-1050/10/2/440/htm> (дата обращения: 25.08.2019).

References

1. *On the security of critical information infrastructure of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of July 26, 2017 No. 187-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (accessed 25 August 2019). (In Russian).

2. *The main directions of state policy in the field of ensuring the security of automated control systems for production and technological processes of critical infrastructure of the Russian Federation: approved. The President of the Russian Federation on February 3, 2012 No. 803.* Available at: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document113/> (accessed 25 August 2019). (In Russian).

3. *On approval of the Rules for categorizing objects of critical information infrastructure of the Russian Federation, as well as a list of indicators of criteria for the importance of objects of critical information infrastructure of the Russian Federation and their values: Decree of the Government of the Russian Federation of February 8, 2018 No. 127: ed. from April 13, 2019.* Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71776120/> (accessed 25 August 2019). (In Russian).

4. *On approval of the Digital Economy of the Russian Federation program: Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-p.* Available at: <http://government.ru/docs/28653/> (accessed 25 August 2019). (In Russian).

5. *About the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030 : Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203. Collection of the legislation of the Russian Federation, 2017, May 15, no. 20, art. 2901.* (In Russian).

6. Lopatin V.N. *Informatsionnaya bezopasnost' v elektronnom gosudarstve [Information security in the electronic state]. Informatsionnoe pravo, 2018, no. 2, pp. 14–19.*

7. Reshetnikov A.Yu., Russkevich E.A. *Ob ugovolnoi otvetstvennosti za nepravomernoe vozdeistvie na kriticheskuyu informatsionnuyu infrastrukturu Rossiiskoi*

Federatsii (st. 274.1 UK Rossii) [On criminal liability for unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of Russia)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 2, pp. 51–55.

8. Ali M. A., Hoque M. R., Alam K. An Empirical Investigation of the Relationship Between E-Government Development and the Digital Economy: the Case of Asian Countries. *Journal of Knowledge Management*, 2018, vol. 22, iss. 5. Available at: <https://www.emeraldinsight.com/doi/abs/10.1108/JKM-10-2017-0477> (accessed 25 August 2019).

9. Linkov I., Trump B. D., Poinatte-Jones K. Governance Strategies for a Sustainable Digital World. *Sustainability (Switzerland)*, 2018, vol. 10, iss. 2. Available at: <http://www.mdpi.com/2071-1050/10/2/440/htm> (accessed 25 August 2019).

УДК 347.77(100)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/140-151

А. П. Рабец¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: anita_trof@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАНИЙ В КАЧЕСТВЕ НОВЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей правовой охраны географических обозначений на международном и национальном уровнях. В связи с введением в РФ в 2020 г. правовой охраны географических указаний анализируются признаки и особенности данного средства индивидуализации. Отмечено установление правовой охраны географических указаний посредством предоставления прав особого рода. Обращено внимание на соотношение наименований мест происхождения товаров и географических указаний. Общим для этих символов является то, что они принадлежат к средствам обозначения изделий, свидетельствующим о стране, местности, другом географическом объекте происхождения товара. Указанные географические обозначения обладают индивидуализирующей, рекламной, информативной функциями, должны быть истинными и не вводить в заблуждение потребителей. Сделан вывод, что географические указания и наименования мест происхождения товаров соотносятся как род и вид. Кроме того, в статье анализируется правовой режим указаний происхождения товаров, которые в настоящее время законодательство не рассматривает в качестве самостоятельного объекта интеллектуальной собственности. Их охрана в РФ осуществляется косвенным путём, то есть путём запрещения использования ложных или способных ввести в заблуждение обозначений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; средства индивидуализации; исключительное право; интеллектуальные права; указания происхождения товаров; географические указания; наименования мест происхождения товаров; регистрационный принцип; географический объект.

¹ Анна Петровна Рабец, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Рабец А. П. О некоторых аспектах правовой охраны географических указаний в качестве новых объектов интеллектуальных прав // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 140–151.

Anna P. Rabets¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: anita_trof@mail.ru

SOME ASPECTS OF LEGAL PROTECTION OF GEOGRAPHICAL INDICATIONS AS NEW INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

Abstract. The article reviews the questions concerning the features of legal protection of geographical designations at the international and national levels. Features and signs of this means of individualization have been analyzed in connection with the introduction in the Russian Federation in 2020 of legal protection of geographical instructions. Establishment of legal protection of geographical instructions by means of granting special type of rights is noted. The attention is paid to the ratio of names of places, goods and geographical instructions. The general feature of these symbols is that they belong to the means of designation of products testifying to the country, the area, other geographical objects of goods origin. The specified geographical designations possess the individualizing, advertizing, informative functions, have to be true and not mislead consumers. The conclusion is drawn that geographical indications and names of places of goods origin correspond as a sort and a kind. Besides, the article analyzes the legal regime of indications of goods origin which are not considered in the legislation as an independent intellectual property item. Their protection in the Russian Federation is carried out indirectly that is by prohibition of using false or misleading designations.

Keywords. Intellectual property; means of individualization; exclusive right; intellectual rights; indications of goods origin; geographical instructions; names of places of goods origin; registration principle; geographical object.

Средства индивидуализации товаров, услуг, используемые предпринимателями для привлечения потребителей, являются эффективным механизмом развития экономических отношений. В современный период возрастает значение специфических средств индивидуализации товаров, указывающих на связь продукции с географическим регионом. Использование географических обозначений позволяет успешно развивать экономику определённых регионов страны, а также повышать престиж национальных производителей в России и за рубежом.

¹ Anna P. Rabets, Ph.D. (Law), Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Civil Law and Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Rabets A. P. Some aspects of the legal protection of geographical indications as new intellectual property objects // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 2. P. 140–151.

В настоящее время охрана географических обозначений на международном уровне осуществляется посредством многосторонних, региональных и двусторонних соглашений. Анализ международных договоров и иных международных актов позволяет сделать вывод о том, что к географическим обозначениям можно отнести «указания происхождения товаров», «наименования мест происхождения товаров» и «географические указания».

Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. [3] (статья 1 (2)) содержит термин «указания происхождения», однако не раскрывает его содержания. Комментируя указанную Конвенцию, Г. Боденхаузен отмечал, что под указаниями происхождения понимаются «все выражения или все знаки, используемые для того, чтобы показать, что данный продукт произведён определённой страной или группой стран, в конкретном районе или ином определённом месте» [13, с. 33]. Примером указания происхождения может служить надпись на этикетке «сделано в Приморском крае».

Указания происхождения товаров в настоящее время законодательство не рассматривает в качестве самостоятельного объекта интеллектуальной собственности. Их охрана в РФ осуществляется косвенным путём, то есть путём запрещения использования ложных или способных ввести в заблуждение указаний. В соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. 18 июля 2019 г.) «О защите конкуренции» [6] (статья 14.2) не допускается недобросовестная конкуренция путём введения в заблуждение, в том числе в отношении ... места производства товара, предлагаемого к продаже. Место производства может означать как страну, так и более узкий географический объект, на территории которого осуществляется производство товара [10].

В правовой литературе высказано мнение, согласно которому указание происхождения ввиду отсутствия индивидуализирующих признаков должно являться не объектом промышленной собственности, а дополнительным механизмом защиты прав участников производственно-торговых отношений, используемым преимущественно в сфере защиты конкуренции и защиты прав потребителей [14, с. 14–15]. Учитывая, что в настоящее время указания происхождения представляют собой лишь информацию о месте нахождения изготовителя или продавца товара, с указанной точкой зрения можно согласиться.

Международно-правовая охрана наименований мест происхождения товаров (далее – НМПТ) установлена Лиссабонским соглашением об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации» от 31 октября 1958 г. [1]. В России правовая охрана НМПТ была впервые введена Законом РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 [8]. В данный момент охрана НМПТ регламентируется четвёртой частью ГК РФ (глава 76).

Согласно статье 1516 ГК РФ наименованием места происхождения товара, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращённое наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, а также обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. Большинство НМПТ в нашей стране зарегистрировано в отношении минеральной воды (ЕССЕНТУКИ, ПОЛЮСТРОВО и др.). Кроме того, данными средствами индивидуализации обозначают мраморы, сыр, художественные изделия (например, УФАЛЕЙСКИЙ МРАМОР, ГЖЕЛЬ).

Наконец, охрана географических указаний на международном уровне предусмотрена Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)¹ от 15 апреля 1994 г. [4], участником которого РФ стала, присоединившись к ВТО. Согласно статье 22 указанного документа географические указания представляют собой «обозначения, которые идентифицируют товар как происходящий с территории, или региона, или местности на этой территории, где определённое качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением».

Кроме того, понятие географического указания нашло отражение в Женевском акте Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях от 20 мая 2015 г.² (далее – Женевский акт) [2]. В соответствии с Женевским актом (статья 2 (1) (ii)) под географическим указанием понимается любое указание, охраняемое в договаривающейся стороне происхождения и являющееся названием географического района или иного указания, известного как указание на такой район, или содержащего такое название или такое иное указание, которое идентифицирует товар как происходящий из этого географического района, когда определённое качество, репутация или иное свойство товара обусловлены главным образом его географическим происхождением.

В настоящее время решается вопрос о возможности и целесообразности участия России в Женевском акте Лиссабонского соглашения [см.: 9]. Более того, в последние годы встал вопрос о необходимости модернизации российского законодательства в рассматриваемой области и приведении его в соответствие с международными стандартами. В частности, в связи со вступлением в ВТО у России возникли обязательства по введению правовой охраны «географических указаний», а также закреплению соотношения разновидностей географических обозначений на законодательном уровне.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_239.pdf.

Проблемы соотношения разных видов географических обозначений, а также столкновения прав на них возникают и в отечественной судебной практике. Например, в Определении Верховного Суда РФ от 22 апреля 2016 г. № 304-КГ15-17805 по делу № А03-24423/2014 отмечено, что «указание в заявке только страны происхождения товара «Российская Федерация» не является указанием места происхождения товара в том значении, которое установлено для данного термина в статье 1516 ГК РФ... В рассматриваемом споре отсутствие в заявке наименования места происхождения товара и наименования производителя товара привело к невозможности идентифицировать товар, как происходящий с территории определённого географического объекта, связанной с местом его производства или с определённым производителем» [11]. Полагаем, что в данном контексте речь идёт скорее о географическом указании, а не о НМПТ.

В свою очередь, столкновение прав на НМПТ и указания происхождения товара иллюстрирует судебный спор между ООО «СКИТ» (правообладатель НМПТ «ШМАКОВКА») и производителем минеральной воды ООО «ТПК Востокпродмаркет филиал Кировский», использующим на этикетках продукции обозначение «Курорт Шмаковка» (Шмаковское месторождение) и производящим товар в границах географического объекта «Шмаковское месторождение минеральных вод» [см.: 12].

Вышеуказанные причины побудили законодателя внести изменения в ГК РФ, расширив перечень средств индивидуализации за счёт введения правовой охраны географических указаний.

Заметим, что в ГК РФ изначально закреплён подход, основанный на установлении замкнутого перечня результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. По мнению М.А. Федотова, перечислением объектов интеллектуальной собственности в виде закрытого перечня презюмируется принципиальная невозможность появления новых видов интеллектуального продукта [15, с. 8–10]. Согласно иной точке зрения, «при появлении какого-либо нового вида результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в случае признания необходимости его правовой охраны соответствующий перечень может быть расширен с одновременным закреплением в ГК РФ норм, регламентирующих охрану прав, возникающих в отношении такого объекта» [16, с. 4].

Анализ Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»» (далее ФЗ № 230) [7] позволяет сделать вывод о том, что законодатель пошёл по второму пути, закрепив в п. 14.1 п. 1 статьи 1225 ГК РФ новый объект интеллектуальных прав – географические указания и введя специальные нормы, регулирующие правовой режим геогра-

фических указаний, в параграф 3 Главы 76 ГК РФ¹. Согласно п. 1 статьи 1516 ГК РФ (в ред. ФЗ № 230) географическим указанием, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определённое качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением (характеристики товара). На территории данного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, оказывающая существенное влияние на формирование характеристик товара. Так, к географическим указаниям можно отнести обозначения: байкальский омуль, якутские алмазы, камчатский краб и другие.

Исследование параграфа 3 Главы 76 ГК РФ «Право на географическое указание и наименование места происхождения товара» (в ред. ФЗ № 230) позволяет сделать вывод, что географические указания и НМПТ являются близкими по правовой природе обозначениями. Общим для этих символов является то, что они принадлежат к средствам обозначения изделий, свидетельствующим о стране, местности, другом географическом объекте происхождения товара. Указанные географические обозначения обладают индивидуализирующей, рекламной, информативной функциями, должны быть истинными и не вводить в заблуждение потребителей. Таким образом, географические указания включаются законодателем, наряду с другими обозначениями товаров, в группу средств индивидуализации.

Кроме того, не допускается регистрация географических указаний и НМПТ, вошедших в РФ во всеобщее употребление как обозначения товаров определённого вида, не связанных с местом их производства. Нанесение на товар определённого географического названия может влиять на его способность конкурировать с аналогичными товарами других изготовителей.

В соответствии со статьёй 1517 ГК РФ (в ред. ФЗ № 230) на оба рассматриваемых средства индивидуализации устанавливается исключительное право, имеющее, по общему правилу, территориальную сферу действия. При этом исключительное право на географическое указание или НМПТ действует в течение десяти лет со дня подачи заявки на указанные объекты в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (статья 1531 ГК РФ в ред. ФЗ № 230).

В основу правовой охраны как НМПТ, так и географического указания положен регистрационный принцип (статья 1518 ГК РФ в ред. ФЗ № 230), а формой правовой охраны является свидетельство об исключительном праве (статья 1530 ГК РФ в ред. ФЗ № 230).

¹ Заметим, что изменения в ГК РФ внесены с учётом положений Женевского акта. Так, практически полностью заимствовано понятие географического указания, введён регистрационный принцип его правовой охраны и т.д.

Таким образом, отечественный законодатель установил охрану географических указаний посредством предоставления так называемых прав особого рода (*sui generis systems*). Указанная система защиты основана на специальной регистрации в уполномоченном национальном органе. При этом заявление о регистрации должно содержать указание границ географического региона, откуда продукт происходит; описание свойств продукта, его качества; стандарты продуктов, которые правообладатели (пользователи) должны соблюдать. Кроме того, рассматриваемая система охраны обычно требует последующего контроля за соблюдением установленных предписаний пользователем географического указания [17, с. 298–299]. Следует отметить, что подобные требования нашли отражение в обновлённом гражданском законодательстве России (статья 1522, абз. 3 п. 1 статьи 1516 ГК РФ в ред. ФЗ № 230).

При этом к субъектам исключительного права на географическое указание и НМПТ закон относит физических, юридических лиц, а также ассоциацию (союз) или иное объединение лиц, создание и деятельность которого не противоречат законодательству страны происхождения товара (п. 1 статьи 1518 ГК РФ в ред. ФЗ № 230). Учитывая, что на территории географического объекта должны осуществляться стадии производства товара, полагаем, что к субъектам исключительного права на рассматриваемые обозначения необходимо относить лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Заметим, что в силу объективного существования географического объекта указанием на него вправе пользоваться любой субъект-предприниматель, при условии, что результаты его производственной деятельности связаны с конкретным географическим местом и географическое указание (НМПТ) зарегистрировано в установленном порядке. Таким образом, по юридической природе право на географическое указание (НМПТ) является скорее «квазиисключительным».

Существуют и иные черты сходства рассматриваемых символов, ибо согласно п. 3 статьи 1516 ГК РФ в ред. ФЗ № 230 «правила настоящего Кодекса о географических указаниях применяются к наименованиям мест происхождения товаров, если иное не установлено настоящим Кодексом». Так, у правообладателей отсутствует возможность распоряжения правом на указанные объекты (п. 6 статьи 1519 ГК РФ в ред. ФЗ № 230), если совпадают способы использования географических указаний и НМПТ.

Таким образом, можно сделать вывод, что географические указания и НМПТ соотносятся как род и вид¹. В правовой литературе данные обозначения предлагается именовать «квалифицированными средствами индивидуализации» в силу того,

¹ Следует отметить, что в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-3 «О географических указаниях» установлен иной подход к соотношению рассматриваемых обозначений. Согласно статье 1 данного документа понятие географическое указание включает в себя понятия «НМПТ» и «указания происхождения товара». См.: [5].

что «в формировании географического обозначения указание на географическое происхождение товара имеет индивидуализирующее свойство, определяющее особое качество и характеристики товара» [14, с. 14].

Вместе с тем, существуют и значительные отличия географических указаний от НМПТ.

Во-первых, как специфический вид географического указания НМПТ используется для обозначения товара, особые свойства которого определяются характерными для данного географического объекта природными условиями (людскими факторами), то есть влияние географической среды на качество или специфику товара является определяющим. В свою очередь, географическое указание применяется в случае наличия связи качества, репутации или иной характеристики товара с его географическим происхождением, что позволяет отличать товары, обозначенные географическим указанием от однородных товаров. «Ключевое отличие заключается в том, что связь с местом происхождения в случае наименований мест происхождения товаров представляется более прочной» [18, с. 178].

Во-вторых, применительно к географическим указаниям допускается, что на территории соответствующего географического объекта может осуществляться только один из этапов изготовления товара, оказывающий существенное влияние на формирование характеристик товара (абз. 1 п. 1 статьи 1516 ГК РФ в ред. ФЗ № 230). В то же время НМПТ обозначает товар, особые свойства которого максимально связаны с определённой местностью. При этом на территории географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара (абз. 2 п. 1 статьи 1516 ГК РФ в ред. ФЗ № 230), то есть сырьё и его переработка должны находиться в одном географическом месте.

Указанное различие правового режима рассматриваемых обозначений оказывает влияние на процедуру их регистрации. В отношении НМПТ регистрация носит более усложнённый характер, ибо к составу заявки предъявляются дополнительные требования. Так, помимо иных документов заявитель должен представить: а) сведения, содержащие обоснование того, что товар, который заявляется на государственную регистрацию НМПТ, обладает особыми свойствами; б) описание особых свойств товара, включая указание на исходный материал, используемый для его производства, основные физические, химические, художественные или иные характеристики товара (п. 1 статьи 1522.1 ГК РФ в ред. ФЗ № 230). Кроме того, если географический объект, наименование которого заявляется в качестве НМПТ, находится на территории Российской Федерации, к заявке на наименование места происхождения товара прилагается заключение уполномоченного компетентного органа, которое подтверждает, что в границах данного географического объекта заявитель производит товар с особыми свойствами (п. 2 статьи 1522.1 ГК РФ в ред. ФЗ № 230).

Таким образом, наличие особых свойств товара исследуется в процессе экспертизы заявленного на регистрацию в качестве НМПТ обозначения (п. 1 статьи 1525 ГК РФ в ред. ФЗ № 230) и является одним из условий предоставления обозначению правовой охраны.

В-третьих, если НМПТ всегда выражается в словесной форме, то географическое указание может быть выражено и в иной форме, в частности, в изобразительной. Например, товары, произведённые в горных местностях, часто отмечают не только названиями, но и изображениями горных объектов.

В-четвёртых, согласно статье 1520 ГК РФ в ред. ФЗ № 230 различаются знаки охраны географических указаний и НМПТ (предупредительная маркировка).

Резюмируя изложенное, отметим, что анализ черт сходства и различия географических указаний и НМПТ имеет определённое практическое значение. К примеру, учитывая черты сходства рассмотренных символов, существует возможность преобразования НМПТ и заявки на НМПТ в географическое указание и заявку на географическое указание, и наоборот (п. 3 статьи 1522.1 ГК РФ в ред. ФЗ № 230). Однако с учётом отмеченных различий в построении правовой охраны данных географических обозначений необходимо установить законодательные критерии такого преобразования¹. Важно, чтобы все возможности, заложенные в нормах ГК РФ Федеральным законом № 230, могли быть реализованы на практике.

Список литературы

1. Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации от 31 октября 1958 г. – URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/regISTRATION/lisbon/> (дата обращения: 19.09.2019).

2. Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях и инструкция к Женевскому акту Лиссабонского соглашения от 20 мая 2015 г. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_239.pdf (дата обращения: 11.09.2019).

3. Конвенция по охране промышленной собственности : заключена в Париже 20 марта 1883 г. : ред. от 02 октября 1979 г. // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке.

4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] : заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. : с изм. от 06 декабря 2005 г. // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке.

¹ На указанную недоработку обращал внимание Президентский совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при рассмотрении законопроекта о географических указаниях. См.: [19].

5. О географических указаниях : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З. – URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_geograficheskikh_ukazaniyah/1.htm (дата обращения: 11.09.2019).

6. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ : ред. 18 июля 2019 г. // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке.

7. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : Федеральный закон № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4132. – Документ вступает в силу 27 июля 2020 г., за исключением отдельных положений.

8. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров : закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке. – Утратил силу.

9. Об участии делегации РФ в качестве наблюдателя в Дипломатической конференции по принятию нового акта Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации (г. Женева. 11–21 мая 2015 г.) : распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2015 г. № 748-р // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке.

10. О применении четвертого антимонопольного пакета : письмо ФАС России от 24 декабря 2015 г. № ИА/74666/15, п. 9.2 // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке.

11. Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2016 г. № 304-КГ15-17805 по делу № А03-24423/2014 // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке.

12. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27 декабря 2010 г. № Ф03-9234/2010 по делу А 51-3036/2010 // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: по подписке.

13. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: Комментарий / Г. Боденхаузен. – Москва : Прогресс, 1977. – 377 с.

14. Шахназарова, Э. А. Охрана географических обозначений в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. А. Шахназарова. – Москва, 2019. – 33 с.

15. Федотов, М. А. Прощание с принципами (вопрос дифференциации в законодательстве об интеллектуальной собственности) // Российская юстиция. – 2006. – № 8. – С. 8–10.

16. Право интеллектуальной собственности : учебник / И. А. Близнац, Э. П. Гаврилов [и др.] ; под ред. И. А. Близнаца. – Москва : Проспект, 2013. – 960 с.

17. Право интеллектуальной собственности. Т. 3 : Средства индивидуализации : учебник / под ред. Л. А. Новосёловой. – Москва : Статут, 2018. – 432 с.

18. Шахназарова, Э. А. Особенности международно-правовой охраны наименований мест происхождения товаров и географических указаний в свете принятия Женевского акта Лиссабонского соглашения 20 мая 2015 г. // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 171–180.

19. Вараксин, М. Президентский совет одобрил внедрение нового вида интеллектуальных прав в ГК. – URL: <https://pravo.ru/news/206016/> (дата обращения: 11.09.2019).

References

1. *Lisbon Agreement for the Protection of Appellations of Origin and their International Registration of October 31, 1958*. Available at: <https://www.wipo.int/treaties/ru/registration/lisbon/> (accessed 19 September 2019). (In Russian).

2. *Geneva Act of the Lisbon Agreement on Appellations of Origin and Geographical Indications and instructions to the Geneva Act of the Lisbon Agreement of May 20, 2015*. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_239.pdf (accessed 19 September 2019). (In Russian).

3. *Convention for the Protection of Industrial Property: concluded in Paris on March 20, 1883: ed. from October 2, 1979*. Available at: Legal reference system ConsultantPlus. By subscription. (In Russian).

4. *Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) [Russian, English]: concluded in Marrakesh on April 15, 1994: as amended. December 6, 2005*. Available at Legal reference system ConsultantPlus. By subscription. (In Russian).

5. *On geographical indications: Law of the Republic of Belarus dated July 17, 2002 No. 127-3*. Available at: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_geograficheskikh_ukazaniyah/1.htm (accessed 19 September 2019). (In Russian).

6. *On Protection of Competition: Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ: as of July 18, 2019*. Available at: Legal reference system ConsultantPlus. By subscription. (In Russian).

7. On state regulation of the production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on the restriction of consumption (drinking) of alcoholic products: Federal Law No. 230-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 30, art. 4132. The document enters into force on July 27, 2020, with the exception of certain provisions. (In Russian).

8. *On trademarks, service marks and appellations of origin: the law of the Russian Federation of September 23, 1992 No. 3520-1*. Available at: Legal reference system ConsultantPlus. By subscription. Lost power. (In Russian).

9. *On the participation of the Russian delegation as an observer in the Diplomatic Conference on the adoption of a new act of the Lisbon Agreement on the Protection of Appellations of Origin and their International Registration (Geneva, May 11–21, 2015)*:

Decree of the Government of the Russian Federation of April 28, 2015 No. 748-p. Available at: Legal reference system ConsultantPlus. By subscription. (In Russian).

10. *On the application of the fourth antitrust package: letter of the FAS of Russia dated December 24, 2015 No. IA / 74666/15, P. 9.2.* Available at: Legal reference system ConsultantPlus. By subscription. (In Russian).

11. *The determination of the Supreme Court of the Russian Federation of April 22, 2016 No. 304-KG15-17805 in the case No. A03-24423 / 2014.* Available at: Legal reference system ConsultantPlus. By subscription. (In Russian).

12. *Resolution of the FAS of the Far Eastern District of December 27, 2010 No. F03-9234 / 2010 in case A 51-3036 / 2010.* Available at: Legal reference system ConsultantPlus. By subscription (In Russian).

13. Bodenkhauzen G. *Parizhskaya konventsiya po okhrane promyshlennoi sobstvennosti: Kommentarii* [Parisian convention on protection of industrial property: Comment]. Moscow: Progress Publ., 1977. 377 p.

14. Shakhnazarova E. A. *Okhrana geograficheskikh oboznachenii v mezhdunarodnom chastnom prave* [Protection of geographical designations in the international private law]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2019. 33 p.

15. Fedotov M. A. *Proshchanie s printsipami (vopros differentsiatsii v zakonodatel'stve ob intellektual'noi sobstvennosti)* [Farewell to the principles (an issue of differentiation in the legislation on intellectual property)]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2006, no. 8, pp. 8–10.

16. Bliznets A., ed. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti: uchebnik* [Intellectual property right: textbook]. Moscow : Prospekt Publ., 2013. 960 p.

17. Novosyolova L. A., ed. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti. T. 3 : Sredstva individualizatsii : uchebnik* [Intellectual property right]. Vol. 3. Means of individualization: The textbook. Moscow: Statut Publ., 2018. 432 p.

18. Shakhnazarova E. A. *Osobennosti mezhdunarodno-pravovoi okhrany naimenovaniy mest proiskhozhdeniya tovarov i geograficheskikh ukazanii v svete prinyatiya Zhenevskogo akta Lissabonskogo soglasheniya 20 maya 2015 g.* [Features of international legal protection of names of places of goods origin and geographical instructions in the light of adoption of the Geneva act of the Treaty of Lissbon on May 20, 2015]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 11, pp. 171–180.

19. Varaksin M. *Prezidentskii sovet odobril vnedrenie novogo vida intellektual'nykh prav v GK* [The Presidential Council approved the introduction of a new type of intellectual property in the Civil Code]. Available at: <https://pravo.ru/news/206016/> (accessed 11 September 2019).

УДК 34-048.63(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/152-163

Д. А. Кириллов¹

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: kdakda@mail.ru

Е. Г. Сеченова²

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: e.g.sechenova@utmn.ru

ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ ОБ ИМИТАЦИОННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. Статья содержит обоснование имитационности российской юридической науки (далее – РЮН). Исходными посылками является то, что ряд феноменов, сопряженных с наукой как системой объективных знаний, лишь внешне имитируют свою принадлежность к науке и потому именуется квазинаучными. Имитационность науки (отрасли науки) – это качество (свойство) определённой совокупности знаний, обозначающее лишь её номинальное сходство с наукой (отраслью знаний) и обусловленное наличием в ней критического количества квазинаучных феноменов. Наличие отдельных имитационных элементов в РЮН сегодня очевидно многим. Авторы же, сопоставляя притворность российского правового пространства с современным состоянием РЮН, выдвигают и обосновывают гипотезу об имитационности РЮН в целом. Для обоснования гипотезы в статье выдвигается и обосновывается тезис о том, что результаты правового исследования, в котором не выяснена реальность исследованных правовых явлений, квазинаучны. На предмет соответствия выдвинутому тезису проводится анализ отдельных элементов РЮН – содержание научных публикаций и диссертаций, процесс присуждения учёных степеней, роль науч-

¹ Дмитрий Александрович Кириллов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия.

² Екатерина Григорьевна Сеченова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия.

Для цитирования: Кириллов Д. А., Сеченова Е. Г. Обоснование гипотезы об имитационности российской юридической науки // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 152–163.

ных институтов в оценке научных знаний, научный и методологический уровень исследователей. По итогам изучения 617 научных публикаций по разным отраслям права выявляется, что в 96 % работ не содержится оценки реальности исследованных «номинальных» правовых явлений, а в 60 % работ их авторы ошибочно считают реальными притворные правовые явления. Все докторские диссертации, прошедшие в 2016–2018 гг. защиту в диссертационном совете одного из ведущих научных центров по специальности 12.00.04, содержат признаки квазинаучности. Не менее половины докторов юридических наук не понимают, что такое методология исследования, и имеют низкий научный уровень. Значительное количество юридических научных центров присуждают учёные степени лицам с низким научным уровнем и в целом воспроизводят имитационную науку, а государство этому не препятствует. Поэтому гипотеза об имитационности РЮН представляется обоснованной.

Ключевые слова: квазинаучные феномены, элементы науки, отрасль знаний, российская юридическая наука, имитационность, критическая масса; правовое пространство, притворность, номинальные явления, реальные явления, исследование, докторская диссертация, методология; диссертационный совет, научный центр, отзыв на диссертацию, присуждение учёной степени, лингвистический анализ, плагиат, низкий уровень.

Dmitry A. Kirillov¹

Tyumen State University, Tyumen, Russia
E-mail: kdakda@mail.ru

Ekaterina G. Sechenova²

Tyumen State University, Tyumen, Russia
E-mail: e.g.sechenova@utmn.ru

SUBSTANTIATION OF THE HYPOTHESIS ABOUT THE IMITATIVENESS OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE

Abstract. The article contains the substantiation of imitativity of the Russian legal science (hereinafter-RLS). The basic premise is that a number of phenomena associated with science as a system of objective knowledge, only externally imitate

¹Dmitry A. Kirillov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Litigation, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

²Ekaterina G. Sechenov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology and Translation, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

For citing: Dmitry A. Kirillov, Ekaterina G. Sechenova. Substantiation of the hypothesis of imitation of Russian legal science // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 152–163.

their belonging to science and therefore referred to as quasi-scientific. The imitiveness of science (branch of science) is a quality (property) of a certain set of knowledge, indicating only its nominal similarity with science (branch of knowledge) and due to the presence in it of a critical number of quasi-scientific phenomena. Existence of several imitative elements in RLS today is obvious to many people. However, the authors, comparing the pretense of the Russian legal space with the current state of the RLS, have put forward and substantiated the hypothesis of the imitiveness of the RLS as a whole. To substantiate the hypothesis, the article puts forward and substantiates the idea that the results of legal research, which does not clarify the reality of the legal phenomena studied, are quasi-scientific. For comparison, an analysis of the individual elements of the RLS has been carried out - the content of scientific publications and dissertations; the process of awarding scientific degrees; the role of scientific institutions in assessing scientific knowledge; the scientific level and the methodological level of researchers. According to the results of the study of 617 scientific publications in different branches of law, it has been revealed that 96 % of the works do not contain an assessment of the reality of the studied "nominal" legal phenomena, and in 60 % of the works their authors mistakenly consider that the feigned legal phenomena are the real ones. All doctoral dissertations that have passed defense in the dissertation council of one of the leading research centers in the specialty 12.00.04 in 2016-18 contain signs of quasi-science. At least half of the doctors of law fail to understand what a research methodology is and have a low scientific level. A great number of legal research centres award degrees to the people with a low scientific level and generally reproduce the imitative science, and the state does not prevent this. Therefore, the hypothesis of imitational RLS seems justified.

Keywords: quasi-scientific phenomena, elements of science, branch of knowledge, Russian legal science, imitativeness, critical mass, legal space, feignfulness, nominal phenomena, real phenomena, study, doctoral dissertation, methodology, dissertation Council, science Center, review of the dissertation, awarding a degree, linguistic analysis, plagiarism, low level.

В порядке предисловия считаем необходимым подчеркнуть, что данный текст содержит аргументацию лишь гипотезы, поскольку полагаем, что само предположение об имитационности отрасли знаний требует обнародования и обсуждения, так как способно затронуть чувства большого числа людей. Отдаём себе отчёт в том, что текст, несмотря на наши усилия, не может не содержать элементов субъективизма. Просим считать подобные случаи извинительными, поскольку наши намерения направлены исключительно на позитивизацию про-

цессов в российской юридической науке. Будем особо признательны за указание на неточности и ошибки.

Как целостное сложноустроенное системное явление наука состоит из элементов – научной информации, научных подходов, научных организаций, субъектов научной деятельности, конкретных научных исследований и т.п., которые, различаясь функционально, предназначены для обеспечения объективности знаний о действительности. Элементы объединены в относительно самостоятельные подсистемы научных знаний, сообщества исследователей, а также научных институтов, процессов, изданий и т.п.

Ряд социальных феноменов имеют с элементами науки лишь внешнее сходство и именуются квазинаучными. Имитируя научность, такие феномены указывают на наличие «ненаучного знания внутри науки» [3, с. 122]. В совокупности они также образуют одну из подсистем науки. Пока таких феноменов «относительно» немного, существенного влияния науку они не оказывают. Но с увеличением удельного веса «квазинаучности» имитирующими науку могут стать как отдельные отрасли знаний, так и наука в целом. В этом случае можно вести речь об имитационности науки, которую для контекстных целей следует, на наш взгляд, определить как свойство науки, обусловленное наличием в ней критического числа квазинаучных феноменов. «Критическое» означает здесь условную границу между двумя состояниями научной сферы. Первое характеризуется *разрозненностью* проявлений имитационности, каковых недостаточно для возникновения ни эффекта эмерджентности (синергетика), ни нового качества (диалектика) и т.п. Второе состояние характеризуется относительной массовостью таких проявлений, тогда имитационность уже становится характерной для отрасли знаний или науки в целом.

Российская юридическая наука (далее – РЮН) не имеет принципиальных структурно-функциональных отличий от науки в целом. Её назначение – получение знаний о правовом пространстве, представляющем собой детерминируемую свойствами правосознания совокупность правовых явлений в границах той или иной юрисдикции [5, с. 34]. Правовыми явлениями выступают нормы, статусы, режимы, правоотношения, процессы и т. п. Значительная часть познавательного интереса РЮН связана с правовым пространством России.

Наличие в РЮН имитационных элементов сегодня мало у кого вызывает сомнения. Мы же, соотнеся в 2016–2019 гг. обоснованный нами вывод о притворности правового пространства России [5] с текущим состоянием РЮН, выявили и частично подтвердили ряд обстоятельств, позволивших сформулировать научную гипотезу об имитационности РЮН в целом.

Для сведения читателей, под притворностью правового пространства в широком смысле слова мы понимаем его интегративное свойство, заключающееся в наличии в нём критической массы притворных («прикрывающих») и «прикрывае-

мых» правовых явлений; а в узком – наличие значительного числа неформальных правоположений и иных правил, замещающих неработающие официальные источники права» [5 с. 35–36]. «Прикрываемые» (замещающие) правовые явления реальны, тогда как «прикрывающие» их (притворные) – лишь номинальны.

Исходя из того, что правовое пространство России притворно, мы считаем, что исследование юридических проблем следует «в идеале» начинать с ответов на три взаимосвязанных вопроса: являются или нет изучаемые «номинальные» правовые явления реальными; если не являются, то в связи с чем; какие реальные явления имеют правовое бытие вместо «номинальных».

Если исследователь не выясняет, по меньшей мере, реально ли изучаемое им «номинальное» явление, то его исследование чревато недостоверностью результатов, поскольку «номинальность» может оказаться бессодержательной. В связи с этим мы считаем возможным выдвинуть *основной тезис*: «...результаты правового исследования, в котором не выяснена реальность исследованных правовых явлений, квазинаучны» (далее – «основной тезис»).

«Основной тезис» представляется очевидным, поскольку, к примеру, из подходов диалектической методологии следует, что форма, как правило, имеет смысл, лишь если она выступает способом бытия содержания. Поэтому «форма, не соответствующая содержанию», должна выявляться и, по общему правилу, исключаться из логических конструкций. Похожие выводы следуют при оценке «основного тезиса» также и с точки зрения других методологических и теоретико-правовых подходов – постнеопозитивизма, синергетики, естественно-позитивной концепции правопонимания [12] и т.п. Безусловно, изучаемое явление, реальность которого не выяснена, может «вдруг» оказаться реальным «по факту». Однако, по нашему мнению, при исследованиях в притворном пространстве не следует полагаться на подобную, своего рода, «лотерею».

При изучении 617 разноотраслевых научных публикаций по праву пяти последних лет на предмет их соответствия «основному тезису», мы обнаружили крайне незначительную долю случаев, когда авторы прямо ставили бы вопрос о реальности описываемых явлений. Во встречающихся характеристиках рассогласованности между «реальным» и «номинальным» принято обходиться словами из логического ряда «нередко», «зачастую», «встречаются» и т.п. без оценки содержательности «номинального». Однако имеются и случаи, когда создается впечатление, что авторы, предполагая притворность явления, «не договаривают» важных мыслей. Здесь показательной представляется правовая идея о приоритете в сознании «усредненного» россиянина воли носителя властных полномочий перед идеей о верховенстве закона [1, с. 59–60].

В целом же по итогам изучения научных публикаций мы пришли к двум выводам. Во-первых, в подавляющей части работ (591 из 617, или 96%) не содержится

оценки реальности исследованных «номинальных» явлений. Во-вторых, в большей части работ (372 из 617, или 60%) их авторы ошибочно посчитали реальными притворные, на наш взгляд, правовые явления. Эти и все последующие выводы, очевидно, потребуют подтверждения, однако для обоснования гипотезы об имитационности РЮН (в части её отражения в текстах публикаций) проведённого исследования, на наш взгляд, достаточно. А лидируют в имитационности, по нашему мнению, науки трудового, налогового, муниципального, уголовно-исполнительного права, гражданского процесса.

Поскольку значительная часть научных публикаций исходит от субъектов диссертационных исследований, интерес с позиций «основного тезиса» привлекли написание и защита диссертаций. На первом этапе изучены шесть докторских диссертаций, защищённых в 2016–2017 гг. в диссертационном совете Д 212.123.05 (далее – «диссовет») по специальности 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право. Вуз, диссовет и специальность выбраны в связи с высокими рейтингом вуза (МГЮА) и показателями работы диссовета по специальности [6], а также особой публично-правовой востребованностью результатов работ по специальности.

Во всех работах обнаружены признаки легистского типа правопонимания, выразившегося в абсолютизации значения закона при существенных различиях между реальными свойствами явлений и их номинальными характеристиками. Так, во всех работах по финансовому праву федерализм рассматривается как данность современной России. Вместе с тем, к 2015 г. страна практически отошла от начал федерализма [10; 9, с. 106–107]. Отход явственно проявился, к примеру, в 2018 г. на выборах губернатора Приморья [13] – региона с ярко выраженным децентрализованным политическим мышлением избирателей. Заметим, что для науки финансового права реальность или притворность федерализма имеют не «дежурно-галочное», а методологическое значение. Это позволяет считать регион либо самостоятельным субъектом финансового права, либо «квазисамостоятельным недосубъектом» с ограниченным объёмом бюджетных и иных прав [7, с. 47–48]. Есть и другие проявления легизма. Поэтому, ввиду невыяснения авторами реальности актуальных для их работ правовых явлений, все диссертации содержат признаки квазинаучности.

Обратим внимание, что во всех диссертациях содержится указание на диалектический подход как методологическую основу исследований, что, в сочетании с элементами других подходов, позволяет в полной мере изучать явления и закономерности правового пространства. Вместе с тем, диалектика, которая «заявлена», и легизм, который в ряде случаев использован, если и сочетаемы, то с серьёзными оговорками, о чём в работах не сказано. Подобная непоследовательность, наряду с квазинаучностью, не исключает отсутствия в работах внутреннего единства (в части методологической непротиворечивости).

Мы также проанализировали роль вуза и диссовета (как научных институтов) в подготовке и защите диссертаций. Исходили из того, что все работы выполнены в вузе; работы «прошли защиту» в «диссовете», состоящем, в основном, из представителей вуза; являясь статусным научным центром, вуз установил в качестве «научной планки» ряд требований к уровню исследований и диссертаций; работы соискателей требованиям соответствуют. При таких обстоятельствах вина соискателей в квазинаучности работ не является основной, поскольку выводы о соответствии диссертаций критериям, установленным Положением «О порядке присуждения учёных степеней» (далее – «Положение») [8], делают вуз и диссовет. В порядке «точечного» изучения их роли в подготовке и рассмотрении квазинаучных докторских диссертаций по специальности 12.00.04, в качестве объектов для анализа были определены размещённые на официальном сайте МГЮА работы С. П. Бортникова [8] и Ю. В. Пятковской [8]. Обе диссертации отобраны не только по усмотренному нами признаку «квазинаучности», но и ввиду явного, по нашему мнению, а потому исключаящего присуждение учёной степени несоответствия работ требованиям пунктов 9, 10, 11, 13 «Положения».

Для консультаций в ходе исследования текстов привлекались девять специалистов в «диссертационной» и иных областях знаний. По диссертациям в диссовет представлены «исследовательские отзывы» предварительно апробированной структуры объёмом около 0,8 п. л.

Для апробации и контрольного сравнения аналогичные отзывы представлены на диссертации по специальности 12.00.01 Е. В. Пономаренко (теория права, Диссертационный совет Д 212.282.01, УрГЮУ) [11] и В. Г. Беспалько (история права, Диссертационный совет Д.002.002.07, ИГП РАН) [4], обе диссертации с признаками несоответствия требованиям пунктов 9 и 10 «Положения». Реакция обоих советов на отзывы была ординарной.

Реакция же «диссовета» на отзывы по диссертациям С. П. Бортникова и Ю. В. Пятковской была показательной в исследовательском смысле.

Отзыв соавтора данной статьи Д. А. Кириллова на диссертацию С. П. Бортникова [6], в котором указывались содержательные и безусловные формальные препятствия к присуждению искомой степени, поступил своевременно, был размещён на сайте диссовета [6], однако в ходе защиты и в Заключении диссовета упомянут не был, по поводу чего в Минобрнауки было направлено заявление, оставшееся «без ответа». По итогам защиты принято решение (17-0-0) в пользу С. П. Бортникова, которое косвенно подтвердило наше исходное предположение о том, что совет фактически оценивает не столько диссертацию, сколько работу вуза и своих членов.

В отзыве [6] на диссертацию Ю. В. Пятковской, который был на этот раз включён в Заключение диссовета, обосновывается методологическая несостоя-

тельность работы, указывается, что очевидны, в основном, экономическое содержание исследования, а также недостаточность авторского вклада для присуждения искомой степени, причем вклада как в РЮН, так и в науку вообще. Также указано на ряд безусловных оснований для отказа в присуждении искомой степени, в частности, на явно недостаточное количество «статусных» публикаций (9 работ вместо 15), относимых к теме работы. По итогам защиты диссовет принял единогласное решение (18-0-0) в пользу Ю. В. Пятковской, что не может не подчёркивать его последовательность в оценке не только диссертации, но и работы вуза и своих членов.

Как было показано выше и следует из ряда публикаций, квазинаучность диссертационных исследований может быть обусловлена, в частности, отсутствием адекватной методологической основы, поскольку из-за «...методологической неопределённости ... усиливается негативная тенденция в научных исследованиях, которые имеют лишь внешние признаки научности» [2]. Это, на наш взгляд, вносит весомый вклад в имитационность РЮН.

Учитывая реакцию диссовета на восемь квазинаучных диссертаций, мы провели лингвистический анализ их фрагментов, в которых раскрыта методология исследований. Выявлено, в частности, что в работах Д. М. Мошковой [6] и Р. А. Тория [6] описание методологии имеет признаки бессмысленной схожести до степени смешения, а также заметное сходство с описанием методологии в работе Ю. К. Цареградской [6]. Фраза «Исследование основывается на принципах системности, диалектики, взаимообусловленности и взаимосвязанности социальных процессов» [6] из работы А. Г. Гузнова не только, на наш взгляд, нелогична, поскольку системность, взаимозависимость и взаимосвязь – принципы диалектики, но и воспроизведена Ю.В. Пятковской, которая к тому же и в целом достигла высокого уровня схожести «своего» описания методологии с фрагментом работы А. Г. Гузнова [6]. И т.п.

Выявленные обстоятельства позволяют предположить, что не менее половины прошедших «через диссовет» докторов наук либо недопонимают, что такое «методология», либо заимствуют чужой текст. Применительно к данной части работы это, помимо прочего, указывает, на наш взгляд, на методологический и, соответственно, научный «недоуровень» авторов.

На этом фоне мы просто не можем не выразить сожаления по поводу того, что Е. В. Пономаренко (как представляется, единственному из авторов упомянутых нами диссертаций, имеющему явно выраженные «докторские» научный потенциал и методологический уровень) в присуждении искомой степени отказано [11]. Но подчеркнём, что поскольку в работе Е. В. Пономаренко всё-таки имели место нарушения требований пунктов 9 и 10 «Положения», сожаление наше не безусловно, а лишь «на фоне» присуждения учёных степеней в девяти, мягко говоря, крайне небесспорных ситуациях.

Для получения представлений о масштабах распространенности в России методологически ущербных юридических докторских диссертаций, мы провели лингвистический анализ разделов о методологии двадцати семи диссертаций, «защищённых» в 2000–2018 гг. в различных «нестоличных» советах. В семнадцати из двадцати семи диссертаций (63 %) уровень текста или наличие явно заимствованных формулировок в описании методологии указывают, на наш взгляд, на признаки методологической «недосостоятельности» авторов.

С авторами десяти из этих семнадцати диссертаций нами в сентябре – декабре 2018 г. были проведены беседы с «подведением» темы разговора к разделам их диссертаций о методологии. Девять авторов указали на исключительно «ритуальное» или близкое к таковому значение раздела диссертации о методологии, а также в целом поддержали тезис о том, что «особого смыслового значения для результатов исследований данный раздел не имеет». На вопрос же о том, почему бы им официально не заявить о бессмысленности методологического раздела, от каждого последовал практически одинаковый ответ из разряда: «А оно мне надо?». Один автор прямо «признался», что в методологии «понимает мало». А один из «противников» методологии, будучи после беседы проинформированным нами о противоречивости содержания и заимствованности значительной части текста его «методологии», доверительно сообщил, что ему в написании данного раздела оказывал помощь авторитетный учёный – научный руководитель по «прошлой» (кандидатской) диссертации, а сам он в этом «не специалист». Здесь, на наш взгляд, налицо лукавство, поскольку собеседник сразу не заявил, что в методологии понимает «не всё».

То есть, из десяти докторов наук, тексты методологических разделов работ которых указывали на невысокий «методологический» уровень авторов, девять выказали сомнение в нужности методологии, а один указал, что в методологии понимает мало. В связи с этим, для вклада в гипотезу об имитационности РЮН могут быть сделаны ещё *два вывода*. Во-первых, многие доктора юридических наук (мы полагаем, большинство) не только не разбираются в методологии, но и не считают методологию значимой для проведения исследования». Во-вторых, юридические научные институты готовы присуждать высшие учёные степени лицам, не обладающим необходимым для этого научным потенциалом и, тем самым, воспроизводить квазиправовую науку в целом, при этом «неквазинаучное сообщество» этому попустительствует, а государство – не препятствует».

На основании изложенного мы считаем гипотезу об имитационности РЮН обоснованной и подлежащей тщательной исследовательской верификации. При этом полагаем, что гипотетически основными мерами для достаточно быстрого преодоления имитационности РЮН могли бы стать, к примеру, скорейшая отмена системы государственного признания уровня научности; предоставление полномочий по та-

кому признанию любым организациям с выдачей «своих» дипломов; переоформление в течение трёх-пяти лет всех выданных ВАК РФ юридических научных дипломов в научные дипломы организаций, на базе которых проходили защиты.

Список литературы

1. Авдеев, Д. А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк) / Д. А. Авдеев. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2015. – 244 с.
2. Гуляихин, В. Н. К вопросу о методологии диссертационных работ в юридической науке // Юридические исследования. – 2012. – № 1. – С. 92–106.
3. Денисов, С. Ф. Квазинаука в ненаучном познании: структура и эволюция / С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 120–128.
4. Институт государства и права Российской Академии наук. – URL: <http://www.igpran.ru/prepare/board/4459/?id=2912> (дата обращения: 27.07.2019).
5. Кириллов, Д. А. Об опыте и перспективах преподавания юридических дисциплин в контексте притворности национального правового пространства / Д. А. Кириллов, Е. Г. Сеченова // Совершенствование юридических механизмов защиты прав и интересов субъектов. – Тюмень : Вектор Бук, 2017. – Вып. 2. – С. 29–40.
6. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина. – URL: <https://msal.ru/content/ob-universitete/sovety/dissertatsionnye-sovety/> (дата обращения: 27.07.2019).
7. Нисневич, Ю. А. Унитарный синдром // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Политология. – 2009. – № 2. – С. 43–53.
8. О порядке присуждения учёных степеней (вместе с «Положением о присуждении учёных степеней») : постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – 7 окт., № 40 (часть III). – Ст. 5074.
9. Родионова, А. К. Институциональный концепт «федерализм» и его роль в решении проблем политической жизни государств // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 103–109.
10. Тимченко, Д. В. О некоторых особенностях российского федерализма с позиции неоинституционального подхода // Молодой учёный. – 2016. – № 9. – С. 983–986.
11. Уральский государственный юридический университет. – URL: <https://www.usla.ru/science/dissovet/info-dissert.php?dissovet=1&dissert=389> (дата обращения: 27.07.2019).
12. Шафиров, В. М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию / В. М. Шафиров. – Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2004. – 260 с.

13. Яковенко, А. С боем взять Приморье. Чем закончились самые скандальные выборы в РФ. – URL: <https://www.aNews.com/p/102522968-s-boem-vzyat-primore-chem-zakonchilis-samy-skandalnye-vybory-v-rf/> (дата обращения: 27.07.2019).

References

1. Avdeev D.A. *Forma pravlenija v Rossii (kratkij konstituci-onnyj ocherk)* [The form of government in Russia (a brief constitutional essay)]. Tyumen: Tyumen St. Univ. Publ., 2015. 244 p.

2. Gulyaihin V.N. K voprosu o metodologii dissertacionnyh работ v juridicheskoj nauke [To the question of the methodology of dissertations in legal science]. *Juridicheskie issledovanija*, 2012, no. 1, pp. 92–106.

3. Denisov S.F., Denisova L.V. Kvazinauka v nenauchnom poznanii: struktura i jevoljucija [Quasi-science in unscientific cognition: structure and evolution]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin of Tomsk St. Univ. Ser. Philosophy, Sociology, Political Sci.], 2016, no. 4 (36), pp. 120–128.

4. *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Available at: <http://www.igpran.ru/prepare/board/4459/?id=2912> (accessed 27 July 2019). (In Russian).

5. Kirillov D.A., Sechenova E.G. Ob opyte i perspektivah prepodavanija juridicheskikh disciplin v kontekste pritvornosti nacional'nogo pravovogo prostranstva [On the experience and prospects of teaching legal disciplines in the feigned national legal space]. *Sovershenstvovanie juridicheskikh mehanizmov zashhity prav i interesov sub#ektov* [Improving legal mechanisms to protect the rights and interests of entities]. Tyumen: Vektor Buk Publ., 2017, vol. 2, pp. 29–40.

6. *Moscow State Law University named after O.E. Kutafin*. Available at: <https://msal.ru/content/ob-universitete/sovety/dissertatsionnye-sovety/> (accessed 27 July 2019). (In Russian).

7. Nisnevich Yu.A. Unitarnyj sindrom [Unitary syndrome]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Politologija* [Bulletin of the Peoples' Friendship Univ. of Russia. Political sci.], 2009, no. 2, pp. 43–53.

8. Decree of the Government of the Russian Federation of September 24, 2013. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 10 Oct., no 40 (part III), art. 5074. (In Russian).

9. Rodionova A.K. Institucional'nyj koncept «federalizm» i ego rol' v reshenii problem politicheskoj zhizni gosudarstv [The institutional concept of "federalism" and its role in solving the problems of the political life of state]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Transbaikal St. Univ.], 2015, no. 2, pp. 103–109.

10. Timchenko D.V. O nekotoryh osobennostjakh rossijskogo federalizma s pozicii neoinstitucional'nogo podhoda [On some features of Russian federalism from the perspective of a neoinstitutional approach]. *Molodoj uchenyj*, 2016, no. 9, pp. 983–986.

11. *Ural State Law University*. Available at: <https://www.usla.ru/science/dissovet/info-dissert.php?dissovet=1&dissert=389> (accessed 27 July 2019). (In Russian).

12. Shafirov V.M. *Estestvenno-pozitivnoe pravo: Vvedenie v teoriju* [Naturally Positive Law: An Introduction to Theory]. Krasnoyarsk: IC Krasnoyarsk St. Univ. Publ., 2004. 260 p.

Yakovenko A. *S boem vzjat' Primor'e. Chem zakonchilis' samye skandal'nye vybory v RF* [With battle to take Primorye. What ended the most scandalous elections in Russia]. Available at: <https://www.aews.com/p/102522968-s-boem-vzyat-primore-chem-zakonchilis-samye-skandalnye-vybory-v-rf/> (accessed 27 July 2019).

УДК 341.1/.8(049.32)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/164-171

В. В. Гаврилов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: gavrilovfirst@gmail.com

Р. М. Нурибетов²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: nurimbetov.rm@dvfu.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК:

**Бекашев К. А. Международное публичное право. –
М. : Проспект, 2019. – 1048 с.**

Аннотация. В 2019 г. увидел свет первый в России учебник по международному публичному праву для студентов магистерских программ, автором которого является видный отечественный юрист-международник К.А. Бекашев. В рецензии содержится характеристика его основных измерений: актуальности, формы, содержания. На примере одной из глав рассмотрены особенности авторского стиля изложения, смысловые акценты и структурные элементы работы. Рецензия поможет читателю, интересующемуся вопросами теории и практики международного права, осуществить первичное знакомство с выдающимся примером образовательной литературы по этому направлению. Продвинутый специалист может использовать её в качестве краткого обзора одного из фундаментальных трудов отечественной международно-правовой доктрины, ориентированных на использование в рамках образовательного процесса второго уровня высшего юридического образования.

Ключевые слова: рецензия, международное публичное право, система международных отношений, учебник, магистратура, аспирантура, справочные мини-разделы «Доктрина», «Судебная практика», «Практика».

¹ Вячеслав Вячеславович Гаврилов, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Рустамбек Махмудович Нурибетов, ассистент кафедры международного публичного и частного права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Гаврилов В. В., Нурибетов Р. М. Рецензия на учебник: Бекашев К.А. Международное публичное право. – М. : Проспект, 2019. – 1048 с. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 164–171.

Vyacheslav V. Gavrilov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: gavrilovfirst@gmail.com

Rustambek M. Nurimbetov²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: nurimbetov.rm@dvvfu.ru

TEXTBOOK REVIEW:

Bekyashev K. A. International public law. – М. : Prospect, 2019. – 1048 p.

Annotation. In 2019, the first textbook on international public law for students of master's programs was published, the author of which is a prominent Russian international lawyer K. A. Bekyashev. The review contains a description of its main features: relevance, form, content. Using one of the chapters as an example, we have considered the features of the author's style of presentation, semantic accents and structural elements of the work. The review will help the reader who is interested in the theory and practice of international law to make an initial acquaintance with an outstanding example of educational literature in this area. An advanced specialist can use it as a brief overview of one of the fundamental works of the domestic international legal doctrine, focused to be used on the second level of higher legal education.

Keywords: review, international public law, system of international relations, textbook, master's program, graduate school, reference fields-sections "Doctrine", "Judicial Practice", "Practice".

Значимость науки и, как следствие, учебной дисциплины международного публичного права в наши дни трудно переоценить. По мере усиления тенденций мирового развития, сопутствующих глобализации, растёт и роль регуляторов международного поведения различных субъектов. В этом смысле, международное право, как один из базовых компонентов международной системы, претерпевает всё больше изменений, порой незаметных, но от того не менее значимых.

¹ Vyacheslav V. Gavrilov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of International Public and Private Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Rustambek M. Nurimbetov, Assistant of the Department of International Public and Private Law, Law School Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Gavrilov V.V., Nurimbetov R.M. Textbook review: Bekyashev K. A. International public law. – М. : Prospect, 2019. – 1048 p. // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. P. 164–171.

В такой обстановке дисциплина международного публичного права должна неизменно оставаться частью российского высшего юридического образования. Не вызывает сомнений, что глубокое понимание природы международного права, равно как и знание его истории, методологии и отдельных дидактических блоков, является неотъемлемой частью подготовки современного юриста. Представляется, что рецензируемый учебник, автором которого является видный отечественный юрист-международник, доктор юридических наук, профессор Камиль Абдулович Бекашев, является не только солидным и проверенным источником знаний, но и вдохновляющим руководством по развитию и совершенствованию профессиональных качеств юриста. В данном учебнике не только магистрант или аспирант, но и любой другой исследователь найдёт исчерпывающий обзор концептуальных вопросов международного права, разбор и сопоставление международно-правовых явлений и идей, прояснит для себя противоречивые доктринальные нарративы, которыми традиционно изобилует эта учебная дисциплина.

К. А. Бекашев – заслуженный мэтр российской науки международного права, его действующий практик и выдающийся апологет. С конца восьмидесятых годов под его авторством (в том числе в соавторстве) увидели свет десятки учебников и учебных пособий как по дисциплинам международно-правового цикла, так и по отраслевым дисциплинам права Российской Федерации. Примечательно, что ранее под названием «Международное публичное право» этим же автором уже были опубликованы пять изданий учебника для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, ориентированных на образовательные программы специалитета, а также в 2014 году – учебник для студентов образовательных программ бакалавриата по юридическим направлениям. Этот ряд продолжает и настоящее издание, которое создано для использования в процессе обучения по программам магистратуры и аспирантуры.

Рецензируемый труд является первым на российском образовательном пространстве учебником, охватывающим все основные общие и отраслевые темы международного публичного права и ориентированным при этом на использование студентами магистратуры. И это очень важно, так как, несмотря на то, что программы юридической магистратуры в большинстве своём включают узкоспециализированные профильные дисциплины, изучение международного права на втором уровне высшего образования не может и не должно считаться чем-то излишним. Во-первых, это подтверждается аргументом о вероятной неготовности студента бакалавриата полноценно воспринимать сложные, абстрактные и порой неоднозначные концепции международного публичного права в отрыве от своего узко-профессионального контекста. Во-вторых, углублённое изучение международного публичного права в целом представляется существенным для подготовки экспертов в области международных отношений, дипломатов, чиновников международных организаций и государственных органов, принимающих участие в формировании и

реализации внешней политики. Несомненно также и то, что продвинутое знание в области международного права могут считаться признаком высокой культуры для каждого специалиста в сфере социальных и других наук.

Вопреки отечественным традициям, содержание учебника не разделено на общую и особенную части. Эту его особенность нельзя назвать недостатком, так как привычное российскому читателю доктринальное деление наполнения отраслей права носило бы в данном случае исключительно формальный характер – международное публичное право имеет мало общего с отраслями права в понимании постсоветской юридической мысли. Более того, внутренняя организация учебника устроена таким образом, что названия глав соответствуют названиям условных «отраслей» (или крупных тематических правовых институтов) в самом международном праве – «Право международных договоров», «Право международной безопасности», «Международное уголовное право». Главы, в свою очередь, разделены на параграфы, определённые в соответствии с отдельными вопросами значительной важности внутри тематического направления. Количество и содержательная направленность параграфов внутри каждой главы ожидаемо различается так, что каждая глава является самостоятельным уникальным структурным произведением. Особенное авторское отношение к систематизации предлагаемой информации ощущается также и в различиях параграфов по объёму (большинство параграфов занимают не более десятка страниц, но некоторые представлены весьма кратко (с. 298; с. 380)). Тем не менее все особенности структуры учебника можно объяснить определённой дезинтегрированностью изучаемого предмета, а также стилистикой уважаемого автора.

Ещё одна интересная черта структурной организации рецензируемого труда – выделение справочных мини-разделов «Доктрина», «Судебная практика», «Практика», а также тематических подразделов в тексте параграфов. Включение в учебник специальных текстов, посвящённых различным доктринам и практическому применению международного права, представляется несомненным плюсом. В то же время, поскольку тематические подразделы визуально не отличаются от справочных (и те, и другие выделены жирным шрифтом), неопытному читателю может оказаться сложным ориентироваться в подробностях изложенной информации.

Среди достоинств структурной стороны книги необходимо также отметить списки контрольных вопросов, рекомендуемой литературы и нормативных актов, завершающие каждую главу. Формулировки контрольных вопросов зачастую не привязаны к отдельным параграфам, однако очевидно, что их целью является не закрепление у читателя изложенной информации (что было бы сложно ввиду объёма и подробности текста учебника), а попытка призвать обучающегося к активному самостоятельному осмыслению прочитанного, а также закреплению базовых системообразующих положений пройденной темы. Другими словами, кон-

трольные вопросы направлены на формирование и отработку у читателя навыков обобщения, логического анализа, классификации, выстраивания связей между общим и целым, основным и производным, главным и второстепенным.

О цели развить у читателя самостоятельное мышление свидетельствует и тот факт, что количество контрольных вопросов не коррелирует с объёмом информации, предложенной в соответствующей главе, например, глава XI «Право международных организаций» занимает восемьдесят пять страниц, в то время как количество вопросов к ней – всего шесть. Подобная особенность объясняется предположительно высоким уровнем подготовки читателя-магистранта, для которого не столько важно усваивать отдельные детали (ведь все они уже собраны в учебнике, к которому можно обратиться), сколько развивать у себя навыки их когнитивной обработки.

Списки рекомендуемой литературы и нормативных актов также составлены предельно кратко и в большинстве случаев не превышают полутора десятков наименований. И это понятно, так как текст учебника содержит множество цитат классиков отечественной и зарубежной доктрины международного права, обобщений и кратких изложений содержания их концепций, а также цитат из международных договоров и иных официальных источников. Таким образом, необходимость обращаться к дополнительным источникам у читателя возникает объективно реже, чем при использовании менее детализированного учебника.

Стилистика изложения поставлена на службу максимальной информативности учебника. Учитывая финальный объём книги – свыше тысячи страниц, авторский стиль письма ожидаемо отступает перед необходимостью сделать «Международное публичное право» максимально полным источником непредвзятой и объективной информации о международном праве, его практике и проявлениях в науке и политике в России и по всему миру. Таким образом, автором выдержан строгий научный стиль, не допускающий эмоциональных высказываний или необоснованно субъективных суждений, что, конечно же, является достоинством для такого вида работы.

Содержательная сторона учебника достойна всяческих похвал. Каждая глава раскрывает материал очень развёрнуто и подробно. На страницах рецензируемого труда находят место исследовательские выкладки и замечания, детальный анализ правовых и доктринальных источников, обзор и сравнение различных концепций, оценка событий и личные позиции и рассуждения автора, который, таким образом, предлагает читателю использовать весь колоссальный объём знаний, содержащихся в рецензируемом издании, для решения учебных и профессиональных задач.

Для иллюстрации этого крайне ответственного подхода к научному содержанию учебника представляется необходимым более детально познакомить читателя с содержанием его введения и избранных частей некоторых глав.

Введение состоит из трёх разделов, каждый из которых предлагает авторское видение некоторых вопросов, существенных для изучения науки международного права, но тематически не входящих ни в одну из заявленных глав. Первый раздел – взаимосвязь международного права с другими отраслями науки. Здесь автор выявляет соотношение и разнообразные связи между международным публичным правом и другими отраслями *социальной науки*, такими как: история международных отношений, политология, теория международных отношений и пр. При этом он не только оценивает вклад означенных наук в изучение строения и функционирования международной системы, но и творчески предлагает направления возможных совместных исследований политологов и юристов-международников, а также фокусирует внимание читателя на необходимости осуществления междисциплинарной научной деятельности в соответствии с интересами Российской Федерации как политического и международно-правового субъекта.

Второй раздел посвящён актуальным, по мнению автора, проблемам международного права. К таковым он относит, в частности, кризис идеи верховенства права в международных отношениях (с. 15), неэффективность нормы о недопустимости распространения ядерного оружия (с. 17), новые виды терроризма (с. 18). Нельзя не отметить, что концепция верховенства международного права в международных отношениях традиционно не рассматривается в качестве одного из принципов международного права и, как это ни парадоксально, носит лишь доктринальный и декларативный характер.

Наконец, третий раздел озаглавлен как «Рекомендации по пользованию данным учебником». В этом разделе приводятся размышления о роли дисциплины международного права в системе высшего юридического образования, краткая методическая характеристика учебника и благодарности автора тем, кто помогал ему в составлении этого труда. Таким образом, уже с введения читатель настраивается на высокую академичность текста, связь его содержания с реальными фактами международной жизни, а также с мнениями авторитетных деятелей науки и политики.

Глава 1 структурно состоит из трёх параграфов, посвящённых понятию международного права, его структуре и взаимосвязи международного права и политики Российской Федерации. Предложенное в тексте данной главы понятие международного права опирается на анализ доктринальных размышлений ряда отечественных учёных, в том числе и самого автора, и, хотя представляется нам несколько тяжеловесным, но содержит в себе все характерные для отечественной науки и некоторые уникальные авторские элементы. При этом, в том же параграфе признаётся, что международное право есть лишь одна из составных частей системы международных отношений – его *координирующая часть*.

Здесь же читателю предлагается обзор существующих в мировой доктрине теорий по данному вопросу. Он не содержит авторской оценки предлагаемых идей,

предоставляя студенту возможность самостоятельно оценить их качество и привлекательность и выполняя важную задачу формирования у обучающегося личной позиции по отношению к предмету дисциплины (вместе с тем, несколько жаль, что в качестве альтернативы западным теоретическим конструкциям в данном разделе учебника не выдвигаются идеи отечественного происхождения). Подробно автор освещает вопрос множественности определений международного права и сущностного разграничения международного публичного и международного частного права.

Второй параграф главы 1 посвящён структурному делению международного права на отрасли. В соответствии с традиционной советской доктриной такое деление одобряется автором при наличии у некоей группы правовых норм уникального однородного предмета регулирования, уникального метода и специальных принципов. Приводятся различные варианты перечней отраслей международного права, и, в отличие от предыдущего параграфа, здесь автор, наряду с освещением западных и отечественных подходов, предлагает собственный вариант такого перечня, называя двадцать одну существующую и отмечая формирующиеся отрасли. Камилль Абдулович предусмотрительно оговаривает то, что этот перечень отвечает его представлениям о структуре системы международного права, хотя и не приводит чётких и развёрнутых критериев для классификации отраслей.

Третий параграф представляет собой обзор правовых основ внешнеполитического поведения Российской Федерации с позиции её национальной безопасности. Примечательно, однако, что автор не даёт здесь оценок конкретным актам Российской Федерации на международной арене, подчёркивая лишь её приверженность международному праву.

Особенности изложения материала, проявившиеся в первой главе, в значительной степени распространяются на все разделы учебника в целом. Каждая его глава содержит параграфы, представляющие собой обзор существующих доктринальных концепций и правового материала, дельно дополненный анализом практики государств и международных организаций и высоконаучными рассуждениями автора о традиционных вопросах российской теории международного права. Особо хочется отметить включение в большинство глав специального параграфа, проясняющего позицию Российской Федерации (часто в лице представителей высших должностей государственной службы, чиновников и депутатов Федерального Собрания) относительно действующих источников, свершившихся событий и актуальных тенденций, связанных с тематикой конкретной главы.

Внимательный читатель может проследить в текстах этих параграфов тенденцию не критичного отношения и отказа от подробного разбора казусов последнего времени с участием России, породивших возмущение в международных отношениях, не утихающее и по сей день. Так, присоединение Крымского полуострова в учебнике лишь кратко упомянуто в качестве примера действия государства по при-

соединению территории на основе международного договора (с. 594). Впрочем, на сегодняшний день нет объективных оснований утверждать, что подробное обсуждение таких событий на научном уровне действительно необходимо.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что учебник К. А. Бекашева «Международное публичное право» – это живая классика отечественной науки международного права, представляющая огромный научный и практический интерес как для студентов, изучающих эту дисциплину, так и для учёных и практиков, занимающихся вопросами практической реализации международно-правовых норм. При этом его следует воспринимать не только как учебное пособие, необходимое для решения образовательных задач, но и как фундаментальное авторское высказывание, интегрирующее колоссальный объём юридических концепций, социальных теорий, правового анализа, идеологии и правоприменения.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
Экономика, политика, право

Научный журнал

2019

№ 2

Председатель редакционного совета
С. Д. Князев

Главный редактор
А. И. Коробеев

Заместители главного редактора
В. В. Гаврилов, Е. П. Жариков, Н. В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь
В. В. Короченцев

Редакционный совет
П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Ли Сеун, Пак Ноенг, И. И. Рогов,
Д. Снайдер, Фу Куенчен, Хуан Даосю, И. В. Панова

Редакционная коллегия
К. В. Арановский, Л. Ю. Вотинцева, Н. Н. Коротких,
В. А. Номоконов, С. Д. Песцов

Редактор *Т. Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

Дата подписания в печать 30.06.2019.

Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 13,87. Уч.-изд. л. 12,55.

Тираж 500 экз. Заказ 462.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Издательстве
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10